

А. Ф. ВЕЛЬТМАН
—H—
СТРАННИК

Александр Фомич Вельтман

Странник

"Странник" – пестрая, многоплановая картина, объединяющая множество лиц: строевых офицеров и квартирмейстеров, солдат и крестьян, молдавских и валашских бояр и трактирщиков, бессарабских дам и слуг. Это в свою очередь вызывает языковую пестроту: на страницах романа звучит немецкая, греческая, молдавская, турецкая речь. Но в то же время это роман одного героя – Александра, Странника. Все остальные лица, появляющиеся эпизодически, создают фон, на котором разворачивается рассказ о жизни и поисках молодого офицера, о становлении его личности.

Тема "Странника" – история молодого человека – была подсказана временем. Большое влияние на замысел Вельтмана оказали те семь глав "Евгения Онегина", которые вышли к лету 1830 г. Если произведение Пушкина явилось энциклопедией российской действительности, то из-под пера Вельтмана вышла энциклопедия бессарабской столичной и провинциальной жизни.

Содержание

#1	0007
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	0008
#1	0008
День I	0012
День II	0022
День III	0024
День IV	0033
День VI и VII	0049
День VIII	0058
День IX	0068
День X	0071
День XI	0077
День XII	0083
День XIII	0091
День XIV	0111
День XV	0122
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	0127
#1	0127
#2	0127
День XXV	0130
День XVI	0132
День XVII	0140
День XVIII	0144
День XIX	0162
День XX	0169

День XXI	0179
День XXII	0187
День XXIII	0193
День XXIV	0197
День XXV	0210
День XXVI	0217
День XXVII	0226
День XXVIII	0233
День XXIX	0239
День XXX	0242
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	0248
#1	0248
#2	0248
День XXXI	0252
#4	0254
#5	0257
#6	0258
#7	0259
#8	0260
#9	0262
#10	0263
День XXXII	0264
#12	0264
#13	0266
#14	0269
#15	0270
#16	0271
День XXXIII	0272

#18	0275
День XXXIV	0280
День XXXV	0282
День XXXVI	0285
День XXXVII	0301
День XXXVIII	0307
#24	0307
День XXXIX	0316
День XL	0320
#27	0320
День XLI	0338
День XLII	0350
#30	0350
День XLIII	0355
День XLIV	0360
#33	0362
#34	0370
#35	0376
День XLV	0377
#37	0378
#38	0380
#39	0382
#40	0383
#41	0384

Александр Вельтман

Странник

В крылатом легком экипаже.
Читатель, полетим, мой друг!
Ты житель севера, куда же?
На запад, на восток, на юг?
Туда, где были иль где будем?
В обитель чудных, райских мест,
В мир просвещенный, к диким людям
Иль к жителям далеких звезд
И дальше – за предел Вселенной,
Где жизнь, сущность и свет
Смиренно сходятся на нет!
И т. д. [1]
Странник. Часть II

ВАМ [2]

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

День I

Намерение, Решительность. Европа. Выезд.
Предисловие. Быстрота. Нострадамус.
Прибытие в Хотин. Я. Положение Хотина.
Сон. Полночные прогулки. Заря

День II

Первый ночлег. Моя слава

День III

*Спокойствие путешествия. Замечание.
Отрывок из обыкновенных предисловий. Мона-
стырь. Берега Днестра. М. Каменка. Дорога
между Черной и Сахарной. Каруцы [3]. Сытый
голодного не разумеет. Страшный сон. Мон-
текукулли. Калейдоскоп. Солнце и Земля.
Эскандер. Мысль.*

День IV

Подробная карта. Скала. Наводнение в Испании и Франции. Всемирный потоп. Рыбы. Монастырь Городище. Проводник. Прибытие в Кишинев. Настоящее время. Расход

День V

Довольно справедливое заключение. Агамемнон. Вес холостого и женатого. Женатый походный офицер. Потеря времени. Молва. Приятный вечер

День VI и VII

Лукулл. Предрассудок. Кишинев. Жиды. Еврейская мелодия. Абуб. Первый шаг на улице. Плачинды. Экипажи. Митрополия. Куконы [4]. Пицца

День VIII

Я и время. Положение, Бессарабии. История Бессарабии. 300 спартанцев и 300 историков. Окошко. Молдаванский бояр. Куконица [5]

Ралу. Мой товарищ. Да и нет. Новоселье. Нас было... столько-то. Экспромт.

День IX

Магомет; 7-й сад Эдема; чудные древа и удивительные ангелы. Гора Абарим. Обетованная земля. Думы вслух

День X

Порядок. Разговор в стихах. Кишиневский сад. Кокетка; чудо, прелесть, роскошь, огонь и божество. М

День XI

Кишиневское озеро. Переселение крылатых; Гусь-Историк. Любопытные вещи в Кишиневе. Мой конь. Хозяйка. Бендеры. Карл XII. Ложесна

День XII

Тирасполь. Мазил; угощение; Джок. Мультипремультицимеск [6]. Разговор с милой читательницей. Г. Тирас; милетка. Вероломство читателя. Белгород; Овидий, Томи. Черное море; буря

День XIII

Феб и Аврора. Права. Командировка. Поэма Эскандер. Допросы. Вавилонская башня. Аккерманские стены; немецкая колония; кофий. Кагульское поле; Измаил; Суворов; Псаметтих. Манечка. Дорога по границе. Тоска и скука. Восклицание рыцарей. Нищие. Армасар

День XIV

Путь под покровительством Адеоны. Мои книги. Султанша. Черкесы. Хозары. Природа Подолии. Тульчин. Сад Хороший. Лебеди. Я гулял. Прошедшее. Няня. Купальня. С. Лозово. Манускрипт в стихах. Выписка из него. Мариолица

День XV

*Постоянное место в службе. Последняя
талия. Поход. М. Фальчи. Капля. Произвол.
Мой друг. Он же. Заключение I тома путеше-
ствия*

День I

I

Наскучив сидячую, однообразною жизнью, поедемте, сударь! – сказал я однажды сам себе, – поедемте путешествовать! – Как? куда, каким образом, с чем? отвечал я, лежа на широком диване, и с глубокомыслием затыкнулся дюбеком [7], – нужны деньги! – Нужна голова, нужны решительность и воображение; поверьте, что с этими способами можно удовлетворить самое мелочное любопытство; не сходя с места, мы везде будем, все узнаем. Разница между нами и прочими путешественниками будет незначительна: они самовидцы, а вы ясновидец. Что пользы все видеть и, подобно Пиррону и его последователям [8], во всем сомневаться; не лучше ли ничего не ви-

деть и ни в чем не сомневаться?

II

Кто твердо решился, тот уже половину сделал, говорит пословица. Я твердо решился путешествовать кругом света и далее, если можно; вот, от моей твердой решительности, половина света уже объехана: половина света, которая пуста и незамечательна, в которую я – и заезжать не буду.

III

Потрудитесь, встаньте, возьмите Европу за концы и разложите на стол... Садитесь! Вот она, Европа! Но не смотри вдруг на всю просвещенную часть земли. Занимать очи, слух или мысли в одно и то же время несколькими предметами ужасно как вредно для умственных способностей.

IV

Как любопытный чужестранец,

*И в мир любви я загляну;
То залюбуюсь на румянец,
То подивлюсь на белизну;
То засмотрюсь на все созданье,
То прикую свое вниманье
К частице общей красоты;
То в бездну погружусь мечты;
И осмотрю я в треугольник [9]
С известной точки шар земной;
А мой читатель, как невольник,
Скитаться будет вслед за мной!*

V

Итак, вот Европа! Локтем закрыли вы Подолию... Сгоните муху!... вот Тульчин [10]. Отсюда мы поедем в места знакомые, в места, где провели крылатое время жизни. Ступай в Могилевскую заставу!... Чу! кстати на улице зазвенел почтовый колокольчик... Бич хлопнул, прощайте, друзья! *audaces fortuna juvat!* [11]

VI

Я путешествую не для того, чтобы вы читали мое путешествие; но если оно попало

уже к вам в руки и вы непременно желаете видеть следы мои, от самой точки отъезда до благополучного возвращения, то по прибытии в Нубию [12] я объявлю вам цель своего путешествия и для чего я писал его; до того же времени советую прочитать книгу под заглавием: *Великие дела от маловажных причин*. Если же вам неинтересно будет знать, каким образом отыскана и вошла в употребление соль, то не читайте книги, довольно знать и одно заглавие.

Очень известно каждому любителю чтения, до какой степени несносно всякое предисловие, особенно когда г. Сочинитель, неуверенный еще, возьмут ли труд читать его книгу, просит уже пощады и помилования ей и извиняет недостатки ее всеми обстоятельствами своей жизни. Вот почему я не хочу продолжать предисловия.

Хоть я и не буду писать во многих местах ясно, но ни за что не соглашусь толковать настоящего смысла некоторых случайных выражений, которые на пути моем встретятся, как необъяснимые метеоры моего блуждающего воображения.

Покуда Геркулес найдет, на чем переправиться через Атлантический океан, пусть будет здесь: *Nec plus ultra!* [13]

VII

Кофе, или кофий, со славными сливками и трубка должны быть всегда заключением завтрака перед отъездом. Чухонское масло гладко стелется по белому хлебу, если это кофий утренний; и иногда кажется, что он не желудок мой, а мою душу наполняет собою.

До Могилева [14] нигде на станции мы неостановимся. Поздно сказано! Воображение уже спустилось с каменной горы, проехало без внимания город, таможню, карантин [15] и переправилось через Днестр, не двигая с места парома. Какая быстрота! Где сто десять верст?

VIII

«Торопливость носит наружность страха, небольшая медленность имеет вид уверенности», — пишет Тацит [16], и потому должно

ехать медленнее, кто-нибудь скажет; – неправда, говорю я и продолжаю путь во всю прыть своего воображения. Но оно расположилось отдыхать на кружочке на Днестре, над которым выгравировано: Атаки. Покуда вы ходите по местечку и по некоторой части прошедшего времени, я, между тем, с позволения вашего, прочитаю что-нибудь из тетрадки, которая с полки упала прямо в Ледовитое море.

Заглавие оторвано, начала нет; но кажется, что это дневные записки, писанные в роде предсказаний Нострадамуса [17]. Например:

Апр. 20:

Кто видел ее и меня

В минуты печальной разлуки?

Кто чувствовал жженье огня

И слышал лобзания звуки?

О друг мой! души не волнуи

Слезами, блистающим взглядом,

Мне будет медлительным ядом

Прощальный любви поцелуй!

Подобная вещь может с кем-нибудь случиться и не 20 апреля 1822 года, а 1, 4, 8 или 20 мая 1922 года; и потому все эти слова, пи-

санные давно и сбывшиеся в следующем веке, могут считаться чудным предсказанием.

IX

Но вы торопитесь ехать далее. От Атак Днестром, мимо с. Мерешевки, на гору, через Окнцу до м. Бричан; от Бричан еще 50 верст, и мы в Хотине [18].

X

*Смотрите пристально на карту:
Вот Бессарабия [19]! вот свет!
Я в нем, чуть-чуть не десять лет,
Как шар катался по бильярду!
Лишь иногда нелегкий черт
Меня выкидывал за борт.*

XI

Но посмотрим, что скажет Хотин. Город командует крепостью, крепостью-цитаделью, или замком. Через крепость проходит лощина, лощиной можно подойти к крепости. Замок древен, построили его генуэзцы. Тут же, кто-то написал, был замок греческой царевны Со-

фьи.

Замок, скалистый берег Днестра, шум воли, тропинка в гору, густой кустарник, сад, площадка на скате, сгнившая беседка... все это сливается в романтическую немецкую древность.

Странствующие рыцари исписали внутренность беседки стихами в честь своих Розалинд, Идалид, Ид и Саломей; исписали воспоминаниями, мыслями и т. п. вещами, на прим.:

Как любовь всегда оплошна!
Здесь однажды ненарочно...

Далее стерлось.

XII

Но, кажется, довольно на первый раз; не пора ли на ночлег? В городе душно, грязно! заедем куда-нибудь в деревеньку на Днестре; например, в Недобоуцы или в Шароуцы.

Так как по самой лучшей деревне Хотинского цынута [20] нельзя судить ни об обычаях, ни о нравах, ни об уме, ни о способностях

молдавского народа, то я откладываю описание его до первого джока [21], который мне случится видеть в Орхеевском цынуге. Между тем я теперь имею все право предпочесть сон всему в мире и запеть:

*О сон, о тайный чародей!
Безмолвной Леты житель!
Пришлец невидимый ночей,
Спокойствия отрадный водвори-
тель!*

*Люблю тебя, ты негой дан,
Люблю твое роскошное я ложе!
Твой соблазнительный обман
Мне в жизни стал всего дороже!*

*Я лег, я жду тебя, скорей
Осыпь меня волшебными цвета-
ми!
И усыпленьем сладким вей,
И обнимай пуховыми крылами!*

XIII

Нет, думал я, мне не хочется спать, я не буду спать, я не стану спать! Часы пробили полночь! какой знакомый час! бывало он для ме-

ня то же, что колокол к заутрене для Арины Макарьевны. Перекрестившись, я отправился и... гулял по берегу Днестра. Помните ли?

*Как роза, жаркою порою
Склонив румяную главу
И пышный стебель на траву,
Ждет утоления от зною
И, упоенная росой,
Листочки распахнув, лежит...*

Далее в манускрипте стерлись слова, как в Паросском мраморе стерлись некоторые оды Сафо [22].

XIV

Лежать, ждать сна и не засыпать, это ужасно!... Быстро пронеслась она по воображению!... кажется, прикоснулась ко всему существо моему!... обожгла меня!... Ах призрак, призрак!

*Очаровательна, румяна.
Игривой живости полна,
В прозрачной ткани из тумана,
Пленила чувства мне она!
Не сплю я... вся душа в томленьи!*

*Я жду ее... я весь горю!...
Ревнивцы, бросьте подозренья,
Я жду румяную зарю! [23]*

День II

XV

Дорога меня совершенно разбила; проснувшись около полудня, я чувствовал себя немного нездоровым. Кто пускается в такой дальний путь, того тревожит раздумье на первом ночлеге. Приятно путешествовать! — думает он; но для того, кто возвращается на родину, она ему кажется как берег для спасенного от кораблекрушения. Так Дон Жуан [24], пускаясь в путь, не мог отклонить печальных взоров своих от берегов Испании. Первый отъезд есть урок горестный. Он подобен чувству, которое ощущают даже целые народы, отправляясь на войну. Неизъяснимое волнение тревожит нас; сердце поражено ударом неожиданным. Как ни неприятны были люди и места оставляемые, но все нельзя не оглянуться без умиления на колокольню, возвы-

шающуюся между пышными домами города или между мирными хижинами селения. Таким точно показался бы мне костел св. Доминика, если б я родился в Тульчине и был католического исповедания; но, увы, он не произвел во мне никакого впечатления, подобно проповеди отца доминиканца, наполненной возваниями к благочестивым слушателям, чтоб они внимали истине, не заглядывались на стороны и не мыслили о посторонних. – Папинька! учитель мне сказал, что истина на дне колодца? – Да, друг мой, *на дне колодца в долгом ящике.*

XVI

Я желал бы... чтоб мое путешествие меня прославило... и т. д.

День III

XVII

Пора вставать, мой милый Александр, десятый час! – Нет, подожду, жаль оставить постелю и книгу... – Что это за книга? – *Путешествие Анахарсиса*. Г. Сочинитель аббат Бартеlemi [25] также ездил по картам и книгам, объехал всю Грецию и посетил глубокую древность.

О спокойное путешествие! куда не уедешь с крылатым воображением?

XVIII

Чтоб не без пользы совершить путешествие по Арктическому и Антарктическому полушарию глобуса, представляющего Землю, то должно вести подробную опись всем попадающимся в глаза предметам; например: №. Пример здесь был; но я половину примера стер, а другую выскоблил. Мне не понравился он по своей обыкновенности; впрочем, подоб-

ные примеры можно всегда найти в старых календарях, в счетах, в отчетах, в памятных и записных книжках.

XIX

Здесь также нехудо предупредить читателя, чтоб он не требовал от меня чистого, звучного слога и изысканной красоты. Выпиши, мой друг, эту страничку; это слова Аристотеля, Дионисия Геликарнасского, Квинтиллиана, Цицерона и пр. у. м. [26]

«Как неприятно видеть почтенного Автора, который унижается, стараясь сделаться писателем звучным, сокращает искусство свое для достоинства и благовидности выражений, трудолюбиво подчиняет мысли словам, избегает стечения гласных с детскою принужденностию, округляет периоды и уравнивает члены выражениями ничтожными и неуместными красотами».

XX

*Кому мой труд не неприятен,
Тот может раз его прочесть;*

*Но так как в солнце пятна есть,
То есть и в нем премного пятен.*

Это клочок из обыкновенных предисловий.

Теперь можем отправляться далее; едем, едем! и вот подали... карту. От Хотина в Кишинев, Днестром, дорога по крутому берегу, в некоторых местах узка и опасна; но наш экипаж везде проедет.

XXI

Не заезжая в Нагорени, Молодову, Коршан. Высилево, Вережаны и проч., где местоположение мило, прекрасно и близко к сердцу уроженца, но далеко от моих обстоятельств и привязанностей, я несусь далее. Атаки мимо! а то опять в два месяца вызовешь. Нет ничего хуже процесса по старому делу!

*Горит вечерняя заря,
Темнеет лес... нас только двое...
Уж крест потух монастыря...
Пойдемте! подозренье злое
Стыдливость в краску приведет,
И на невинных грех падет!*

Как это монастырь называется?... позабыли? Какая досада! на карте он не подписан.

XXII

Берега Днестра красивы, круты, скалисты, покрыты лесом и кустарниками; но они довольно наскучили нам единообразием предметов. В извилины заезжать не будем.

Это древняя Ольхиония, впоследствии Сокол, а наконец Сорока. Маленький гемуэзский замок, наподобие вырезываемого в гербах, вот все, что любопытно в м. Сороках. Против Сорок, за Днестром, г. Цекиновка, также ничем не замечательный.

Еще несколько десятков верст по Днестру, и вы видите на левом берегу прекрасный, очаровательный дом; за ним видите вы крутизну берега, усеянного регулярно виноградником; далее, в группах фруктовых деревьев и тополей, беседка; песчаные тропинки тянутся туда и сюда. В устье впадающей лоцины местечко. Это Каменка фельдмаршала графа Витгенштейна [27] в, героя и любимца России. Это рай! – Семейство ангелов! – C'est un

Dieu consolateur laissé aumilieu de ses enfants pour y être une image vivante du Dieu qu'ils adorent [28]... – говорит Ласепéде [29].

XXIII

От с. Чорны к Сахарне страшно ехать по берегу Днестра; несколько верст дорога идет по скалистому скату, покрытому кустарником. Дорога так узка, что если мысленно предположить, что съехались на ней два экипажа, то все действие умственного организма головы вдруг остановится, подобно монголам пред Китайскою стеною.

XXIV

Народные экипажи в Молдавии [30] называются каруцами; их два рода: конские и воловьи. – Первые так малы, как игрушки, а другие построены не на шутку и так велики, что две съехавшиеся могут загородить не только обыкновенную дорогу, но и дорогу в Тартар, которой будет сделано, со временем, особенное описание, ибо Мильтон и Данте не

представили маршрута, составленного Орфе-
ем [31].

XXV

Когда придет час обеда и донесут, что на стол подано, то всякий человек обыкновенно забывает в это время и страсти и обязанности свои безнаказанно; никто не имеет права упрекнуть его в эту минуту в равнодушии ко всему, что не касается до утоления его голода.

Принесу же и я жертву! Гладу – часть от тельца и от плодов земных, жажде – питье от лоз виноградных!

Всякий сочинитель должен предупредить обедом всех своих читателей из одной боязни, чтоб его не поняли, ибо – сытый голодного не разумеет.

Оставляя читателя на дороге, где несколько ему опасно и скучно стоять, я в оправдание представлю ему слова г. Шенье [32], который сказал, что всякий человек нуждается в снисходительности.

XXVI

В начале 1828 года, после сытного обеда, я подсел было к карте, но глаза мои стали коситься на Турцию [33], и я заснул.

*Послушайте, что снилось мне:
Я видел, будто на коне
Летел пред страшными рядами
Врагов колол, рубил, топтал
И грозно землю устилал
Их трупами и головами;
Но вдруг какой-то удалой
На поединок встал со мной!
Я дал ему удар жестокий,
Он устоял, и меч широкий
Взмахнул вдруг мне над головой
И снес мне голову долой!
Я чувствовал, как улетела
Душа, и кровь как холодела,
И смерть носилась надо мной!
Я умер... ахнул, пробудился!
Как полоумный, как шальной,
Ощупал я себя рукой;
Потом за голову схватился
И с радости перекрестился,
Узнав, что умираю во сне
И голова моя на мне!*

Я бы сказал здесь кое-что о наездниках ту-

рецких, о необходимости иметь во время войны, и даже во время войны с турками, добрую лошадь, хорошую саблю, верный пистолет, меткий глаз, твердую руку, небоязливую душу и тому подобные мелочи: но об этом намекал уже и Монтекулли, [34] и потому я обращаюсь к тому, об чем никто не намекал или очень мало намекали. Но есть ли подобная вещь в мире? – это только шутка! – В руках писателя все слова, все идеи, все умствования подобны разноцветным камушкам калейдоскопа. То же самое всякий перевернет по-своему, выйдет другая фигурка, и – он счастлив, ему кажется, что он ее выдумал.

Бедный мир! как все старо в тебе. Сколько лет Солнце волочится за Землей! вот платоническая любовь! вот постоянство! Что, если на старости лет Земля свихнется с истинного пути? – пропало человечество от огненных объятий Солнца!

XXVII

Здесь, кстати или некстати, по известным мне причинам или совсем без причин, един-

ственно по капризу, что очень часто на свете бывает, я должен или, все равно, хочется мне заметить следующее:

1) Александр Великий [35], по всем восточным писателям, называется Эскандер, или Искандер.

2) По тем же преданиям. Александр не совсем признается за сына Филиппова. Некоторые полагают его сыном Дараба (Дария), который женат был на дочери Филиппа. Абдул-Фараг и Санд-Эбн-Батрик [36] думают, что отец Александра был Нектанет, царь египетский, а как говорят некоторые писатели греческие, Нестабан, родом персиянин и маг, знал Олимпию.

3) По словам Юстина [37], Филипп никогда не признавал Александра за собственного сына, что и подтвердил при смерти, по признанию Олимпии, что она приняла сей плод от Дракона.

Вот все, что я хотел сказать сего дня.

XXVIII

Направляя стопы свои в спальню, я поду-

мал: верно, всякому хочется знать причину, для чего я пишу все это? -

Законная причина: моя воля; а побочная объяснится со временем. Что и будет очень натурально.

День IV

XXIX

Что может быть лучше подробной, верной карты? во время войны – для стратегических соображений полководца, для дислокации войск офицеру Генерального штаба, а мне – для спокойного ученого путешествия. Люблю окинуть одним взглядом поприще, на котором был, есть и буду!

Изъяснив таким образом невольный восторг мой при взгляде на всю подвластную человеку часть мира, я сажусь в челнок и плыву по течению Днестра...

XXX

Какой ужасный берег виден там на заворо-

те! скала нависла над рекою. Но что за норы чернеют в самой вершине? – Сей час удовлетворю ваше любопытство, хоть Горацій и велел убегать [38] от всякого любопытного, как от человека нескромного. Взберемтесь по каменистой дороге на гору. Дайте перевести дух!... Ну, далее, вот тропинка через сад. Днестр, как ручеек, извивается под нами. Мы теперь на вершине той скалы, которая так ужасала нас снизу. Осторожнее спускайтесь по этой вырубленной снаружи скалы лестнице! держитесь за перилы! не смотрите вниз, иначе голова закружится, и вы, избави бог, отправитесь к источнику сил, как говорит г. Сочинитель Метамеханики.

XXXI

Видите ли... О неосторожность... какое ужасное наводнение в Испании и Франции!... Вот что значит ставить стакан с водою на карту!... но думал ли я когда-нибудь, что столкну его локтем с Пиренейских гор?

Таким же образом, может быть, сказал я с глубочайшим вздохом, подобным моему ува-

жению к халдейским преданиям [39], таким же образом опрокинулся сосуд гнева Кронова [40] и пролилось Океан-море на землю!

*Текут лета младенчества Природы;
Уже раздор кипит в начальных племенах;
Но взволновались, как море, Неба своды,
Земля и племена в бушующих волнах!*

*О Солнце! ты тогда на ужас не светило,
Отбросило блистательность лучей!
Как туча черная, печаль тебя затмила,
Печаль о гибели Природы и людей.*

*Но тихнет глас громовый Элаима [41]
И снова сыплются лучи на бездну вод;
Уж над поверхностью глава Каркуры [42] зрима,
И в пристань первую земли ковчег плывет!*

Все претерпело от потопа, все гибло; только невинные рыбы хладнокровно плавали в бесконечном Океане и воображали: вот настало на земле вечное царство рыб!

Здесь очень кстати и необходимо присовокупить следующее:... И Крон сказал Ксизутру: возьми писание о начале, продолжении и конце всего, погреби в граде солнца Саспарисе... сооруди ковчег, предайся морю... плыви к обители богов!... И Ксизутр соорудил ковчег в пять стадий [43] длиною и в две шириною и, по повелению Крона, поплыл к обители богов, но, вероятно, как худой кормчий, сбился с дороги и сел на мель на горах Армении, которые по преданиям халдейским назывались Каркура.

XXXII

Как ни неприятно любопытному читателю возвращаться из Армении в Бессарабию, но что же делать? По обязанности своей, для общего порядка вещей, я беру его поперек и, как орел агнца, несу на ту лестницу в скале, которая ведет в монастырь Городище [44]. Вот, с

одного выдавшегося камня на другой, положена дощечка; это ход в старую церковь, вырубленную в скале. Оттуда спуск на каменную площадку. Монах встречает нас и ведет в те отверстия, которые казались лам норами диких птиц. Это кельи монахов. Вся эта скала, висящая над Днестром, есть монастырь Городище. Вновь вырубленная церковь состоит из трех отделов. В ней не поместится более 30 богомольцев. Святые мысли облакают душу в этой мирной обители. Ж. Ж. Руссо [45] сказал: «Забвение религии ведет человека к забвению всех обязанностей!»

Молдавский монах провел нас, сквозь разные скважины, в довольно просторную пещеру; наружная стена из дубовых досок с ружейными бойницами. – Это была защита от татар, – сказал он, разумеется, по-молдавски. – А это что такое? – Пушка. – Какой необычайной длины! – Повертя в руках, я положил почтительно ржавую древность опять на землю. Всякий согласится, что мне легче окинуть одним взором всю Вселенную и течение всех миров, составляющих оную (разумеется, на каком-нибудь изображении системы

планетной), нежели поднять пушку, но во время великого Стефана [46] все молдавские москали, т. е. солдаты, были вооружены пушками, т. е. ружьями.

XXXIII

Так как каждый проводник никогда почти не бывает нужен на обратном пути, что испытано мною на славном главном проводнике и вожатом молдавине Николае Поповиче в последнюю войну с турками, то... но здесь надобно сказать, что это было известное лицо в армии; во-первых, что за тучное животное! а во-вторых, что за деловой человек! Бывало, когда подле него едет и сам капитан над вожатыми, то кажется, едут душа и тело, а за ними течет все войско русское, как Океан-море великое!

Итак, проводник не нужен на обратном пути. Читатель как хочет и как желает, так и выбирается из монастыря Городища, по каменной лестнице на гору, и далее, по лестнице незримой, или на крыльях воображения, в обещанные Востоку Эдем и Эйрен [47]. Я же

отправляюсь в Кишинев, и отправляюсь с нетерпением, хотя девушка Скюдери [48] и сказала, что краткость жизни нашей не стоит нетерпения.

XXXIV

Б Кишинев! и вот меряю я циркулем по масштабу 5 верст в английском дюйме, по этой бумажной плоскости, по прямой дороге через с. Ла-лово, Стодольну, Лопатку, верхнюю, среднюю и нижнюю Жору, чрез Суслени и другие не подписанные на карте селения до г. Орхея, который лежит на р. Реуте и который можно проехать без всякого внимания. Таким образом мы проехали уже около 40 верст; еще столько, и мы в благополучном городе Кишиневе. Но так как дорога идет чрез хребет гор, большим лесом, и на ней, хотя очень редко, но бывают шалости, то без хлопот беру 40 верст циркулем и одним шагом совершаю путь, который для иных стоит 4 часов езды, со всеми предвидимыми и непредвидимыми трудами и опасностями. Последние слова заключают в себе, по данному им

мною весу, порчу колес, осей, погружение экипажей в грязь, остановку лошадей и разные мелочные дорожные случаи, выводящие из терпения путешественников, которые не читали 20-й оды Горация [49] и не знают, что терпение облегчает самые нестерпимые бедствия.

Остановимтесь на этой горе. Вот город на скале; вот и Бык; но о чем долго думать, передедемте через него! Да не подумает кто-нибудь, что я говорю о быке, который лег на дороге и не хочет встать, – совсем нет. География есть наука, описывающая, менаду прочим, что в Бессарабии есть река Бык, на которой лежит г. Кишинев [50].

О Кишиневе, когда я приехал в него в первый раз, можно было много сказать; но проехав чрез него, может быть, в последний раз, я бы не сказал ни слова, если б прошедшее время часто не заменяло нам настоящего.

XXXV

Что такое настоящее время? – спросит меня иной. – Настоящее время есть пища для

сердца, для чувств и ума. Просим покорно,
чем бог послал!... А какая дичь!...

XXXVI

Здесь следовал в манускрипте моем расход
на обед мой 25 июля 1830 года; но я не помещаю его, как вещь уже прошедшую, хотя никогда не худо заглянуть на прошедшие свои расходы. Подобно полному кошельку, и мы истощаемся, чахнем, и после издержек, в продолжение многих лет, на горе, чувственные удовольствия, болезни и т. п. вещи остается на нас сухая, бесплодная земля – и только.

*Когда же упадет роса,
На цвет, поблекнувший от зною?
Тогда ль, как сдвинутся с землею
Таинственные небеса?
Я года за три беззаботно,
Без дум, без ожиданий жил:
Тогда какой-то дух бесплотный
Меня без отдыха носил
От чувств к страстям, от них к
желаньям,
От бездны к светлым небесам,
С небес к земным очарованьям,*

*От прошлых к будущим годам,
И духом был тогда я сам!*

Здесь каждый понятный человек должен себе представить, что день кончился, что мы приехали на ночлег, хотя еще не известно ему, где остановились.

XXXVII

Если б я был женат или, лучше сказать, имел бы миленькую, хорошенькую и добренькую жену, – я ни за что на свете не решился бы расставаться с нею надолго и иначе путешествовать, как теперь, т. е. не сходя с покойного своего дивана. Вот почему: между старыми своими бумагами я нашел записную памятную книжку, а в ней следующее заключение: «после долговременного отсутствия забвение встречает неожиданный возврат взором ненависти». -

*Так после покоренья Трои
Вожди, цари и дивные герои
Чрез десять лет в отечестве своем
Холодный встретили прием.*

*По вожделенном возвращенье
И даже сам Агамемнон
Постель свою и царский трон
Застал в чужом распоряженье
[51].*

Впрочем, это ничего не значит. Агамемнон был великий полководец, но худой муж. – 10 лет! Господи боже мой! где мое терпенье! ни разу не побывать в отпуску! не подать о себе вести, и в какое же время? – за 1184 года до Р. Х. У нас, просвещенных христиан, только 7 лет безвестного отсутствия уничтожают брачные связи [52], и жена свободно может отдать свою руку, сердце, все движимое и недвижимое имение другому, и поделом, и по закону! – не пропадай от жены!

XXXVIII

Жениться прекрасно.

*В домашней неге я бы плавал:
Жена, семейство – рай земной!
Хоть между мужем в женой
Почти всегда посредник дьявол!*

Это также ничего: недостатки или допол-

нения в отношении нравственном могут тем или другим образом быть исправлены; но кроме этого к женитьбе бывают иногда невыгоды совершенно материальные. Вы вообразите, что если вы заключаете в себе вес или тяжесть единицы, а подруга ваша так легка, как ноль; если она подле вас с левой стороны, то это не беда, вам не делается от этого тяжелее; но если этот нолик стоит с правой стороны, то есть сочтан с вами по математическим и гражданским законам, то вообразите, что вам в десять раз труднее двигаться с места и в десять раз увеличиваются ваши потребности. Не правда ли? Вот что значит жениться; а вы думали, что вы да она=2? Нет!

*К тому же человек военный,
Походный обер-офицер
С своей супругой несравненной
Да с парой деток, например,
При всех его честях и званье
По мне забавное созданье!*

*Его какой-нибудь Лука
И пьян, и весел спозаранку,
Исправив должность денщика
И заменив жене служанку,*

*Идет на кухню, есть варит,
Потом в конюшню и не тужит,
Лошадку чистит да бранит
И всем равно и верно служит.*

*Я поздравлять их очень рад;
Все это мило и прекрасно!
Особенно, когда согласно
Они семейный мир храпят
И вместе денщика бранят.*

*Их счастье истинно прямое!
У них в хозяйстве все складное:
И зеркальцо, и стол, и стул,
Дорожный самовар, кастрюлька,
И даже есть складная люлька,
В которой сладко бы заснул
И сам Амур, младенец дерзкий,
Из уст супруги офицерской
Внимая: баюшки-баю
Малютку милую мою!*

*По недостатку и безлюдью
Она на все везде сама:
Сама ребенка кормит грудью
И учит говорить ма-ма! –*

Но я завидовал бы другу,

*Который в брак вступил шутя,
Имеет нежную подругу
И нянчит милое дитя!
Как часто, утомясь от службы,
В желаньях тонет жизнь моя!
И кажется, изрядный муж бы
С женой хорошей был и я;
Но эту странную идею
Ласкать надеждой я не смею.*

XXXIX

Если бы только один день я терял, заговорившись таким образом о вещах, до меня еще не касающихся; если бы только один я терял день без пользы, это было бы простительно; но и император Тит [53] почти всякий день повторял: *Amici, diem perdidit!* [54]

XL

– Знаете что! – вскричал вдруг вошедший ко мне приятель.

– Что?

– Знаете ли, что я слышал?

– Что?

- Что влюблены ужасно вы! -
- В кого же?
- И скоро по словам молвы...
- Дай боже!
- Но мой совет вам подождать...
- К чему же?...
- Чем больше будем рассуждать...
- Тем хуже!...

Вскричал я, закрутил локоны, осмотрелся в зеркало, поправил галстук, налил на платок духов и оставил своего приятеля в неведении, что со мной случилось.

XLI

Я недаром торопился, други-читатели. Вечер промчался. Как милы, приятны неожиданные, заветные удовольствия! Вообразите, я в таком был веселом духе, в каком очень, очень редко бывают люди влюбленные, Я даже решил петь. Для любопытных я пропою еще раз первый и последний куплет.

Откройся мне, о друг мой нежный!

Скажи, о чем печаль твоя?

Ужель ты страстью безнадежной

Томишься так же, как и я?

V

Когда любви узнаешь цену,

Тогда в награду приготовь:

За сердце – сердце дашь взамену,

А за любовь его – любовь!

*

Но читатель! деликатным

Я теперь не в силах быть!

Тороплюсь, чтоб сном приятным

День приятный заключить.

Не небесный рай мне надо:

Сон и мягкую постель.

Пойте песни, Дид и Ладю,

Нежь меня, крылатый Лель! [55]

Звуки сладостные тронут

Душу страстную во мне,

И медлительно потонут

Чувства в сонной глубине.

День VI и VII

XLII

Лукулл уже готов был вступить в битву с Тиграном [56], как вдруг донесли ему, что по предзнаменованиям день был несчастен; тем лучше, сказал он, мы его осчастливим победой.

Мне перебежал через дорогу заяц; это добрый знак, – думал я, подъезжая к городу, – это добрый знак! здесь водится много зайцев! – и въехал в Кишинев.

Рассудок говорит: ступай вперед! а предрассудок говорит: воротись! Что же такое предрассудок пред рассудком? – Предрассудок, господа. есть тот камень, который один глупый бросил в воду, а десять умных не вытащили.

XLIII

Вот таким-то образом, слово за слово, шаг за шагом, и мы уже тянемся ночью по гряз-

ным кишиневским улицам. Не зная никого в городе, самое лучшее велеть везти себя в заездный дом. – Вези меня в заездный дом! – вскричал я. – *Нушти!*[57]. – отвечал мне суруджи [58] – В трактир! – *Ла каре фатиръ?* – Ну хоть к Дакару. – *Нушти!* – отвечал мне суруджи. – Стой! проклятый Нушти! [59]

В некоторых домах еще светилося: я чувствовал, что пахло жидами. – Фактора!. – Фактора? Фактора? – раздалось со всех сторон. Во всех домах распахнулись двери, и вдруг какая-то магическая сила осыпала меня жидами. – Фактора вам? в трактир вам надобно? – Да! – К Исаевне, ваше благородие! лучше нет заездного дома во всем Кишиневе. – К Голде, в. б.! – кричала другая толпа. – Куда ближе, к Голде или к Исаевне. все равно! – К Исаевне ближе! – Не верьте им! к Голде ближе! Неправда, неправда! – раздавалось с левой стороны... – Ступай налево!... – Направо! – кричали другие.

– Вот Исаевна!

– Вот Голда!

– Где же? – Вот направо! – Не слушайте их, вот налево!

Наконец с обеих сторон в один голос раздалось: здесь! вот направо! вот налево! – и я увидел, что левую пристяжную жида тянут в ворота налево, а правую пристяжную в ворота направо, из чего я и заключил тотчас, что Исаевна и Голда обитают одна против другой. Но толстая жидовка слева предупредила толстую жидовку справа ласковым приглашением нива в комнату, и я вступил во владение Исаевны. Вещи внесли. Жиды рассеялись, как туман. На улице опять ничего не стало слышно, кроме еврейского испарения; петухи пропели полночь; дворовая собака в последний раз хамкнула; я потянулся – и заснул.

Так как сновидение есть не что иное, как бессонница воображения, то мне ничего не приснилось, потому что воображение мое успокоилось вместе со мной.

XLIV

День более 6 часов уже хозяйничал на нашем полушарии, когда я проснулся. Едва я оделся, толпа жидов с товарами хлынула в мою комнату. – Что вам надо, проклятые? – А

может быть, что-нибудь вам надо? – отвечали все вдруг. – Есть платки, помада, духи! может, что купите? – Полотенцы, салфетки, ножи! извольте посмотреть! – Прочь саранча! Убирайтесь к черту. – А где черт живет? – раздался умный жидовский вопрос. – Ей, проводи их к черту! – Не дождавшись проводника, все жида пустились в дорогу, и все утихло.

XLV

Акустика, или физика, жидовского наречия поразила меня. Есть что-то в произношении оригинальное, и в подражании может быть выражено только посредством какого-нибудь инструмента; но покушение напрасно, ибо абуб [60], древний инструмент, выразивший еврейскую мелодию и хранившийся в святилище храма Соломонова [61], погиб вместе с уничтожением храма. Изобрести подобный инструмент уже трудно, ибо мнения о свойстве его так же различны, как и вообще все мнения и заключения ученых о всякой древности по одним только сохранившимся названиям. Кирхер [62] в своей *Музур-*

гии говорит, что это был инструмент, похожий на трубу; Кальме [63] заключает, что абуб есть то же, что амбубайя, дуда, бывшая в употреблении у латин; по Талмуду [64] абуб есть дудочка; а по мнению всех прочих абуб есть тросточка, от которой барабан издавал тоны приятнее, нежели от обыкновенных барабанных палок.

Это очень любопытно для каждого любителя приятных звуков, или мелодии выражений, особенно издаваемых устами милых женщин; но это особенная статья, которая должна быть помещена в главе *о гармонии Вселенной и о хоре гениев, когда они возносятся на небо праведную душу*. И эта любопытно, но я уже оделся и тороплюсь осмотреть Кишинев.

XLVI

Первый шаг на улицу в неизвестном городе осьь минута затруднительная, в которую человек смотрит во все стороны и, обыкновенно, после короткой или долгой осмотрительности, идет невольно в ту сторону, в ко-

тору тянется более народа.

Первое, что мне бросилось в глаза, были шинки и мелочные лавки; почти во всяком доме на окошках стояли в бутылках вино и водка, а на широких опускных ставнях табак, сера, гвозди, дробь, веревки, мешти [65], кушмы [66], трубки, кочковал [67], масло... – Всемогущий! – думал я. – Здесь везде продают; где же живут те, которые покупают? – Плачинда, плачинда! – вдруг раздался позади меня дикий голос. – Сам ты плачинда, проклятый! – и точно: молдаван с поджаренным лицом, как корка пирожная, замасленный, как блин, нес на медной сковороде жирную горячую лепешку и кричал: плачинда, плачинда! – Это завтрак для прохожих.

XLVII

Экипажей встречал я без счета; здесь, по большей части, все ездят в колясках, от последнего мазила [68] с обритой бородой до первого бояра с длинной бородой. Но молдаванские кони не соответствуют венским экипажам. Как тиринтиец, я лопнул со смеха, ко-

Гда увидел, как две водовозные клячи

*С трудолюбивым напряженьем
Цыган, в гусарском доломане,
Плачевным ходом клячей правил;
А толстый молдаван бояр
Недвижно, так, как идол древний,
Секирой сделанный из дуба,
Сидел в качуле [69], расправляя
Усы и бороду густую –
И было тяжело рессорам!
А арнаут [70], облитый золотом.
Стоял смиренно на запятках
И трубку длинную держал. –*

Я шагом шел, но скоро оставил далеко позади себя эту процессию переезда от нечего делать к безделью. Исполнив предписанный мне визит и отрекомендовавшись по установленной форме, я отправился потом в Митрополию [71]. Литургия совершалась самим митрополитом: глубокая старость его возвышала величие обрядов церкви.

XLVIII

В Митрополии много было народа; близ ле-

вого клироса стояли женщины. Взглянув на них – хорошенькие! – думал я. но опустил очи свои, вспомнив: ты не в храме древних истуканов, не языческий грешник, который засмотрелся бы, как молится юная грешница, и верно бы вскрикнул:

*О, как мила! как богомольна!
Зевес, Олимпа строгий бог,
Грехи простил бы ей невольно
За обращенный к небу вздох!
Ее блистательные слезы
Обезоружили б его,
И вместо грома своего
На деву бросил бы он розы! [72]*

XLIX

По выходе из церкви я имел все законное право рассматривать богомольцев и богомолоч, но рассказ об них. без имен, был трактатом о красоте и безобразии. Я скажу только вообще, что молдаванские купоны и куконицы по наружности очень похожи па русских госпож и барышен, французских мадам и демуазелей, испанских донн, английских леди и мисс, немецких фрау и фрейлейн и так далее.

Глаза их черны, быстры и зорки; взгляды спрашивают каждого: «нравлюсь ли я вам? а? что? нравлюсь? ага! пропал!» – И потом вдруг – еще один умильный взгляд, как будто говорящий что-то вроде: «не бойтесь меня – я не жестока».

Но здесь не место говорить о куконах ясным и подробным образом; притом же тот, кто жил на свете, нигде не будет говорить ясно и подробно о женщинах. Еще кстати здесь заметить, что я поставил правилом: смотреть на женщин с хорошей только стороны.

L

Возвратившись домой, я обратил внимание на то, чтобы дать пищу желудку, и садился за стол с намерением поискать после обеда чего-нибудь и для сердца. И это очень обыкновенно. Люди всегда заботятся, по большей части, о желудке и сердце, а ум у них голодает, он похож на немого и безрукого нищего: не попросит и руки не протянет.

После обеда пустился я снова вдоль улиц. Встречая повсюду русских, молдаван, греков,

сербов, болгар, турков, жидов и пр., я не смел сделать им вопроса: «вскую шаташася языцы?»

День VIII

LI

Я полагаю, вы заметили, что в течение последнего дня прошло двое суток? Если же не заметили, то это доказывает, что или вы человек рассеянный, или.....последнее *или* мне приятнее; но время мстительно! Оно заставит забыть и меня! Далее!

LII

Всякий ученый путешественник обязан умно и подробно отвечать на вопросы о той земле, которую он измерял растворением ног своих. Но, несмотря на это, если я буду писать, напр., о Бессарабии, что она лежит между таким-то и такими-то градусами широты и восточной долготы, что она граничит с такими-то и такими-то государствами, лесом, до-

рогами и т. д., что ее населяют такие-то жители, что в ней столько-то цынутов, или уездов, то, мне кажется, подобным описанием я отобью хлеб у географии – этого я не хочу делать: я скажу только, что Бессарабия лежит на земном шаре в виде длинной фигуры, склонившей главу свою на отрасль Карпатских гор и призывающей в объятия свои родную Молдавию.

L III

История государства, существа целого, столько же любопытна и поучительна, как жизнь великого человека, но историю провинции, и провинции, подобной Бессарабии, так же трудно писать, как историю пальца, найденного после сражения. При всех затруднениях, все изыскания будут состоять единственно в следующем: по всему видимому, палец велик и хорош, хотя упругость и твердость его от безжизненности совершенно исчезли. – По сравнениям преданий Страбона, Тита Ливия, Квинта Курция, Аммиана Марцелина [73] подобный палец принадлежал к ле-

вой руке Аттилы [74], и был он палец безымянный; основываясь же на греческих писателях, он принадлежал во втором веке Децибалу [75] и, будучи мизинцем, был на работах вала, разделяющего Мезию от Певцинии [76].

Плутарх [77] очень рассудительно сказал в «Жизни Перикла», что «трудно, или, лучше сказать, невозможно познать и различить истину в истории», а С. Реаль [78] еще умнее сказал: «довольно знать, как полагают о справедливости событий такие-то и такие-то историки».

Если б при Термопилах [79] в 300-х спартанцах столько же было единодушия, сколько в 300-х историках, описавших марафонскую битву [80], – погибла бы Греция!

LIV

Отклонив внимание и любопытство читателя от Частной и Всеобщей истории, которую в настоящем веке борьбы классицизма с романтизмом не нужно знать, а иногда не должно знать, а иногда стыдно знать, – я иду по кишиневской улице.

Мне кажется, уже давно
У всех в обычай введено:
Чуть дом порядочен немножко,
Взглянуть в открытое окошко;
И иногда награждено
Бывает наше любопытство,
И как я знаю, то окно
Всегда причина волокитства.
Таким же образом и я,
Кидая взоры вправо, влево,
Увидел, точно как моя
Родная! Ангел, а не дева!
Не доходя к окну на шаг,
Невольно снял свою я шляпу,
И если б был я брат арапу,
То и тогда, как черный рак
В воде горячей, стал бы красен;
Но все пройдет! и я согласен:
Хоть крылья режь, хоть крылья
рви,
Но улетит пора любви!

Ах, милый друг, какое прекрасное чувство
любовь! Знаешь ли что? Она для мужчин со-
блазнительна, как женщина, а для женщины,
как мужчина. Не правда ли?

От окошка я уже продолжал идти, как прикованный к чему-то; чем более я отдалялся, тем более мне становилось жаль чего-то, точно как будто я потерял самое лучшее из всего существа своего. Я хотел воротиться, как вдруг попадаетесь навстречу старый приятель-товарищ. Сначала увлек он меня к себе, а потом повел знакомить с одним знатным бояром молдаванским [81].

В доме встретил я все во вкусе европейской роскоши. Проходя залу, слух мой поражен был хлопаньем в ладоши и громкими повелительными звуками: *Иорги! чубуче!* [82] – В следующей комнате хозяин дома сидел, на диване всею своею особою. Едва мы взошли, он приподнялся, снял феску и произнес важно: *слуга! пуфтим, шец* [83], а потом повторил снова: *Иорги! чубуче!* – Арнаут Георгий подал и нам трубки. После долгих приветствий завязался разговор между товарищем моим и хозяином. По приличию, я внимательно устремил очи на бояра и слушал его плавные речи; посмотрев на меня, он обратился к товарищу моему и сказал: *Молдовеншти нуш-*

ти? [84] – Нушти, – отвечал мой товарищ. Тем и кончилось обращение ко мне. О приятностях выражений молдавского языка я не могу сказать ни слова, но мне всегда казалось, что хозяин рубил дубовые дрова, а щепки летели прямо мне в уши.

LVI

Так как есть меры и долготерпению, то, соскучившись слушать непонятный разговор, я беспокойно ворочался на диване, вертел шляпу, надевал перчатки, вставал с места, ходил по комнате, смотрел в окошко, кивал товарищу головой, давал знак глазами – ничто не помогло! как прикованный, сидел он на песте. Я уже... как вдруг дверь отворилась, входит дева...

*То, верно, дочь была бояра;
Мы поклонились. Буна сара! [85] –
Тихонько молвила она.
Казалось, бурная волна
В молодой груди ее кипела
И рвалась вон! – Ралука! шец! -
Сказал ей ласково отец,*

LVII

Товарищ мой недолго думал, свел кое-как разговор с отцом и подсел к дочери. Несколько французских слов ободрили меня; как учтивый кавалер я также подал свое мнение о погоде; но речи наши скоро прервались взаимным согласием, что день был прекрасный, и заключением, что, вероятно, будет дождь, потому что нахлынула туча и отзывался гром. Между тем я заметил, что в очах у товарища моего потемнело, уста его точили сот и мед, вся вещественность его была в каком-то конвульсивном состоянии и начинала выражать верховное блаженство души а избыток сладостного огня, похищенного Прометеем [86] с неба. Я знал, что подобное состояние продолжительно и заставляет забывать не только товарища, но и все в мире. Хозяин дома, наговорившись до усталости, предало вполне сладости молчания. Будучи вроде лишнего, я оставил хозяина в табачном дыму, товарища в чаду любви, а пышную Ралу в некоторой

нерешительности, что удобнее на каждый вопрос отвечать: *да* или *нет*, хотя слова *да* и *нет* изобретены людьми решительными и для людей решительных.

*Но вот, по-моему, беда:
Когда согласие готово,
Когда в душе вертится: да!
А произнести не в силах слово.
В подобном случае, друзья,
Прелестных женщин видел я.
Им вынужденье неприятно;
Любовь имеет тьму примет,
Ее наружность так понятна,
К чему же звуки: да и нет?*

LVIII

Здесь должно заметить, что во время вышеозначенных приключений верный слуга мой переехал в отведенную мне квартиру. Запыхавшись, пришел я на новоселье, и, приближаясь к крыльцу, я уже мечтал, как полетит с меня платье и я погружусь в мягкую постель, как утопленник в волны. Но кто мог предвидеть новое огорчение? На крыльце встретил в хозяйку дома – молоденькую жен-

щину в черном платье, которое к ней пристало, как весна к природе. На поклон мой я получил ласковое приветствие на французском языке. Она сама показала мне назначенные для меня комнаты и потом пригласила к себе.

LIX

Здесь продолжение описания я должен был бы начать вроде некоторых новейших поэм:

Нас было двое...

Но я начну другим образом и совершенно в новейшем вкусе. Однако же, я не имею теперь времени продолжать рассказ, и читатель, если он чересчур любопытен, должен знать, что не всегда имеющий уста да глаголет.

LX

Занимаясь иногда мелкими стихотворениями, я всегда терпеть не мог шарад, и тем более шарад, вроде предложенной на разреше-

ние графу Ланьёлю [87]. Самые лучшие произведения, по-моему, *экспромты*; в них видно искусство и резкий полет гения. Все в мире, что хорошо и умно было сделано, – сделано было *экспромтом*: касалось ли это до создания, до стихотворений, до военного искусства или до поднятий покрыва со всего, что облечено какою бы то ни было таинственностью. Вот один из экспромтов:

*Не встретив в ней противоречий,
Я кратко кончил свою речь:
«Мой друг, игра не стоит свеч» –
И мигом потушил все свечи. –*

День IX

LXI

*Мне не спалось, и встал я рано,
Еще до света, свечку вздул,
Прочел главу из Аль-Корана [88]
И снова мертвым сном заснул.
И спал я долго, до полуден;
Мой сон был сладостен и чуден:
В нем видел гурии я тень;
Мне снилось, что с ее совета
Я начал свой девятый день
Девятой сказкой Магомета [89].*

Так и случилось:

Магомет, иди Мухаммех иди Мегоммед, или по-прежнему Магомет, путешествовал на своем Альбораке [90] подобно мне, не сходя с места. Что за быстрое и решительное воображение! где он не был? Читая книгу Азар [91], я восхищался описанием поездки в Эдем. Седьмой рай мне более всех нравится; и кому бы не нравился этот блаженный сад, где вечно бьют фонтаны с текут реки млечные, медовые и винные? Там вечно цветут чудные древа, там плоды обращаются в дев, столь пре-

лестных и сладостных, что если б хоть одна из них плюнула в море, то вода морская потеряла бы горечь свою! Это бесподобно, несравненно! Но, при всех сих наслаждениях, вообразите себе там же ангелов, имеющих по 70 000 уст, каждые уста по 70 000 языков, и каждый язык, хвалящий бога 70 000 раз в день на 70 000 различных наречиях. Это ужасно! что за шум, что за крик! Нет! беда быть в магометовом Эдеме, несмотря на прекрасный стол и вечно девственных гурий. Вы помните как на Кавказе черный ворон терзал каждый день сердце Прометея и как оно, заживая к следующему дню, готово было на новые терзания? Это все вещи понятные и возможные.

LXII

С высот Эдема спустившись на высоты Кавказские, я еще желаю с них перенестись на аравийскую гору Абарим; с ее чата взглянул бы я на обетованную мою землю, в которую приведу чрез все известные моря и пучины несколько тысяч своих читателей. Да ниспошлет небо на пути нашем манну и Земзен

[92], и да осветится путь наш и луною и солнцем, – да возблестит на нас одежда славы, да опояшет нас честь и да венчает главу нашу добродетель!

LXIII

Но где, где эта обетованная земля, в которой, сложив с себя тягость жизни, я узнаю, что такое истинное спокойствие, бесконечность любви и сладость дружбы? Там должен меня встретить избранный, единственный друг мой. Так, милый добрый друг мой! до встречи с тобою я буду странником; только ты в состоянии остановить полет мой и приковать меня к блаженству! [93]

LXIV

..... я в любви от меня
любил
..... — Что же? — Долгие письма.

День X

LXV

Утро и день провел я, приводя в порядок хозяйство свое. Столик под зеркалом накрылся чистой белой салфеткой, и разложил на нем весь мой *пйссессаире*: помада; духи; щетки: головные, зубные, ноготные; гребни, гребенки, гребешки; *savon à la mausseline*; бритвы *barber*; *cuir de Pradier*; *Pâte d'Amand*, *Pâte minerale* [94]; ножички, ножницы; двуличное зеркало; и т. п. в.<ещи>. Стол близ дивана покрылся зеленым сукном, и по чинам расставились на нем книги, бумаги мои, чернилица и перья. Уложив все, я лег на диван и восхищался мысленно устроенным порядком, квартирой и самой хозяйкой, которую чрез окошко я видел на крыльце. К вечеру влюбленный мой товарищ пришел ко мне.

Я

Ты весь расстроен! что с тобой?

Ну точно как ушел с кладбища!

Он

Черт знает! я совсем не свой,
На ум нейдет ни сон, ни пицца!

Я

Помочь теперь уж трудно злу:
Тебя, друг, сглазила Ралу!
Мила!

Он

Ты шутишь!

Я

Кроме шуток!
Она мне нравится весьма:
Я сам на несколько, брат, суток
Сошел бы от нее с ума!

Он

Какая свежесть!

Я

Чудо!

Он

Очи!

Ты видел этот блеск очей?

Я

А как же! – время было к ночи,
А нам не подали свечей,
Не нужно было!

Он

Ври!

Я

Ей, ей!

Он

Ну полно! ты чудака, насмешник,
Не испытал ты чувств святых!

Я

Бог знает, кто из нас двоих
По этой части больше грешник!

LXVI

В продолжении подобных разговоров мы собирались в кишиневский сад. Через четверть часа мы были уже в нем. Гуляющих было очень много. В толпах искал я того ангела, которого видел в окошке, но напрасно; престное видение, как светлый метеор, пронеслось и исчезло навеки! Гуляющих было много: дам, девушек – миленькие мои! Что это за душенька, которая там кокетливо смотрит на нас?

Ах, как же ей не быть кокеткой:
Ее томит врожденный жар.
К ней муж ласкается так редко,
К тому же он и дряхл и стар.
Несносны древние ей сказки,
От них хоть дома не живи,
И усыпительны ей ласки
Экономической любви!

А это кто?

– Матильда.

– Чудо!

– А это?

– Машинька.

Мила!

– А это?

– Пульхерица.

– Роскошь!

А это?

– Сашинька.

– Огонь!

– А то?

– Не знаю.

– О Рафаэль!

Взгляни на это существо!

Дай легкость мне свою, Азаель!

[95]

Лечу за ним!... Но для кого

Земля произвела его?

Не для небес ли, не для рая ль?

LXVII

*Что дальше было, о друзья,
Не в силах выговорить я!
Еще я помню сон прекрасный,
Еще я помню сон ужасный!*

*Я знал любовь! я знал ее!
Мне божеством она явилась!
Но где ж она? куда мое
Светило счастья закатилось?*

*М... милый, верный дух!
Пленяй собой мой взор и слух!
Пусть слышу твой полет мгновен-
венный,
Пусть вижу призрак твой явлен-
ный,
Пусть призрак лишь один люблю!
Не сон ли жизнь? – я сладко сплю!
[96]*

Может быть, преждевременная смерть
есть благодеяние, ниспосылаемое небом.

День XI

LXVIII

Кончено о Кишиневе. Я все об нем уже сказал, что хотелось сказать. Забыл только объявить охотникам, что подле Кишинева было гнилое озеро, куда я хаживал от скуки стрелять бекасов, диких уток и гусей. Теперь это озеро для очищения воздуха спущено. Населявшая оно дичь переселилась далее на юг, в Буджак [97], частью на лиман Днестровский, на озера: Ялпух, Кагуль, Сасик и проч., а частью на нижнюю, болотистую часть р. Прута. Коренные крылатые обитатели сих вод, птицы бабы, лебеди и прибрежные цапли, приняли переселенцев с распростертыми крыльями. При перелете на новоселье чрез степи Буджакские один Историк-Гусь описал довольно подробно кочевье дроф, стрепетов, куропаток, тетеревей, цыганскую веселую жизнь журавлей, пляску их недремлющих часовых, стоящих на одной ноге и имеющих в другой вместо ружья камень. Описал он

также странный обычай аистов, или черногрудов, строить огромные свои гнезды на деревенских церквах и избах и по окончании образования детей отправляться в известное время в неизвестные страны. Кроме того, исчислил он все роды виденных им на речках и ставах куликов, лысок, водяных курочек и водяных бычков. Все эти описания очень любопытны, тем более что Историк-Гусь подробно рассматривает нравы, обычаи и язык их.

Рыбы, вонючие караси, населявшие озеро, не имея средств к переселению, соделались жертвою рыболовов: лягушки же, хотя довольно тесно, но до сего времени живут еще в проведенном канале.

LXIX

Таким образом, сказав все о Кишиневе, все, что не слишком занимательно, я подвергаю любопытство читателя желанию посетить лично Кишинев и увидеть здание бывшего Верховного суда, требующее починки, развалины Дибуглу, древний замок Крупенского [98], известный столькими событиями;

сад, Митрополию. Марсово поле. Малину и проч.

LXX

Сбираясь в дорогу, я еще должен осмотреть свое воображение. Подобного коня должно гладить, чистить и холить, кормить мозгом, а поить жизненными соками. Зато, едва только ногу в стремя... распахнулись крылья... хлоп задними ногами в настоящее... глядишь, уж он в будущем или в прошедшем, на том или другом полюсе, на небе или под землей, везде и нигде! чудный конь!

LXXI

Едемте! возлюбленный народ мой! запасись терпением на дальнюю дорогу по пустыням Гетским [99].

*Ну, с бегом!... Свистнула нагайка
По ребрам быстрого коня...
Эге, постой! – еще хозяйка
Зовет, друзья мои, меня!*

*«Прощай, мой милый постоялец!
Ты едешь в дальний, в дальний
путь!*

*Надень же ладанку на грудь,
А этот талисман на палец,
И Калипсицу не забудь!» –
«Нет, не забуду!» – «Не измучай!
Не забывай, не забывай!
И если только будет случай,
Мой постоялец!... приезжай!» –
«Приеду!» – «Ну! еще прощай!» –*

*Как Телемака [100] в страшном
горе
Столкнул премудрый Ментор в
море,
Так точно, други, и меня
Мой Ментор взбросил на коня!
И вот я еду...*

LXXII

От Кишинева вниз по долине реки Бык, близ с. Бульбок чрез мост, на высокую гору, потом горой, потом длинным спуском... и вот в нескольких верстах видны каменные, устарелые стены и башни Тигинские. Днестр в пространной долине, между садами, лесом,

под крутизнами гор извивается, как дьявол-искуситель. За рекой с. Парканы и карантин, далее г. Тирасполь [101], далее стены Херсонские. Что за картина? как далеко человек видит, если у него глаза зорки и если все перед ним открыто.

LXXIII

Здесь, в 3 верстах от Бендер, вверх по Днестру и по сие время есть с. Варница. Здесь сын первого драбанта [102] в мире, великий беглец с битвы Полтавской, никогда не пьющий горячих напитков и вечно нетрезвый, здесь, говорю я, в 1713 году, если кто помнит, Северный капрал, Карл XII [103], обращает свой экзерцирхауз [104] в крепость, противустает с горстию шведов всему гарнизону бендерскому; здесь сражается он *pro aris et focis* [105] в сей беспримерной битве теряет он часть уха, но не теряет бодрости и надежды победить 20 тыс. татар и 6 тыс. турок, осаждающих его. «Храбрые шведы, друзья мои! переносите припасы пороха и пуль в цитадель нашу – в канцелярию!» – восклицает он и тушит заго-

ревшуюся свою крепость бочкой водки. Уже победа почти в его руках, Розен произведен уже на поле битвы в полковники, но – о проклятые ботфорты с длинными шпорами! вы были причиной падения героя!

LXXIV

Кончаю свой день, оставляю последователь моих размышлять о превратностях судьбы и странностях человека и, утомленный, склоняюсь на ложе сна.

«Здесь, – говорит Байрон, – здесь утихает шумная радость, здесь горе призывает сон, сладостное забвение жизни, последнее прибежище несчастному от бедствий! Здесь покоятся и мятежные надежды страстей, заботы вероломства и расчеты беспокойного честолюбия. Забвение облекает все крылами своими, и существование кажется заживо заключено в гробнице!»

Покойся, покойся мечтатель! завтра новые силы окрылят твою гордость; завтра снова ты окинешь взором природу и скажешь: все мое!

День XII

LXXV

Грешно быть так близко от Тирасполя и не съездить туда, где некогда я выучился накладывать 25 различных пасьянсов, где так сладка и нежна стерлядь днестровская, где так велик, жирен и румян осетр, где так огромна белуга и зерниста икра свежесольная! Грех было бы не захватить посетить добрых моих знакомых, добрых моих хозяев, не откушать у них русских щей, янтарной ухи и пирога, но 21 день карантина удерживает меня и читателей моих от этого невинного искушения.

LXXVI

От Бендер вниз по Днестру места прелестны, природа и жители богаты, долина днестровская покрыта селениями, все протяжение реки осенено фруктовыми и виноградными садами. Как жив человек там, где природа

прекрасна, воздух свеж и куда не заносится заразное дыхание притеснителей и возмутителей спокойствия.

LXXVII

В котором-нибудь из этих селений мы остановимся. Садитесь, гости мои, под акацию; она разливает на нас благоухание свое; столетняя липа заслонила нас от солнца. Хозяин мазил уже заботится, чтоб угостить вас. Земфира и Зоица выносят приданое свое, разноцветные ковры своей работы, стелят на траву. Они не смотрят на вас, но очи их быстры и пламенны, темнорусые волосы завиты в косу, румянца их не потушит и время, груди их пышны, все они – свежесть и здоровье!

Вот несут вам кисти прозрачного винограда, волошские орехи, яблоки, сливы, груши, дыни, арбузы, едва только снятый сот, душистый, как принесенный ореадой [106] Мелиссою. Домашнее вино легко и здорово. Чу! раздались скрыпка и *кобза*; два цыгана запели *мититику*; старшие дочери-невесты собираются на *джок*; молодые молдаване лихими

наездниками толпой подскакали к ним, слезают с коней, и все становятся в кружок. Здесь вы видите, как безмолвствуют уста их, как их взоры прикованы к земле и как движутся руки, ноги и весь кружок. Долго продолжается *мититика*, и наконец следуют за ней *сербешты*, *булгарешты* и *чабанешты* [107]. Это веселее и живее.

LXXVIII

Но все, что продолжительно, теряет цену. Скука родилась от единообразия, и потому, не имея возможности разделять удовольствия джока и вплестись в венок румяных молдаванок, я говорю хозяину, милой Земфире и живой Зоице: *мулт премултимеск!* и тихими шагами иду тропинкой через холмы и лес с прелестной моей читательницей.

Я

Не правда ли, природа здесь прекрасна?

Вы в первый раз здесь?

Она

В первый раз.

Я

Вам нравится жизнь сельская?

Она

Ужасно! Особенно, когда...

Я

Я понимаю вас! Но вы меня, быть может, не поймете...

Она

Ах, как вы больно руку жмете!

Я

Простите мне! природу так люблю,

От красоты ее теперь я вне себя!

Мне сладко здесь, я счастлив на свободе!

О, как живительна, как сладостна весна!

Примите поцелуй, назначенный природе,

Вы так же хороши и милы, как

она!

LXXIX

Незаметным образом приблизились мы к тому месту, на котором по преданиям и *по карте древней истории Бессарабии [108]* лежит г. Тирас [109]; время стерло его с лица земли, и трудно отыскать его могилу; может быть, с. Паланка [110] есть то место, где жила нескромная переселенка с острова Мило [111]; она прекрасна и жива, как воображение пламенного, влюбленного Анакреона [112], власы ее, как блестящий поток струящейся лавы, легкие сандалии и тонкое, прозрачное, как облако, покрывало составляют всю ее одежду.

LXXX

*Читатель, взор твой вероломен!
Но бог с тобой, смотри, смотри.
Ты видишь все! но будь же скром-
мен
И никому не говори!
Гречанка юная не знает,
Зачем ты смотришь на нее,
Она от взоров не скрывает*

*Богатство дивное свое!
Но ты не в силах взор насытить,
Смутил тебя нечистый дух!
Злодей! ты ждешь, чтоб день по-
тух,
Ты хочешь все у ней похитить!*

LXXXI

Но, может быть, Тирас был там, где впоследствии славяне основали Бел-Город и где ныне Аккерман [113], это все равно для нас. Не Овидий [114] ли жил, спросят меня, за Днестровским лиманом? там виден город Овидиополь. Нет, скажу я, Овидий Назон был послан Октавием Августом в г. Томи в Мезии, где теперь г. Мангалия; там жил 10 лет изгнанный поэт. Может быть, какой-нибудь генуэзский корабль завез надгробный его камень вместе с балластом на место нынешнего Овидиополя и неумышленно поселил в потомстве сомнение к преданиям.

Зачем нам знать, где жил изгнанник сей, И прах его влачить с кладбища на кладбище? Он жил, он пел, и вечное жилище Поэта в памяти людей!

LXXXII

Теперь, добрые мои! перед нами Черное море. Воображению нашему представляется уже грозная стихия со всеми ее ужасами и тот корабль, который, помните вы, ветры носили в пучине, и та страшная минута, в которую все снасти лопнули, вода заструилась и бедные пассажиры воскликнули: гибель! Плач и вопли заглушили бурю, сердца облились кровью, и вы – бросили книгу из рук своих! Кто помнит из вас, милые охотники до чтения, Оберона [115] и те прелестные строфы, которые кончаются словами: Sie hören nicht? [116] Это также было на море, и в самую критическую, щекотливую минуту.

LXXXIII

Бурю на море мне никогда не случалось видеть; должна быть ужасна! я читал путешествие капитана Кука [117]; но бурю в чистом поле мне случалось видеть. Вот как описывает ее бурный поэт! [118]

Поднявшись с цепи гор огромной,
Накинув мрачный саван свой,
Старуха-буря в туче темной
На мир собирает войной,
Стихии ссорит и бунтует!
Ее союзник Ураган,
Жестокий сорванец, буян,
Свистит и что есть мочи дует!
Что встретит, где ни пролетит,
Все ломит, рвет, крутит, вер-
тит,
Мутит, ерошит и волнует.
С полей, с равнин, с лесов и гор,
Взвивая пыль, песок и сор,
По поднебесью тучей носит,
И солнцу ясные глаза
И золотые волоса
Он дрянью пудрит и заносит.
И вот, нахлупя капишон,
Седую бровь как лес нахмуря,
Несется черной ведьмой буря;
За ней, пред ней, со всех сторон
Крутятся тучки; Аквилон [119],
Собравши ветров хор с полночи,
Ревет в честь бури что есть мо-
чи.
Стучит, гремит, грохочет гром;
Как льстец, змеею молнья вьет-

ся;
*В земле от страху сердце бьется.
Но слабым ли моим пером... И т.
д.*

Тучи прежде времени угасили день; я не виноват, внимательные, добрые мои читатели.

День XIII

LXXXIV

*Окончив драку, шум и споры,
Все тучи в западные горы
Ушли. Природа в тишине.
Уж на восточной стороне
Румянец заиграл Авроры [120].
И Феб [121], оставя сладкий сон,
Зевнул, супруге скорчил маску,
Надел плащ огненный, взял связку
Лучей, сел в пышный фаэтон [122]
И на лазурный небосклон
Пустился шагом.
Пусть он едет...*

Однако ж, я думаю, как скучно ему ездить
всякий день по одной и той же дороге. Во-
образите, что эта история продолжается

слишком 7 тысяч лет [123] не говоря о безначальности и бесконечности.

LXXXV

Всякий, кто имеет права, должен ими пользоваться, иначе, со временем, он теряет их. Вследствие сего предложения я удаляюсь на время с поприща, предписываю всем читателям отправиться немедленно в Главный штаб Александра Великого и находиться при нем во всех его походах, согласно формуляру сего героя, который можно отыскать в историках: Юстп-не, Ариане, Квинте Курции, Плутархе, Птолемею, Диодоре Сицилийском; в Фирдоуси ибн Ферруке [124], в Магомете бен Эмире Коандшахе, в Хамдал-лах бен Абубекре, в Яхиэ бен Абдаллахе, в Дахелуи [125], в Абдал Рахмане бен Ахмеде [126] и многих других древних восточных историках и поэтах. По обратном прибытии в Вавилон [127], по смерти Александра, т. е. по прочтении следующего перевода из *Бахаристала* Джиами... Здесь заблаговременно должно заметить, что все нижеследующее можно найти только в

первоначальном манускрипте *Бахаристана*; как вещь не совершенно достоверную, в которой сомневался и сам Абдал Рахман бен Ахмед... По прочтении нижеследующего перевода, говорю я, я приму снова личное начальство над всеми путешествующими со мною.

ЭСКАНДЕР [128]

Дитя мое, мысль моя! кто тебя создал? не я ли? но часто ты мне непослушна, и дерзость твою я могу наказать лишь своею печалью!

Пределом сковать можно воздух, и воды, и свет; но тебя ни границы, ни цепи свободы лишить не возмогут, и тяжесть не сдавит!

Тебе так доступны пространство, и место, и время... Как часто желаю я сбросить всю тяжесть земную, чтоб вольно лететь за тобою, от мира до мира, от бездны до неба, от века до века, от смерти безмолвной до сладостной жизни, от слез до восторгов любви бесконечной!

С гранитной душою родился Эскандер; но чей он потомок – преданья не молвят [129].

Они его встретили юношей гордым, готовым и мыслить высоко и чувствовать сильно.

Приемыш Филиппа не видел отца своего в числе смертных; он в людях рабов своих видел;

Но гордое сердце родную любовь знать хотело – и избрал отцом он владельца Олимпа! [130]

Седая скала над пучиной склонилась, как старец над гробом. На ней восседает Эскандер.

На запад высокие тянутся горы, как путь, восходящий на небо.

И море шумит: Эритрейские волны [131] рядами несутся и снова всю землю хотят покорить Океану;

Но скалы гранитною грудью набеги валов отражают.

Задумчив, глядит он на даль и на море; как будто впервые он видит и прелесть и мрачность природы...

Но в тех ли очах любопытство, для коих нет дивного в мире, которым давно все знакомо?

– Чего я желаю? – сказал он. – Кого же ищущу я на суше и море?

Аммона [132] я видел... В устах чудотворного Нила мой памятник вечный [133]... Мой след не засыпать пескам аравийским... Священные Гангеса волны [134] дружину мою напоили!...

Пределы ли мира мне нужны? Себя ли хочу я поставить повсюду пределом?...

Иран и Индийские царства [135] моею окоеваны волей; четыре пространные моря в границах победы и власти!

Я гордость сломил возносившихся слишком высоко, эфиром дышать не способных.

Цари предо мной – как пред небом титаны!

Ищу ль я покоя? – покой мне несносен: он тяжесть, гнетущая к недру земному.

Богатства я презрел; блестящие камни и золото – не солнце, не звезды!

Солнце и звезды я сорвал бы с неба, чтоб видеть их тайны и светлое море, откуда лучи

истекают!

Я понял и пищу страстей, и жаждущих
чувств упоенье; Я видел, как явное горе зави-
дует скрытой печали, И презрел я смертных!

В шатре раздаются звуки песни.

Веселые песни невольниц мне вечно, как
вопли, несносны!

Кто пел бы приятно и с чувством для чуж-
дых восторгов над гробом своих удоволь-
ствий?

Что радость без цели высокой? – мгнове-
нье безумства.

Но радость великих – улыбка природы в
минуту восстанья из бездны хаоса!

Любовь... привязанность к праху... чув-
ство, достойное слабых творений!

Можно простить самовластью природы,
рабом быть желаний, внушаемых ею;

Но сбивчивость их у людей ли купить за
постыдные чувства?

В шатре раздаются слова:

Отец мой, твой голос взывающий

*внемлю!
Для слуха он страшное слово
твердит!
Но скоро слезой окроплю я ту
землю,
В которой твой прах беспокойно
лежит!*

Эскандер (*после долгого молчания*)

Печальные звуки! они раздирают мне душу! Но Зенда прекрасна! За Зенду мне Бел [136] не простил бы, если б жрецы были в силах и в мрамор холодный внушить свою злобу и зависть!

Их первосвященник погиб под мечом правосудным, и дух возмутителя казни земной был достоин!

Снова к стенам Вавилона! Желание девы исполнить?

Сокровища Индии ей предлагал – отказалась, и просит одно: Вавилона!

Она говорит, в сновиденьях является ей тень отца и зовет на могилу – преступную душу невинной слезой искупить...

Можно не верить, но кто же молился столь пламенно небу, как пламенно дева меня умо-

ляла!...

Когда бы в молитве ее не заметил я страсти, не видел желанья любовь утаить к Александру;

Тогда не пустое желанье, но я врожденное чувство в себе заглушил бы!

И солнце проникнуть не может таинственной дебри Зульмата [137],

Но в мрачном лесу сокрывается светлый источник, которого волны всем жизнь обновляют.

И в Зенде есть светлое сердце – источник блаженства!

(уходит в шатер.)

Стан Александра на берегах Тигра. Вдали Вавилон.

(Дева, в белом одеянии и покрывале, выходит из шатра на холм. В отдалении следуют за ней черные девы.)

Дева

Эскандер! земли тебе мало! Взберись же к

престолам воздушным и свергни богов, обла-
дающих миром!

Взберись по могиле народов, тобой пора-
женных, на небо!

В ней кости отца моего! не они ль тебе бу-
дут ступенью?

Нет, гордый властитель!

О, если б ты был и добрее и ближе душой
своей к Зенде...

О, если б ты не был преступник для девы,
тебя полюбившей...

Тогда бы, Эскандер, ты был мне дороже
владычества воли над всею Вселенной.

Дороже и цели мечтаний твоих закосне-
лых, наследник Олимпа!

Теперь... драгоценна мне нить твоей жиз-
ни, но так, как для Парки [138] жестокой!...

В объятях моих ты узнаешь блаженство;
но... с этим блаженством сольется конец
твой!...

И я не останусь в том мире, где борются
страшные чувства и где достижение их к це-
ли есть гибель!

(Поет)

Достаньте мне испить воды из

Аб-Хэида [139],
Она мои все силы обновит!
Отцом оставлена в наследство
мне обида,
Но клятва душу тяготит!
Эскандер! кто тебе от девы обо-
рона?
Эскандер, полетим скорее в Вави-
лон!
Там упаду в твои объятия без за-
щиты,
Там чувства мне восторгами вол-
нуй!
И усладит вдвойне мне душу ядо-
витый
Любви и мщенья поцелуй!

Черные девы становятся в кружок и поют.

Дева! смотри: над челом гор высо-
ких
Звезды Таи и Азада [140] взошли!
Спой посетителям дев одиноких,
Спой им молитву из чуждой зем-
ли!

Ветры утихли, и воды уснули.
Лебеди! дайте нам крылья свои!
Как бы мы скоро и дружно вспорх-

нули,
Как бы мы быстро летели в Таи?

Юноши! где же вы? В храм Хааб-
ха [141]

В жертву снесите отсюда тель-
ца!

Юноши! хладно в вас сердце от
страха,
Легче похитить вам дочь у отца!

(Все уходят.)

Загородные чертоги Вавилона близ храма Сераписа [142].

*Эскандер в исступлении чувств; Зенда сто-
ит подле него; на очах девы слезы.*

Эскандер

Еще обойми меня, Зенда! Еще я горю! На
сердце растают гранитные льдины Кавказа,
дыханье растопит железо и камни!

Мучительны, Зенда!... нет! сладки томле-
нья любви!

Юпитер, отец мой, завидуй! В объятиях Леды, божественный лебедь [143], завидуй!...

О Зенда! в груди твоей солнце! желаний огонь... в объятиях твоих... я пламенем залил!

И облит я им, как дворец Истакара [144]: трудом и веками его созидали, а сильный в мгновенье разрушил!

Волнуется кровь!... Так Понт [145] бушевал... и взбрасывал волны, чтоб сдвинуть Лектонию [146] в бездну... и сдвинул!

Мне душно под небом!... и небо стесняет дыханье; его бы я сбросил с себя, чтобы вольно вздохнуть в беспредельном пространстве!...

Зенда бросается в его объятия, но, мгновенно вырвавшись, скрывается за столбами чертогов.

Пусти меня, Зенда! Дай меч мой! Я цепи разрушу, которыми ты приковала к земле Александра!

Дай меч мой!... но где же ты, дева? Иль призрак ты, пламень Юпитера, с неба на казнь мне упавший?

Отец, ты трепещешь, чтоб я не похитил и волю твою и державу над миром!

Своими громами меня поразил ты!... и молнии твои вокруг меня обвилися, как змеи!...

Ты сбросил меня... в страшный Тартар!
Юпитер!... и ты знаешь зависть... к счастливицу!...

Бессмертный!... но вечность не благо!...
(Умирает.)

LXXXVI

Скажите мне, где были вы?
Куда носила вас Фаланга [147]?
Облили ль вы свои главы
Священными водами Ганга?
Он все забвенью предает,
Грехи и грешные сюрпризы:
Недаром жаждала сих вод
Душа невинной Элоизы [148]!

LXXXVII

Не ожидаю вашего ответа, сподвижники

мои! мне он понятен. Едемте! но что это значит? Вас и третьей части нет! О любопытство! разошлись по вавилонским улицам! иду вслед за вами! Что вы? Куда вы?... Вавилонский столп... Вавилонская башня... Следы воздушные...

Э-э, добрые мои! опоздали! еще бы вы родились после второго пришествия! Не все оставляет след по себе. Где вы ищите ее? Она должна быть за городом, судя по эстампу, на котором представлено столпотворение; а по словам ученого путешественника Тавернье [149], эту башню должно искать в провинции Багдадской, в равном расстоянии от Тигра и Евфрата.

Гора *Акеркуф*, или *Каркуф*, как называет ее г. Тексеир [150], есть едва заметный остаток ее. Какая новость!...

Признаюсь вам откровенно, что и для вас, и для меня одинаково досадно переноситься из провинции Багдадской в Буджак.

На месте происшествий *Тысяча одной ночи* [151] мы бы могли зайти во дворец калифа Алмазора [152], но мы со временем опять будем там.

LXXXVIII

Где природа не улыбается мне, там и я смотрю на нее равнодушно. Только гений в состоянии и в самой пустоте отыскать что-нибудь.

О степях Аккерманских Мицкевич все сказал [153], что можно было сказать; я не прибавлю ни слова и, подобно гонимому восточным ветром *перекатиполе*, переносусь от Аккермана и виноградных его садов в какую-нибудь из немецких колоний Буджака. Там спрашиваю себе кофе и одновременно ставлю знак удивительный перед гостеприимной и радушной немкой, которая со словом *glaig* [154] черпает уполовником из артельного котла, вмазанного в печку, вечно переваривающийся и кипящий, подобно солдатской каше, кофе! Но я с таким же вкусом выпиваю его, как походный рыцарь старый рейнвейн из бочки поаннисбергской.

LXXXIX

Из немецкой колонии еду я чрез Кагульское поле, где Румянцев [155]разгромил турок, еду в Измаил. Здесь Суворов [156] в продолжение 11 часов то наделал, что египетскому царю Псаметтиху [157] с 400 000 войском едва удалось сделать в 254 040 часов пред ассирийскою крепостью Азотом в Палестине.

1790 год после Р. Х. и 670 до Р. Х.; но что такое время перед гением?

ХС

*Здорово, Манечка мой свет!
Здорово, миленький мой идол!
Ты замужем? – в двенадцать лет
Тебя бы замуж я не выдал!
Но ты счастлива, ты уж мать!
Как чувства радостно и звонко
Торопятся напоминать,
Как я любил поцеловать
Тебя, прелестного ребенка!*

ХСІ

Наговорившись вдоволь о Буджаке и о всех достопримечательностях бывшей Бессарабской Татарии, я выкрадываюсь незаметно

из толпы своих читателей, которые с любопытством прогуливаются еще на лодках по Вилковским каналам, воображая, что они в Амстердаме [158], рассматривают укрепления Килии и Измаила [159], посещают порт Измаильский, покупают и кушают апельсины, *рахат-лукум*, финики, сливы и дульчец [160], пьют греческие вина и *шербет*, курят табак... я выкрадываюсь из толпы их незаметно и, задумавшись, как Гваринос [161], еду *трух-трух*, а *инде рысью*, по р. Пруту, по границе бывшей Турецкой империи. Перестановка слов ничего не значит; впрочем, Кромвель [162] и запятой воспользовался...

Итак, я еду и думаю:

*Лишь только б не было задержки
за маршрутом;
А как его дадут,
То мы махнем и через Прут,
Лошадку подгоня прутом.*

XCII

Вдруг стало мне скучно ехать одному.

Бог наказал меня за что-то?

*Такая скука и зевота,
Такая грусть, что мочи нет!
Что не родился бы на свет!*

Скука есть болезнь, сказал де Леви [163]; занятие есть лекарство от оной, а удовольствие – временное облегчение.

Скука родилась от единообразия, говорит или пишет Ламотт [164], а Лабрюйер [165] проповедует, что леность ввела ее в свет. И правда:

*Я скуки никогда не знал,
Когда интрижками был занят,
Так для чего ж я клятву дал,
Что женщины уж не заманят
И райской сладостью меня?...*

*«Нет, – вскрикнул рыцарь Кунигунды [166], –
Нет! без небесного огня
Не проживу я ни секунды!»*

«Самое лучшее жениться!» – сказал другой рыцарь.

*Я по обычью принятому
Завелся б замком и женой,
Да вот беда, как домовой*

Вдруг выжить вздумает из дому!

«Что ж делать!» – продолжал он...

Что же делать, долг свой отдадим!

*Увы! мы все друг друга тешим:
Я сам не раз был домовым,
Нечистой силою и лешим!*

XCIII

Что за радость ехать одному и по большой дороге, и по проселочной тропинке жизни? На первой встречаешь нищих духом, а на другой нищих обыкновенных, как, например, вот этот, который молит меня о милостыне. Счастье! а что такое счастье? Глупый, нерасчетливый богач, который на бедность смотрит с презрением, сыплет деньги без пользы и без счету и, верно, подобно мне, не вынет серебряной монеты... и не скажет: прими, бедный странник!

XCIV

Таким образом отправлялся я понемножку

вперед да вперед. Вдруг вечноунылая скука, томная грусть и задумчивая тоска напали на чувства мои! Все во мне изнемогало, силы истощились, проклятые Хариты [167]сдавили душу мою! Но могущественный сон наложил на меня спасительный эгид [168] свой, и вот мой армасар, как животное, управляемое, кроме узды, инстинктом, сворачивает с дороги, проходит с презрением стог сена, приближается к табуну, внимательно рассматривает кобылиц, гордо подходит к одной из них, приветствует ее зубами и задними копытами и – злодей! – прерывает сладкое мое усыпление. «Ты заблудился, мой милый!» – сказал я, повернул его на дорогу, пришпорил и – заснул опять...

День XIV

ХСV

Я не помню, конь ли мой привез меня в Тульчин в продолжение сна или сон носил меня по Бессарабии, только известно мне, что человек разбудил меня на той же квартире, из которой я несколько дней тому назад отправился путешествовать под покровительством Адеоны [169] по настоящему и прошедшему, по видимому и незримому, по близкому и отдаленному, по миру физическому и миру нравственному, по чувствам и чувственности и, наконец, по всему, что можно объехать сухим путем, морем и воображением, исключая только то, что и конем не объедешь.

ХСVI

Встретив день обыкновенным приемом кофию, я взглянул на полку. Долго взор мой, как взор султана, блуждал по гарему книг.

Здесь нет ни одной, думал я, которая бы не была в моих руках. В этой много огня, но нет души; ты стара и потому стала глупа; ты слишком нежна и чувствительна; ты мечтательна, как немецкая философия; ты суха, ты слишком плодovита; ты... поди сюда... ты, изношенная, любимая моя султанша, Всемирная История! роди мне сына!

ХСVII

Я уже прилег с султаншей своей на диван, как вдруг входит ко мне гость.

– Что подельваете?

– Да так, ничего.

– Что почитываете?

– Да так, ничего.

Вскоре гость мой ушел; почти вслед за ним и я отправился из дому.

ХСVIII

Природа Подолии роскошна, воздух чист, свеж, здоров, долины заселены, фруктовые сады пышны, луга душисты, ряды тополей ве-

личественны, природа цветет, а вы, добрые хохлы и хохлачки! шесть дней трудитесь в поте лица на владетелей, день седьмой господу богу, а потом в корчму. Туда, как в Керам [170]... мудрецы мои! собираетесь вы судить и рядить, пить и плясать. Красные девушки... нет!... нет красной девушки между вами! а все в цветах – бедные цветы!

XCIX

Местоположение Тульчина прекрасно. Палац с золотым девизом: *Да будет вечно обителью свободных и добродетельных.* Пространный костел наполнен ксендзами, ругателями слушателей своих. Ряды заездных домов, где всякий проезжий засыпан жидами и завален товарами. Вот Тульчин. Но я забыл пространный сад, который называется *Хороший.*

*Он был хорош, как сень богов,
Когда с Босфорских берегов
В него богиня поселилась.
Он лучше стал, когда у ней
Чета прелестных дочерей*

*На диво всем очам родилась!
День ото дня он хорошел,
Когда сердца двух дев созрели,
Дитя крылатый прилетел,
И девы песнь любви запели!*

Теперь опустел Хороший. Кто ищет уединения – там оно. Давно ли?.,

*Но время не для всех равно:
Я примечал и вижу явно,
Что для счастливых все давно,
А для несчастных все недавно.*

С

Долго ходил я вокруг прудов, смотрел на плавающих лебедей и думал:

*Бывало, равнодушный, смелый,
Не знал тоски и грусти я,
И в море дней, как лебедь белый,
Неслась спокойно жизнь моя!*

СИ

Подходя к дому, вправо от дорожки, ведущей к нему в гору, стоит железная клетка величиной с беседку; в ней жила сивоворонка; с

любопытством взглянув на затворницу, я торопился перескочить мостик и быстро пустился по дорожке.

*Где некогда наедине
Я был... гулял я... что за полька!
Она в глаза смотрела мне,
Я ей в глаза смотрел... и только!*

СII

Как будто уставший от всех прогулок, которые мне в жизни случилось делать, сел я на скамейку и вспомнил прошедшее.

Почти от самой той минуты, в которую я произнес на санскритском языке громкую речь о вступлении моем в свет, от самой той минуты лет до 5-ти меня лелеяли и баюкали, лет до 10-ти нежили и баловали, лет до 15 учили и наказывали, в 16 на службе царской гремел я саблей и тешился серебряным темляком [171], в 17 нижние чины становились предо мною во фронт и без *вашего благородия* не смели произнести слова, сестрицы, братцы и учебные товарищи дивились и шитому воротнику и эксельбанту, учителя смотрели на

меня с восторгом, как Алкмен [172] на свою статую, а красные девушки... я не скажу, как смотрели на меня – в 18, в 19, в 20 и далее, и далее, и далее, до настоящей минуты – много сбылось чудесного. Жизнь этих лет составила бы тома три с портретами и виньетками. Но если бы можно было пережить все это время... какое бы вышло прекрасное издание: revue, corrigée, augmentée et illustrée [173]...

СIII

*Как тяжело, грустно мне! но
пусть
Томит меня души усталость!
То о прошедшем счастье грусть,
То к сердцу собственному жа-
лость:
Дитя больное, няню ждет,
Об колыбель устало стучать,
А няня милая нейдет
Его лелеять и баюкать!*

Ах няня, няня, ласковая няня сердца! что бы было с ним без тебя? ты божество его!... В нем твой храм и жертвенники твои!... Добрая, милая кормилица! не отходи от него!

CIV

*Я в тяжких думах утонул,
Далеко все, что сердцу мило!
Сатурн [174], мне кажется, за-
снул,
А время крылья опустило.
Но я и сам хочу заснуть,
Еще везде я быть успею;
Теперь, как ворон Прометею,
Тоска мою терзает грудь!
Заснул. Но вот что очень стран-
но.
Мне вдруг приснилось, будто я,
Как злой прелюбодей судья,
Ищу, где моется Сусанна [175].*

Подобный сон действительно был бы стра-
нен. Что за мысль? откуда такая идея? Но он
был следствием очень обыкновенной случай-
ности. Я сидел и заснул близ купальни; верно
шум от плескания воды и звуки нежного го-
лоса навели его па мое воображение.

CV

Скоро очнулся я, вскочил и скорыми шага-

ми пустился домой. Дома я заметил развернутую карту Бессарабии и вспомнил, что меня ожидают на Пруте. Быстро перелетел я туда, как звук слова от говорящего к внимающему, и потом медленно, как будто шагом, ехал я рекой, своротил направо, долиной к с. Лапушне, и потом чрез Чючюлени прибыл в с. Лозово. Оно все в садах между крутыми горами, покрытыми густым лесом. Я не знаю отчего, но после долгого пути приезжаешь в подобные места с таким же удовольствием, как домой. Остановясь подле одной *касы* [176], я вошел в нее. Как опрятно! Стены белы, как снег; против дверей на развешанных по стене обоях иконы, убранные цветами; полки и перекладины унизаны большими яблоками и чем-то вроде маленьких тыкв, похожих на звезды. Под образами, во всю стену, широкий, мягкий диван; перед ним чистенький столик; подле стен, на диване, сундуки с приданным дочерей хозяйских и разноцветные ковры их работы.

CVI

Покуда готовили мне обед и жарили куро-

патку и вальдшнепа, которых я убил дорогой, я рассматривал живопись и значение икон. Вдруг заткнутая за обои бумага обратила на себя мое внимание. Писано по-русски; однообразное окончание рифм как будто осветилось. – Ба, стихи! – вскричал я, и давай читать:

CVII

*В Молдавии, в одной деревне,
Я заболел. Правдивый бог
Наслал недуг, я изнемог
И высох, как покойник древний.
Денщик мой знал, что я как тень,
А без меня смирна нагайка,
И потому и ночь, и день
Не просыпался. Лишь хозяйка,
Все целомудрие храня,
Ходила около меня.
И часто слушал я от скуки
Нескромные слова Марюки,
Интрижки давние ее
Вниманье тешили мое.*

*«У нас здесь полк стоял пехотный
(Она всегда твердила мне),
Меня любил фельдфебель рот-*

ный,
И выписал он на стене
Меня на джоке... погляди-ка!
Он говорил: «Вот это я,
Вот Марвелица-мититика [177],
Любезная душа моя!»
Уж кажется прошло два года:
Парентий [178] нас благословил;
И вот до самого похода
Со мной Илья Евсеич жил.
Его ль не буду вспоминать я?
Он сшил мне ситцевых два пла-
тья!
Я много слез по нем лила,
И с горя я бы умерла,
Но думала: не будет к нам уж!
И с полгода как вышла замуж.
Мне молдаванская земля
Скучна: хоть здешняя я родом,
Но вылита я в москаля
Поручика, который с взводом
В деревне нашей с год стоял
И матушке моей сто левов [179]
Да перстень с светлым камнем
дал...

CVIII

Здесь чтение поэмы прервала вошедшая женщина.

– Марьелица!

– Что? – вдруг отозвалась она.

– Илья Евсеич кланяется тебе!

Закраснелась, скрылась Марьелица, и след простыл.

После обеда я продолжал читать найденную поэму... Вероятно, вы также хотите знать продолжение и конец ее, но могу ли я печатать чужое произведение? Согласитесь сами.

Вечеру Марьелица показалась опять. Долго она искала что-то по всей комнате; кажется, желание знать о здоровье Ильи Евсеича беспокоило ее, но я притворился спящим, а вскоре и вправду заснул.

День XV

СІХ

Лет в 50 я гораздо подробнее буду рассказывать или описывать походы свои. После *курьерских*, поездив на *долгих* [180], я посвящаю себя жизни постоянной, подражая природе, в которой постоянно все, кроме природы и людей, исключая из числа последних всех милых женщин, известных мне и читателям.

СХ

Это последняя талия, которую я мечу для первого тома моего путешествия; она решит, кто останется в проигрыше – я или читатель.

Проигрыш более всего заводит в игру; например, если у автора книги сорвут несколько тысяч экземпляров, то он рад заложить новый банк, а решительный книгопродавец поставит *ва-банк*.

СХІ

Но я заговорился. Уже несколько дней, как манифест, объявляющий войну султану, обнародован. Из Лозова взор мой опять переносится в Тульчин. Между тем вьюки готовятся к походу, почтовая повозка у крыльца. Прощайте, милые мои! молитесь за меня! когда, когда опять увидимся мы? Прощайте! Но еще должно выслушать молебен. Кончен! крест поцелован, святая вода окропила, прощайте!

Таким образом простился я с Тульчином 20 апреля 1828 года; 22 был уже в Кишиневе, а 25 переправился с войсками чрез р. Прут при местечке Фальчи.

В походных записках офицера м. Фальчи произведено в крепость 3 разряда.

*По мне пусть будет Фальча крепость
Без стен, без бруствера, без рвов:
В подобном смысле я готов
За правду принимать нелепость.*

СХІІ

Здесь конец первой части путешествия! —

вскричал я и ударил кулаком по столу. Все, что было на нем, полетело на пол, чернилица привскочила, чернила брызнули, и черная капля потопила Яссы [181].

СХІІІ

Если б человеку при создании вселенной дан был произвол избрать в ней жилище себе, до сих пор носился бы он в нерешительности, как эфир между мирами. Так и я теперь не знаю, на чем остановиться...

СХІV

*Дай крылья, сын Цитереиды [182],
Дай крылья мне, я полечу!
На райских берегах Тавриды
Я встретить светлый день хочу.
Усталый путник, там я сброшу
Печалей тягостную ношу!*

*Там легко, вольно будет мне:
Там к Чатырдагской вышине [183]
Я прикую безмолвно взоры;
Я быстрой серной кинусь в горы,
И с гор, как водная струя,*

Скачусь в объятья другу я!

Кто этот друг? – спросите вы меня. Вдохните глубоко о том, что вы некогда любили больше всего в мире; взгляните на то, что для вас дороже всего в мире теперь; слейте эти два чувства; если от слияния их родится существо, то оно подобно будет моему другу.

СХV

*Как все пристало, мило ей!
Когда шалит, ей шалость кста-
ти;
В пылу младенческих затей
Она крылатее дитяти,
Который с помощью стрел
Совсем Вселенной завладел!*

*В ней все влечет к себе и манит;
Умен и пылок разговор;
Когда ж она потупит взор,
Стыдливость щечки разрумянит,
И вдруг задумчива, скучна,
Головку склонит, ручки сложит,
Тогда мне душу мысль трево-
жит,
Что замужем уже она.*

*В ней сердце сладкой воли просит,
Его неопытность томит;
Как терпеливо переносит
Она болезнь души! Сидит,
Молчит, как хвора старушка,
Очаровательно-слаба.
Зачем, коварная судьба!
Не грудь моя ее подушка?
Как билось сердце бы мое
Под этой ангельской головкой!
С какою нежною уловкой
Оно качало бы ее!*

СХVI

Как Цинциннат [184], совершив в 15 дней великий подвиг, я смиренно удаляюсь от письменного столика к дивану и предаюсь сладостному отдохновению.

Перед походом в Азию Александр раздал все, что имел. «Что же оставляешь ты для себя?» – спрашивали его. "Надежду», – отвечал он. 35-ть тысяч храбрых македонцев готовы уже были поддержать надежду его.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Lorsque quelque est placé devant le substantif chose ces deux mots s'emplient souvent comme un seul... par exemple: avez vous lu ce livre? – Non, j'en ai lu quelque chose qui m'a paru bon [185] (Gram, franc, de L'Homond, revue, corrigée et augmentée par Letellier, douzième édition, page 128).

День XVI

Рождение мысли. Путь. Короткие сборы. Истина. Умственный капитал. Мой конь. Земное солнце. Могущество. Утро и вечер. Изуара индейский Владыко. Гум! и Ом/ Санскритский язык. Байрон о путешествии; природа и откуп ее. Поход. Прощание с Россией. Ее чувствительность... 61

День XVII Эзопка. Гений. Умно и безумно ...

64

День XVIII

Храмина сына странствующего. Его богатства. Пища людей. Приготовление к пиру. Природа и климат... 66

День XIX

Чертоги Кулихана. Аллаталлах. Очи читательницы. Она. Роскошный клевер; закуска; создание мира. Забывчивость. Обед и обет. Приглашение, угощение. Поэт. Акбэ. Отношения мои к ней. Занятие г. Ясс. Этерист. Халоса, халоса! Жид-колдун. Переправа войск через р. Прут. С. Мамалыга. Есаул.

День XX

Определения Вселенной, жизни, человека. Что такое магнит и северное сияние.

Р. Прут. Европа. Промах. Букарест. Ресторация. Обед и фэ. Сходство

День XXI

Слава. Кусок мрамора. Фидий. Несчастье с 141-й главой. Букарестские красавицы. Геспе-

ридские плоды. Уборная. Выезд на Примбарс. Посещение бояра Валахского. Новый Шагямуни

День XXII

Первая встреча с неприятелем. Болдагенешти. Первый блистательный подвиг 1828 года. Разбитие турецкой браиловской флотилии. Воззвание к потомству. Остановки. Обманчивое понятие. Гармония. Лучшее сравнение. Авелианец. Я бы пел.

День XXIII

Движение за Дунай. Прощай, Хаджи-Капитан! Военный восторг. Едет казак за Дунай. Переправа через Дунай. Дарий. Визирский курган

День XXIV

Ум и сердце. Глава, наполненная одним воздухом. Спор о любви. Движение войск от кр. Исакчи к Бабадагу. Императорская и Главная

квартира армии при Траяновом вале в Булгарии. Взятие крепостей: Браилова, Мачина, Гирсова, Кистенджи и Тульчи. Рассказ о прошлом. Слияние земного с небесным. Монтань

День XXV

В*озвращение из Гельвеции. Что значит быть счастливым. Упрек. Искренняя любовь. Определение любви. Русалка. Гора Могура. Младенчество*

День XXVI

Продолжение определения жизни. Крайности. Лучший путь. Предметы направо и налево. Приложение к геометрии. Несогласие. Что прежде было и что теперь. Канцелярия. Поход обоза. Разделение. Солнце... 97

День XXVII

Любитель чтения. Базарджик. Бесконечное кладбище. Нападение в долине Утенлий-

*ской. Мой меч. Великая армия. Поле чести. Ха-
брий. Ропот любви. Участие*

День XXVIII

*1-е мая. Приглашение. Разговор. Риту-
нель. Обманчивость. Дикая люди. Слепота.
Новый Язон с аргонавтами. Путь от Галаца
до рая. Где рай. Усталость читателей*

*День XXIX Телескоп. Диспозиция. Поход от
Базарджика к Козлуджи. Балканы*

День XXX

*Мысли до восхождения солнца. Утро. Лейб-
Амазонский эскадрон. Препятствия к движе-
нию вперед. Терпение. Стройность. Письмо.
Заключение*

День XVI

СХVII

По слабости, свойственной всему человеческому роду, отложив попечение о всех старых началах, я приступаю здесь к началу новому. Могу ли я равнодушно смотреть на новорожденную мысль свою? – нет. Искусно, нежно принимаю я ее из недр головы своей, как младенца, даю ей имя, благословляю ее, опускаю в купель... Увя! увя! какой восторг для чувствительного отца!

*В святую веру окрестя,
Ее я нянчу и целую,
Ее лелею, образую;
Живи, расти, моё дитя,
Мой милый, добрый мой ребенок!
Не знай свивальников, пеленок,
И слез не знай! кто слезы льет,
Тот на других печаль накличет;
Мамуня песенку споет,
А котя Васька прокурнычит;
Засмейся, душенька!... гу-гу!...*

СХVIII

Теперь спокойно я пускаюсь в путь...

*В крылатом, легком экипаже,
Читатель, полетим, мой друг!
Ты житель севера, куда же?
На запад? на восток? на юг?
Туда, где были, иль где будем?
В обитель чудных, райских мест?
В мир просвещенный к диким лю-
дям,
Иль к жителям далеких звезд?
Мне все равно, лишь было б радо
Мое возлюбленное стадо
Из мира в мир за мной летать;
Ему чтоб только не устать.*

СХІХ

Уложим же воображение и мысли в котомку и – с богом! Паспорты, подорожные не нужны нам, мы люди свободные. Лошадей почтовых также не надо, есть свои, и какие! куда на них не уедешь? только держись! вечно несут, и вечно в гору. Там – храм славы. «Слава не может быть основана на одной истине!» – сказал Квинт Курций в один пасмурный день.

Ум, мужество, воображение и вообще все умственные богатства хороши только тогда, когда они в действии. Без движения все — мертвый капитал, и потому

*Порхай, лети, мой милый конь,
Тебе не нужны хлыст и шпоры;
Неси чрез воды, чрез огонь,
Чрез дебри, пропасти и горы.
Взвивайся, мчись, не уставай;
Чем дальше, тем живей, свободней!
Ты можешь залететь и в рай,
Ты можешь быть и в преисподней;
Там темно...*

СХХ

Подайте свечей! Впрочем, путь наш везде ясен. Его освещает не то обыкновенное солнце, к которому мы пригляделись и которое иногда с охотою променяли бы на луну майскую; не то солнце, которое упало вместе с небом на землю и разбилось вдребезги; не то, которое погибло во всемирном пожаре; не то, которое снесено с места ветром; не то, которое возшло на небо после смерти четырех

первых и которое освещает новые предрас-
судки и пятый возраст мира [186]; но – надеж-
да, солнце душевное!... надежда!... Боже, ка-
кое богатство лучей!... сколько затмений!...
блистательное, обманчивое светило!... све-
тит, светит, и все ничего не видно... Темно!...
подайте свечу!

СХХІ

Вот... лицо Земли перед нами... счастливой
дороги!... заяц навстречу не попадет, ось не
переломится, колесо не разлетится вдребезги,
и мы себе шеи не сломим... Эй! Чубукчи-па-
ша! трубку! Итак... мы уже на диване. Взоры
наши отправляются вдоль по широкой карте.
Вот я вожу по ней указательным пальцем. Он
могуществен, как перст времени. Хотите ли,
подобно ему, я сотру с лица Земли грады, го-
ры, границы царств!... хотите ли, зажгу Ледо-
витый океан, обращу Белое море в Черное?
Но вы и без доказательств верите могуществу
моему и могуществу времени, хотя в разных
случаях. Создавать – слава; разрушать – грех;
впрочем, разрушение дает место созданию.

Все стоит на развалинах.

СХХII

Где же тот чудный, обещанный обед? – спросит меня любопытный, как жалкое существо, желающее быть всеведающим. Завтра удовлетворю я твое любопытство, голод и жажду; теперь вечер, утро вечера мудренее. Представь себе! однажды ввечеру, растроганный до глубины сердца, «послушайте», сказал я одному земному существу, схватив его за руку я вскочив с места, «послушайте!» повторил я и потом произнес медленно: пора почивать! и опять опустился на диван. Почему, думаете вы, это так случилось? потому что огненные слова осветили рассудок и опровергли необдуманный восторг. Проснувшись на другой день, я подумал и сказал решительно: вечер глуп!

СХХIII

Что же далее? Далее то, что я до сей СХХIII главы сохранил свободу сердца и переменил

посвящение *Странника. Вам!* какое тысяче-мысле! какой лаконизм! Так индейский владыко Изуара [187] сказал своей супруге: «Гумм!» – «Ом» [188], – отвечала она, и Изуара создал мир в том самом виде, как он кажется индейцам; ибо мы смотрим на него совсем с другой точки.

Слово *Гумм!* заключает в себе всю полноту прожекта, или предположения о создании, и вопрос о согласии. Слово *Ом!* заключает похвалу, поправки, дополнения (особенно в существовании женского пола) и, наконец, согласие, подтверждение и т. п.

Так изъясняют значение сих слов толкователи санскритских индейских слов: премудрый патер Паолино ди Санто Бартоломео [189] и Ланглес [190], восставая на филологов Виллиама Джонса [191], Вилькинса [192] и проч., которые говорят, что таинственное слово *Ом!* есть изображение божества и составлено из трех деванагарийских букв [193]: А И У, кои сливаясь, производят О или с прибавлением М – *Ом!* т. е. творителя, храпителя, рушителя.

Это понятно. Санскритский язык есть то

ничего, из которого созданы все прочие земные языки; или то море, из которого истекают реки глагола.

СХХIV

«Пусть расслабленные, утопленники неги и роскоши назовут путешествие глупостью; пусть удивляет их смелость тех, которые, бросая пуховое ложе, преодолевают все тягости, все затруднения долгого пути. Горный воздух исполнен благовония и сладостной животворности, которых никогда не испытывала пресыщенная лень!»

Так, или подобно сему, говорил мой милый, вечно задумчивый... нет!... вечно дымящийся, пылающий, извергающий на все предметы черную лаву вулкан Байрон-Бейрон-Бирон [194].

Со вздохом глубоким отправляюсь я вдоль по пространной карте вечно спорных участков земного шара искать этого горного воздуха и прекрасной природы. Природа только там хороша, где освящает ее довольствование человека, где он и сам равен красоте роскошной

природы.

О, это истинная правда! скажет тот, кто не участвует в откупе природы и которого владения ограничены поверхностью его одежды.

СХХV

Смирно!... в колонны стройсь!... марш, марш!... раздавалось на юге России. Быстро, как время, войска приближались к границе.

Вот и перед моими глазами: просторная долина, зеленые камыши, болота, озера, река Прут. Мест. Фальчи на возвышенности противоположного берега. По извилистой дороге тянутся полки, обозы... Понтонный мост! до свидания, Россия!

*И слезы вдруг, как у ребенка,
Ключом горячим потекли;
Прощай, родимая сторонка,
И все, что мило на земли!
Прощайте, красные девицы!
Иду!... последний переход!
Вот... Царства русского границы;
Но их – душа не перейдет!...
Не болен я, а сердцу худо!
Пусть я военный человек,*

*Но во владениях Махмуда [195]
Бессонен будет мой ночлег!*

Здесь ангельская чувствительность ее (но кто она?), может быть, заставит невольно вскрикнуть:

*Ах, боже мой! какая жалость!
Убьет себя бессоньем он!
– Не бойтесь, душенька! уста-
лость
Прогонит грусть, нагонит сон.*

День XVII

СХХVI

*Эзонка! [196] утонул во сне!
Сгони с постели Пенелопу [197],
Да шар земной подвинь ко мне,
И разложи на стол Европу!
Прекрасно!... ну, в шкапу сыщи
Ту книгу, много что картинок.
Умен!... Теперь ступай на рынок
И изготовь к обеду щи,
Кусок жаркова, крем да вафли...
Ступай!
– Для рифмы: к вам не граф ли
Обедать будет?*

– *Может быть.*

СХХVII

Я не воображаю, а потому и вы также не воображайте, добрые мои посетители, чтоб мой эзопка был в состоянии изготовить пышный обеденный стол на песколько тысяч персон. Нет, он так еще невинен в познании поваренного искусства, что часто суп мой вкусен, как вода Асфальтского моря [198], а кусок жаркова уподобляется эбеновому дереву, из которого можно выточить все, что вам угодно. Но зато, о господа гастропомы! как жарит он дичь!... Если бы все гаршнепы, шнепы, дупельшнепы, вальдшнепы, кроншнепы, куропатки, перепела, стрепета и дрофы, по которым, благодаря искусству Кюленца и собственному, я не сделал промаха, если б эта дичь могла чувствовать, с какою попечительностью и с какого нежностию эзопка обходился с нею, как подрумянивал ее на вертеле, па сковороде и в кастрюльке и потом подавал па стол, если б дичь эта могла чувствовать, как она услаждала вкус мой и как вкус мой

ласкал, лобызал каждый сустав ее, то она встрепенулась бы от душевного удовольствия и испустила радостный крик, ибо что может быть сладостнее той минуты, когда доставляешь наслаждение другим, жертвуя какой-нибудь земной собственностью.

– Эзопка! ты гений! – сказал я ему однажды; ошибся ли я? – «Нет», – отвечал он сквозь зубы и провел кулак под носом.

Каким же образом эзопка, подобный существу, одаренному одним лишь осязанием, может быть так гениален в жарении дичи? Если не душевные способности жарят дичь, то и инстинкт животный но определит меру и время, необходимые для совершенного приготовления дичи.

Может быть, для этого нужно иметь отличное чувство вкуса? Но мой эзопка, зажмуря глаза, но отличит соли от перца.

Может быть, нужно совершенное зрение, которое проникало бы во внутренность лежащей на сковороде или в кастрюльке птицы? Но мой эзопка не для кота Васьки жарил ту дичь, которую кот Васька съел в его глазах.

Может быть, нужен слух, который бы по-

нимал язык существ неодушевленных, издающих только скрип и треск? Но мой эзопка глух, как все, что не имеет пустоты.

Может быть, нужно тонкое обоняние, которое бы распознавало пары, исходящие от недожаренного, изжаренного и пережаренного? Но эзопка не отличит благовония от всякого другого запаха.

Что же такое гений?

Каждый человек создан обыкновенным человеком для всех и гением для некоторых. Каждый человек полон видимого или скрытого совершенства к действию, ему предназначенному. Какая снисходительность!... далее!...

Гений ума не скажет никому: ты глуп! но скажет: ты этого не знаешь, не понимаешь, это не касается ни до чувств твоих, ни до понятий: ступай дальше, здесь не твоя сфера, не твое место, не тот воздух, которым ты можешь дышать, не тот язык, который для тебя понятен; здесь нет ни друзей твоих, ни сотрудников, ни соревнователей; ступай, эзопка! ступай дальше! ты гений там, где от гения требуют только совершенного умения

жарить дичь.

СХХVIII

*Боготворите дар Вертумна [199];
Но не забудьте лишь одно:
Что кажется теперь умно,
То будет завтра же безумно.*

День XVIII

СХХIX

Милые читатели и спутники мои! приветствую счастливое вступление ваше в храмину сына странствующего!

Милые читательницы и спутницы! прелестные, как непорочная дева, обитавшая, до основания Манжурского царства [200], при подошве Голминшан-ин-Алина [201]... при существе ваше, как источник Силоальмский [202], укрепляет силы и, как уверенность, оживляет душу.

Мир и наслаждение вступающим в обитель мою... Вы здесь как дома... Все невообразимые богатства и красоты природы к услу-

гам вашим... Храмина воображения пространна. Вы устали? садитесь в спокойный, роскошный трон, на котором восседал Ксеркс [203] и смотрел на бесчисленный флот Персии. Хотите прохлады? вот фонтан, подобный тромбу [204] Атлантического океана, касающемуся до небес. Хотите уединения? вот мир до создания первого человека. Хотите убежища от несчастья? вот небо. Все здесь есть, все, кроме начала и конца.

CXXX

Блаженные современники младенчества земного шара! Вы, обитавшие на островах очарованных, в садах солнцевых, близ сводов небесных, при истоках света!... Вы, плоды грехопадения, дети любви, первые семейства народов!... Смотрите, вот семена, сохраненные от потопа и рассеянные по земле, вот потомство ваше! Возрадуетесь ли вы, смотря на роскошный пир наш? Вы питались сочными плодами, а мы... мы питаемся воображением.

CXXXI

Но час обеда приближается. На этом поле расположимся мы. Помогите же мне перенести на него всю красоту природы.

Для окрестностей мы выберем лучшие места из всех известных и неизвестных географии гор. Отдаление должно быть величественно. В синеве Шимборазо [205], как монумент в честь создания мира. За нею, подобно светлой короне с 7 золотыми маковками, гора Сгоммер – средоточие Вселенной. Подле нее Каркуф [206], увенчанный Вавилонской башнею. Посредине хребтов водопад Ниагарский. Равнина, простирающаяся от нас до отдаления, должна быть усеяна холмами Цитереиды [207], пальмы солимскими, кедрами ливанскими, тополями Эрихона [208], финиками мекскими, апельсинами мальтийскими, каштанами индейскими, гранатами алжирскими, фисташками алепскими, виноградником коринфским.

Природная беседка, образованная райской смоковницей и тамариском с берегов Нила, защищает нас от солнца. Акации и розы сирийские ласкают обоняние. Вот анская воско-

вая пальма в 200 футов вышиною. Вот баобаб с берегов Зеленого мыса, 15 сажень в окружности. Вот бальзамический тополь Северной Америки, далекармийский дуб, таврийский лавр и вечнозеленый белот.

СXXXII

Разнообразие природы, вкусов, климата должно быть под руками. Что может быть разнообразнее климата саннинского? «Глава Саннина [209], – говорят поэты арабские, – облечена зимою, весна украшает плечи его, осень на груди, лето покоится под стопами!»

Для того, кто привык к роскоши и неге восточной, к лени азиатской, здесь тянется долина Сирии. Вот высокий холм; па окрестностях видна улыбка природы. На пего переносу я из Дели пышные, светлые чертоги Кулихана [210]. Они великолепны, как светило дня; стены покрыты золотой чешуею; потолок украшен светозарными камнями; невольно остановится на нем взор, как в темную полночь на осыпанном созвездиями небе. С одной стороны двенадцать тучных золотых

столбов поддерживают своды над простран-
ным широким диваном. Балдахин навис, как
на западе румяные облака над солнцем. Мра-
морный пол скользок, как путь к величию.
Посредине чертогов высокий фонтан падает в
яшмовый бассейн и утоляет свою прохладой
усталость и жажду. Сквозь прозрачные искры
рассыпающейся воды видно изображение бо-
жественной Аллаталлах [211]. Это розовый
мрамор; но, кажется, в волнах хочет она поту-
шить огонь сладострастных желаний. Но что
арабская Аллаталлах, персидская Аная, грече-
ская Венера и славянская Лада перед той пре-
лестной моею читательницей, которую лю-
бовь погрузила в размышление, а усталость
склонила на диван, мягкий, как волны Евфра-
та, когда протекал он чрез земной рай.
Нескромный взор мой навеки остановился на
ней... Она заметила, вспыхнула, опустила
очи – все алмазы во дворце Кулихана потух-
ли. Ах, без этих очей нет света во всей приро-
де!... так, здесь и не далее...

CXXXIII

Я высказал бы все приметы,

Я описал бы образ твой,
Чтобы найти... создать... с то-
бой,
С тобою быть!... но кто ты, где
ты?
В кругу ли ты живешь людей,
Земной ли шар твоя обитель?
Или из области теней,
Незримый сердца искуситель,
Какой-то глыбою огня
Ты прилетаешь жечь меня!

Последуй чудному примеру,
И девою в шестнадцать лет
Сойди, явись на белый свет,
Прими крещение и веру!

О, над купелию венцом
Сплелись бы ангелы и пели:
А я бы крестным был отцом
И принял деву из купели.

CXXXIV

Но для того, кто, как простой сын и друг природы, любит смотреть на красоты ее, туркестанский ковер, испещренный разноцветными гиероглифами подобно египетскому

дендерахскому зодиаку [212], послан на землю. Садитесь, гости мои! Покуда буду я хлопотать, чтоб уставить на место природу и климат, прошу вас закусить. Не венерин элей [213] и не нектар олимпийский предлагаю вам, но фиал, наполненный дыханием той, которую вы боготворите; этот напиток возрождает голод и жажду. Не маринованное небо, не амуреты и не сердце с трюфелями и анчоусами, но сладкий поцелуй свидания.

СХХV

Хаос наполнял беспредельность; стихии не знали еще ни вражды, ни союза.

Казалось, что все было полно, и не было места упасть и атому без трех протяжений;

Но место являлось повсюду для воли и дум.

Хаос не раздвинув, они проищали его, находили везде для себя беспреградность, свободу.

Они истекали одна из другой и впадали друг в друга.

Они проносились повсюду, на все отражая прекрасную, светлую мысль о создании.

Окончен их путь. И стало без грохоту все разделяться па части; и строилась каждая часть по величию, образу мысли, ее наполнявшей.

И стали те части мирами.

Порыв разделения разрознил их связи в пространстве; но в то же мгновение родство повлекло их друг к другу...

СХХХVI

– Что это такое?

– Сочиняю систему мира; послушай! «Хаос наполнял беспредельность; стихии...»

– Полно, милый! что ты бредишь.

– Как – бредишь?... Показать истинное число стихий!... открыть сцепление Вселенной!... это бред?

– Бред, мой милый!... Посмотри... тебя ожидают.

– Ах!...

СХХХVII

Чуть-чуть не позабыл! как трудно

*Все обещанья исполнять!
Иное обещанье чудно,
Другое слишком безрассудно,
А третье лучше б не давать.
Но ныне на одних обетах
Общественный вертится свет;
И в людях, точно как в скелетах,
Уже души и сердца нет.*

Я хотел сказать про обед, а не про обет, и ошибся; по я уверен, что вы меня за это не казните. Кто не знает, что обеты давать легче, нежели обеды.

Я уверен, однако же, что если б вы приехали ко мне и пересыщенными наружной роскошью обыкновенных блюд света, то и тогда еще найду я новую для вас пищу, легкую и удобоваримую.

СXXXVIII

Почтенные старцы! Вам первый шаг, первое место, первое слово, вам первенство во всем. Ни порода, ни богатство, ни звание, ни достоинства не увольняют от должных вам почестей. «Опыт и время сделали вас храни-

телями мудрости», – говорят китайцы. Прославляю 2967 лето до Р. Х., видевшее основание Китайского царства [214]! прославляю императора Тай Хау-фуси [215], основателя оногo! прославляю парод, у которого старость есть священное право на уважение!

Сядьте на эту скалу, с которой видно все пространство жизни каждого. Сядьте под этими липами, с которых трудолюбие сбирало соты. Я уже вижу в очах ваших вопрос: «Чем хочешь ты, молодой человек, угостить пас? Все испытали мы,... вкусили от каждого блюда, предлагаемого человеку существованию,... сыты мы,... что остается нам? – остается еще раскусить эти сахарные фрукты, в которых скрыты билетики с вопросами:

«Был ли ты человеком в продолжение жизни?»

«Сколько басен написали Пильпай, Езоп [216] и Крылов на твой счет?»

«Сказал ли тебе хоть один человек от чистого сердца: ты добр!?!...»

«Будешь ли ты жить в потомстве или памяти всех, знавших тебя не так, как зажигателя Эфесского храма [217], но подобно... подоб-

но хоть приобретшему один талант на данные ему два для пользы ближних?...»

– Вот что остается нам в пищу, а в утешение – стоять на большой дороге жизни указателями пути добрым прохожим».

Честь и слава вам, почтенные старцы! ниспошли вам небо благословенное долголетие Ян-ди-шен-Нуна! [218]

СХХХІХ

Теперь к вам, читательницы... гости... старушки!... Но вы сами уже распорядились. Уста ваши полны речей. Вы уже призвали время настоящее на суд с прошедшим... Вы уже казните его за испорченность свойства людей нового века, за странность моды, за безобразность одежды, за чудные обычаи, за вредные привычки, за отвержение всего ветхого. Вы правы! кто против вас?... Прошедшее и будущее всегда лучше настоящего.

*С прошедшим был и я знаком,
В разладе мы друг с другом жили,
Но долго, бабушки, об нем
И сердце, и душа тужили!*

Хороший хозяин должен быть движим своим гостеприимством во все стороны, как непостоянство, должен светить одинаково для всех, как солнце, должен быть рабом прихоти гостей своих, должен быть учтив, как лесть, говорить, как стоустая молва, приветлив, как любовник, терпелив, как муж.

Исполню ли я все эти условия? я, одинокий Странник! О, если б...

Как помощь одного существа может увеличить силы, облегчить труды, прояснить душу и взоры!... Если б...эти точки могли заменить-ся именем, то я и не заглянул бы сам в следующую главу.

Но...может быть там в числе гостей моих...

*Так, так! куда ни обращаю
Свой взгляд, вниманье – забываюсь!
Кого-то я везде ищу,
И с кем-то в думах я встречаюсь.*

*Не знаю, кто сей тайный дух,
Владеющий воображеньем,*

*Одевший сердце, взор и слух
Каким-то сладким сновиденьем!*

*Его незримый образ мил,
Его неслышный голос звонок,
Я с ним весь мир бы позабыл
И стал бы весел, как ребенок.*

*Но где же это существо,
Мой ангел, мысленная дева,
С которой я вступлю в родство,
Как с звуком лиры звук напева?*

*Вей, дева, думы надо мной,
Я полон будущею встречей!
Быть может, будет призрак
твой
Приходу твоему предтечей!*

CXLI

Нет ее.

CXLII

Стекайтесь, стекайтесь, милые друзья! живые, огненные юноши! Что же принесу в пи-

щу чувствам, уму и сердцу вашему?

Пицца вашего ума – вся Вселенная. Пицца сердца – святые обязанности и еще, еще – взаимность той, о которой вы теперь мечтаете, которой внимаете, с которой жизнь есть *все и все* есть жизнь.

Пицца наших чувств – настоящее!

СХLIII

*Свершен венец создания природы!
Шумят под пальмами цветы!
Где дева провела младенческие го-
ды?
Кто возлелеял в ней слиянье кра-
соты?*

Милое потомство не ведавшей ни колыбели [219], ни объятий родительских, в которой первое чувство было любовь, а второе – раскаянье!

Вы, к которым я прикован, как Прометей к скале Кавказской!... Вы, прелестные *ничто* и *все*!... золотые, алмазные мои! слабые, как сердце, легкие, как мысли, нежные, как чувства, гордые, как ум!

Вас встречаю я монгольским приветстви-

ем: Амур! [220]

*Из ваших рук оковы, плен,
Как дар, приемлю
Для вас перенесу Эйрен
На землю!*

На этом блюде перед вами сады Альциноя [221], воспетые слепцом Амуром... слепцом Омиром [222], хотел я сказать.

Послушайте, что говорит он про эти сады:
«Древа садов Альциноя вечно покрыты плодами; нежный зефир хранит живость, силу и соки их; одни поспевают, другие рождаются; за спелым гранатом и за апельсином скрываются новые, образующиеся; зрелая смоква уступает место другой; готовая маслина сменяется зарождающеюся...» [223]

Не похожи ли иногда и ваши привязанности на древа в садах Альциноя? Одно чувство созрело, другое рождается... старое уступает место новому.

Скажите мне, существа вечнолюбящие! помните ли вы прошедшее? вполне ли предадитесь настоящему? не перегоняют ли ваши мысли времени? не всегда ли вы носитесь в будущем? не разочаровывает ли вас види-

мое? «Это не то!» – думаете вы и – опять на крыльях! но...

*Блажен, кто может испытать
Взаимность, чувство неземное,
И другу нежному сказать:
Я не один и нас не двое!
Я не одна и нас не двое!*

CXLIV

К вам теперь обращаюсь, страдальцы и труженики мира. Вы, которым ни сладостная пища, ни песни любви и соловья не возвратят спокойствия и сна!... Вы, которые болезнями или обстоятельствами, добровольно или против воли исключены из жизни, но еще существуете! Вы, не лишённые единственно покрову небесного!... Для вас чаша, наполненная горьким терпением!... Выпейте до дна!... и вы увидите, что улыбка существует еще и для ваших уст.

Вы же, люди несчастные, но обложенные всеми средствами и способами жизни! вот источник живой воды! читайте надпись, прибитую над ним, и следуйте ей:

«В продолжение 6 недель обратите день в

ночь, ночь в день, то есть спите в продолжение дня, бодрствуйте и трудитесь ночью; принимайте пищу обеденную в полночь; наблюдайте строгую диету, предписанную медициною для пациентов, страждущих расстройством кровеносной, нервной или желудочной системы. Тело ваше укрепитя, душа оживет, и вы взалкаете жизнь!»

CXLV

Здесь, здесь па благовонном лугу под странной липой засяду я с вами, тучные, упитанные тельцы-гастрономы! Лучший час дня есть переход от голода и жажды к упоению и насыщению. Люблю вашу беседу! Вы вечно веселы, как мечтательные существа, которых небо одарило бесконечною жизнью, неизнуряемыми силами, неистощимым богатством, неизменною любовью, верной дружбою, вечным здоровьем и неувядаемою красотой!

Слова ваши звучны, как вылетающие пробки! смысл пенится, как шампанское!

*Люблю кипящие бокалы!
Люблю пиров несвязный шум.*

*Где чист, крылат, прозрачен ум,
Где речи остры, как кинжалы!*

Вот, друзья мои, блюда, которые колкостию и остротою раздражают и притуплённые нервы вкуса.

Ух! на японском зангском фарфоре лежит кроншнеп! начинен трюфелями, анчоусами, устрицами! Начинен, как век событиями!

*Работайте вокруг паштета!
Он жирен, он вам по душе:
Румян, как перси Аишэ [224],
Слоен, как очи Магомета!
Но... оставляю вас, друзья,
И пир, довольствием цветущий;
Одежды сбрасываю я,
Чтоб встретить с честью сон
грядущий.*

День XIX

CXLVI

Если в душе, в чувствах и в словах певца есть родство с временем и семена для души, чувств и слов потомства, то завистливое невежество как Голиаф падет от руки Давида [225], а гармония усмирит громы.

Если мысли певца есть лучи светила восходящего, то они пробудят, согреют, затеплят понятную душу.

Но если певец есть отголосок произнесенных уже звуков, если он есть луч солнца заходящего, то пусть не удивляется он равнодушию и невниманию других к его холодным восторгам.

Акба, вождь Омара [226], покорил владычеству его калифа берберов и многих других народов; он достиг победоносно до пределов Африки, и когда Океан остановил его, он кинулся па коне в море, извлек меч и вскричал: «Бог Магомета! ты зришь его! если б не эта стихия, я пошел бы далее, я нашел бы новых

народов и заставил бы их обожать твое имя!»

Так и поэт... хотел я продолжать, но обстоятельства увлекли меня в следующую главу.

CXLVII

Я не буду описывать странного моего положения; люди заботятся о положении людей только тогда, когда оно беспокоит их физическим или моральным образом. Но из следующих слов, которые я должен был поместить здесь, положение мое будет понятно.

*В вас много чувства и огня,
Вы очень нежны, очень милы;
Но в отношении меня
В вас отрицательные силы.
Вы свет, а я похож на тьму,
Вы веселы, а я печален,
Вы параллельны ко всему,
А я, напротив, вертикален.*

Совершенство мыслей и произведений зависит от счастливого расположения духа... Может ли человек постоянно быть счастливым!... однако же...

CXLVIII

Однако ж войско перешло уже границу. Отряд ген-лейт. барона Крейца вступил в Ясы. Бым-бешлы-ага исчез, а диван-эффенди и владетельный князь [227] предались покровительству России.

Народ обступил полки уланские, благословляя знамена русского царя. Восторженный этерист [228] в черной одежде и клобуке кричал: виват, император Николай! – Руки его подняты были к небу, в правой была развернута книга предсказаний. «Лети, России светлый ангел!» – кричал он по-гречески.

*«Лети, России светлый ангел!
Твой пламенный нам в помощь
дан,
То предсказал нам Агатагел,
То прорицал нам Иоанн! [229]»*

«Venit, venit Moscal! Venit cavaleria di Imperat! slava luy domnodseu [230]! χαλαινε! [231] халоса! халоса! ши еу [232] служил государски!» – кричало одно греческое существо, тощее, как остов человеческий, служившее при б князьях молдавских и видевшее на сво-

ем веку много чудес, и между прочим еврея-колдуна, который вызывал заклинаниями всю нечистую силу в стакан, наполненный водою... Пир горой в стакане., шум, визги и крики;... но вот является старшой... садится нечистая сила за браный стол... судят и рядят... про судьбу гадающих, про клады, про пропажу, про виноватого, про вора... Стоит еврейский колдун над стаканом с огромным Талмудом, читает молитвы, заклинания и повторяет речи нечистой силы, предсказывает и – все сбывается!...

– Ты видел это? – Видаль, видаль, сама видаль! – повторяет грекос – Очень рад, но прощай, мой друг, мы еще встретимся с тобой.

CXLIX

Всякому известно, что 25 апреля 1828 года [233] переправа через границу была при м. Скулянах, при м. Фальчи и при с. Вадулуй-Исакчи, но не всякому известны затруднения переправ весной, во время разлития рек. При с. Вадулуй-Исакчи прутская долина шириною до 4 верст. Все пространство наводнено, но

преодолеть все можно. В одну ночь готов мост и плотина чрез наводнение. Это селение называлось прежде *Траян*; вероятно, потому, что над ним, на горе, оконечность древней границы, называвшейся также *Траян* – *via Trajani* – *Траянов вал*,

В дополнение ко всему сказанному мною некогда о Траяновом вале [234] я должен заключить все изыскания и умствования следующим:

Бессарабия, Молдавия, Валахия, Булгария, Трансильвания и пр. и пр. изрезаны во всех направлениях подобными валами. Валы эти есть не что иное, как сухие, укрепленные границы.

В Бессарабии нижний Траянов вал отделял землю, принадлежавшую греческим колониям, лежавшим на берегу Черного моря, от народов, кочевавших в пустынном Буджаке.

Верхний Траянов вал служил границею между степями и верхнею богатою, населенною природою Бессарабии.

Г. Галац, бывший греческою и потом римской колонией, отделен от Гетских пустынь подобным же высоким валом.

Во всех прочих местах – та же история.

СЛ

Итак, против с. Траян, почти в том же месте, где некогда была переправа постоянная и мост каменный, русские выстроили плотину и вступили в Молдавию.

Кстати о р. Прут. Волны ее рождаются в горах Карпатских, гибнут в Дунае. Вообще ширина реки от 5 до 10 сажен. Вода от быстроты мутна, но здорова и имеет свойство минеральных крепительных вод.

От самой австрийской границы до м. Липкан пробирается она подле крутого, лесистого берега Молдавии. С нашей стороны долина открыта, населения часты. Так, помню я, в с. Мамалыге, объезжая пограничную цепь, захал я на ночлег к почтенному старику эсаулу. Живо поворотил он своего калмыка, и чайник вмиг вскипел. Я предложил ему чаю с ромом ямайским. «Э, нет! – вскричал он.

*– Убей меня господь бог громом,
Не будь донским я казаком,
Когда испорчу чай я ромом*

*Или испорчу чаем ром!
Нет! просто с чистым кипятком!
Вот пуншит! уж точно пуншит
дворянский!
Да и коньяк! сшибет с коня!
А конь-то, конь-то у меня!
Во всей станице Атаманской
И в стойле графского отца
Такого нет, брат, жеребца!...
Эгэ! ин в койку, час законный:
Я вижу, ты храпка уж дал!
Я сам сегодня рано встал
И по дистанции кордонной
Верст полтораста пробежал!
Ну, доброй ночи! доброй ночи!»*

С Л

Так как предыдущая глава началась переправой, то я хотел и заключить оную рассуждением о затруднении переправы смысла из главы в главу, из стиха в стих и т. д., но я должен был невольно отложить это предприятие до статьи об Архипелаге.

День XX

СЛII

Иногда, вступая на поприще дня, я размышлял о Вселенной, о человеке, о жизни.

Вселенная есть...; человек есть...; жизнь есть... Подобные определения не совсем ясны; однако же время их дополнит и объяснит.

Рассматривая математически, Вселенная есть X , человек Y , жизнь Z . Дав самую огромную величину X (ибо что может быть более Вселенной в мире физическом?), мы тотчас определяем и Y и Z ; но так как величина X произвольна, то и понятия о Y и Z , при различии оснований систем, столь же различны, как и степени от $-\infty$ до $+\infty$. По обстоятельствам, которые нисколько не относятся к учености и открытиям прошедших и будущих столетий, и несмотря на то, что настоящее живет на счет прошедшего, я должен определить силу магнитную.

Так как все необходимо оставляет на себе след, то сила магнитная есть не что иное, как

след полета земного шара... Земной шар несется вперед полюсом южным, и потому след его остается на севере. Струи воспаленного эфира, истекающие от постоянного разреза его полетом, есть направление магнитной силы от юга к северу... Из чего и можно заключить, что северное сияние есть видение следа быстрого полета земного шара.

Родство магнита с железом также понятно: железо есть не что иное, как струя кипения земного вещества в точке южного полюса от стеснения и воспаления эфира;... и, вероятно, направление струй этого металла в земле должно быть от юга к северу.

Вот что! Истина везде нужна.

CLIII

От м. Липкан до с. Костешты р. Прут течет большею частью между скалистыми берегами. При Костештах в первый день течения своего встретила она непреодолимую гранитную зубчатую стену, но стена раздвинулась перед волнами Гиераза [235], как море пред народом Израильским [236].

За Костештскими скалами вершина левого берега верстах в пяти тянется параллельно реке крутым обвалом. От вершины весь скат на несколько верст усеян курганами. Это место называется *Сута Можиле* (Сто Могил, или Курганов). Неровность места должна бы напоминать сильное землетрясение, страшную битву, но современники их, может быть, несколько уж тысяч лет как лежат под первым слоем земли, не заботясь о том, что иной живой много бы дал иному древнему мертвеццу за рассказы о современных ему событиях.

Далее р. Прут течет более по болотистой и покрытой камышом равнине. От Скулян вправо змеится за рекою дорога в Яссы, влево – в Кишинев.

На сей последней Провидение сложило с князя Потемкина [237] блеск, почести и заботы и отправило его к источнику сил по пути невозвратному.

Ниже Скулян и Цецоры, где был лагерь Петра Великого, река Прут погружается более и более в камыши. Болотистая, покрытая озерами долина расширяется.

Во время наводнений берега топки, непро-

ходимы. Но ты, странник, ты, посланный для усиления пограничной цепи по этой стихийной змее в 740 верст длиною, проплыл благополучно верхом [238]2.

250 кордонных донских коней в течение 4 месяцев несли тебя по водам так же отважно, как Юпитер нес дочь царя Агенора [239] с берегов Финикии до острова Крита.

*Европа на рогатом воре
Плыла верхом... Ей не до слез:
Все молится, чтоб Зевс пронес
Ее счастливо через море.
Не бойся, дева, бурных вод:
Тебя сам Зевс чрез них несет!*

CLIV

Кажется мне, что я сбился с дороги!... В какой же из глав своротил я вправо или влево?... Кажется, в самом начале предыдущей... Подобные промахи часто случаются с людьми восторженными, влюбленными, беззаботными и рассеянными... Все эти достоинства могут заключаться во мне одном: восторженность в душе, любовь в сердце, беззаботность в праве, рассеяние в мыслях.

*Но можно ли идти все прямо?
Направо храм, налево сад...
Свернул... река, болото, яма,
Стена и... тысячи преград!
Вот и ступай опять назад!
Ступай назад?... назад! а крылья?
А самоходы?... самолет? [240]
Какие нужны мне усилья?
Вспорхнул и полетел вперед!*

CLV

Вперед!... вслед за отрядом г. л. [241] барона Гейсмара, составляющим летучий авангард 6 корпуса... В 5 дней проносится от 228 верст равнинами Валахии и 30 апреля вступает в Бухарест [242]. Митрополит, духовенство, бояре, народ встречают его как избавителя, предупредившего истребительное появление турок от Дуная.

Плоское положение Бухареста не дарит любопытных взоров ни видами города, ни видами окрестностей. Приближаясь к столице Валахии мелким кустарником и молодым лесом, почти незаметно въезжаешь в Бухарест...

CLVI

Кривою улицей и длинной
Я ехал, ехал и – устал;
И как назло, я всех встречал
С физиогномией пустынной.
Седых бояр, старух бояриш,
Их кацавейку, шубу лисью
Давно видал я... Конь мой! марш!
Марш к Антонани! шагом... ры-
сю...
В галоп!... стой!... это что за
дом?
В окне... как из воды наяда!...
Эгэ! я, верно, ей знаком?
Как улыбается, как рада!...
Ей лет пятнадцать!... чудеса!...
Румянец пылок, черен локон,
Волниста грудь, горят глаза,
В ней все горит!... но из-за окон
Ее уже не вижу я,
А кровь волнуется моя!

CLVII

Устал я с дороги!... Есть, пить, спать!... Эй!
Мой, циганешти, молдове-нешти, румунешти,
гречешти, формошика! ди грабе! мынкат!

[243]

– Да поскорей!

Слуга француз

– Plait-il monsieur? [244]

– Manger monsieur! [245]

Служанка немка

– Glaig, was sie wollen? [246]

Слуга жид

– Закуску?

– Подавай ее! Скорей!... от голоду я болен!

Девка немка

– Wir haben Schneppen [247].

– Ну, sehr gut! [248]

Слуга молдован

– Ликер пуфтешти? [249]

– Да, не худо!

Жид с товарами
– Печатки, кольца!

– Прочь, иуда!

Другой жид
– Сукно, подкладка!

Армянин с товарами
– Гермисут...! [250]

Еврей штукмейстерх [251]
– Эх вэрдэ энен этвас цаэн! [252]

– Тьфу, надоели! ей, хозяин!...
Гони их всех!

Хозяин (*гонит*)
– Пуфтим, пуфтим! [253]

Армяне
– Мхазур буюрун султаным! [254]
(*Уходят*)

Слуга грек

– И зу каппони кэ салатан! [255]

– Султан куриный, иль эвнух [256],

Мне все равно, он весь упрятан...

Но... в нем, мой друг, нечистый дух!

Хозяин

– Анасына... [257] и т. д.

CLVIII

Таким образом, все вышеозначенные лица, купцы и разносчики, привязчивые жида и безотвязные армяне, навьюченные тирольцы, разнонародные ресторационные служиторы и Лотхен, заставившая меня сказать по-немецки: ну, *sehr gut!* – каждый, в свою очередь, своею единицею измеряли мое терпение и голод. Но, наконец, первые изгнаны турецким проклятием, а последние подали мне чашку бульону, пару бекасов с салатом и бисквит, изготовленный еще в 1820 году, к ожидаемому дню вступления на диван [258] Валахии князя Каллимахи [259]. Потом выпил

я, как водится, рымникского вина и стакан *кофе*, ибо поданный *кофе* не стоил и названия *офе*.

Как человек совершенно опытный по части утоления голода и жажды, я в пять минут обработал статью: побранил прислугу за излишнюю скорость и нетерпимую медленность, сказал еще несколько слов по-немецки и отправился в свою комнату.

Державин [260].

На бархатном диване лежа...

Я

*Постойте, сам я доскажу,
Картина на меня похожа,
Я точно так теперь лежу...
Но... спать пора...*

День XXI

CLIX

*«Как! мне гоняться за тобой!
За тенью женщины лукавой?
Нет, друг! гоняйся ты за мной,
А я не погонюсь за славой!
И что мне слава? – глупый звон,
Когда я не в нее влюблен!»*

*Так я вскричал сего дня утром
И вихрем полетел вперед,
Как голубь, пойманный Кси-
зутром,
Искать пристанища средь вод.*

CLX

Скажите, добрые мои, не противозаконно ли думать, что для усовершенствования люди и все их отношения должны быть вылиты в одну форму? Отчего встречал я подобные идеи? – «Что тут за премудрость! – говорит недовольный. – Для чего иному жизнь награда, а другому наказание?» – Если бы я жил до жизни, я отвечал бы ему, но этого, кажется, со

мною не случилось.

Бедный кусок прекрасного мрамора! ты не попал в руки Фидия [261], как бы тебе дивились!... ты попал в ограду, в столб, в помост на ступень!... никто не смотрит на тебя, а все попирают ногами!... Бедный кусок прекрасного мрамора! Но что ж делать, утешься, это для разнообразия;-а вечное движение?- для существования;-а существование?-для разрушения;- а разрушение?-для начала;-а начало?-для конца!-а конец?-для связи; а связь?-для соединения;-а соединение?-для рождения; и т. д. говорит мудрый, и очень доволен собою... Поверь, нужно только долготерпение: со временем попадешь, подобно древнему камню, в музей, и тогда прояснится снова твоя наружность.

CLXI

CLX главу я поместил для того, что ей предназначено было существовать, и именно в том самом виде, в каком она помещена. Всем недостаткам и несовершенствам ее не я причиною... Прекрасная мысль подобна мрамору;

и если она попадает под руку не Фидию, а простому каменщику, то он обтешет ее против всех правил скульптуры.

Тут кто-то подкрался ко мне сзади и закрыл глаза мне руками...

CLXII

*Пожалуйста оставь, мой друг!
Клянусь, что ты мне надоела!
Скажи, возможно ли мне вдруг
Тебя ласкать и делать дело?
Я занят, нежностям любви
Теперь не время!., что за скука!...
Отстань!., ах, боже мой, не рви!...
Ага, пищать?., вперед наука!...
Ай!., что ты!... Где найду слова?
Читатель! мой язык немеет!
Сто сорок первая глава,
Взгляни, взгляни, в камине тле-
ет!
В огне погибли не мечты,
Статья, прекрасная, как Пери!
[262]
Читатель, чувствуешь ли ты
Всю цену общей нам потери?*

Да, потери, общей нам потери! Если бы бы-

ло мне время и в сердце моем был Бахчисарайский фонтан, я бы на этом месте непременно построил бассейн и наполнил бы его слезами! но...

CLXIII

Здесь не в моде гулять пешком, да и невозможно гулять пешком от узких улиц, от неровности деревянной мостовой, от удушливой пыли, от грязи, от брызгов проезжающих экипажей... Зато здесь в моде гулять в бутках [263].

К вечеру букарестские красавицы в уборной перед приманчивым трюмо снимают с локонов металлические папильотки, омывают лицо девственным молоком; искусственный румянец загорается на ланитах, как стыдливость; брови чернеют; под ресницами является черта томности; талию сковывает корсет...

*О, гесперидские плоды! [264]
Хоть сталью твердой будьте
сжаты,
Но тщетны скромности труды,*

Взор хитрый видит все сквозь ла-
ты!

Страшна была бы жизнь моя,
Как пес *plus ultra* [265] наказанья,
Когда, друзья, лишился б я...
Когда б лишился... осязанья!

CLXIV

Далее что?— Далее... Красавицы накладыва-
ют на голову прозрачный ток; жемчужные
нитки, как змеи, вьются в волосах;... на шею
золотую цепь; к груди радужную бабочку; к
поясу ключ; за пояс часы *sotteuse* [266]; на ру-
ку готическое ожерелье, эластические пер-
чатки, лорнет; а платье... а его гарнировка... а
рукава а *l'ange qui vole!* [267]...все так цветно,
так новомодно, так придумано!

Madame la marchande de modes [268], как
оживленная картинка из *Journal de Dames*
[269], хлопчет около красавиц Юга, прикалы-
вает, пришпиливает, стягивает, вливает в ду-
шу вкус, истинное образование тела и гармо-
нию одежды...

Наконец туалет кончен. Арнаут входит.
«*Бутка гата!*» [270]— говорит он, и вот ма-

ленькие ножки в атласных башмачках переносят легкую румынку в коляску венскую. Кучер в венгерской, испещренной шнурками одежде, в этеристской шапке вытянул вожжи, бич хлопнул, жеребцы встряхнули гривами, взвились, сбруя загремела, коляска заколебалась, пролетела ворота и плавно пустилась по улице в рядах других... Прелестная румынка довольна, счастлива.

Таким образом тянутся вдоль Букареста сотни экипажей, как движущиеся оранжереи. Звуки: *Кали имера – сас! [271] Хош – гэлдын! Сара – буна! Вечер добрый! Bon soir! Guten Abend! [272] Wie befinden Sie... Sie... Sie... Sie... Sich? [273]* сливаются со стуком колес и продолжают да утомления.

Это одно из видимых наслаждений прекрасного здешнего пола.

CLXV

Вечер давно уже настал, милые мои читатели! я пожелал бы вам сладкого сна; по воображение мое еще так живо, деятельно... занесло меня в гости к бояру валахскому.

Неужели, думаете вы, я буду описывать, как подъехал я к крыльцу, как поднялся на парадную лестницу, как в передней несколько арнаут подбежали ко мне и одному только удалось снять с меня шинель; как я немного приостановился при входе в залу, как вошел в нее, как обратил на себя внимание бомонда [274] букарестского, как облетели взоры мои по наружности присутствующих, как приковалось мое внимание... как приличие отвлекло его... и как подошел я к хозяйке? – совсем нет! я просто скажу вам, что Монтеスキю [275] измерял деятельность людей по Реомюрову термометру [276], а Волней [277] наложил молчание на уста его. Необходимости, потребности человека есть причины подвижности его скорой и медленной. И в состоянии общестственности и в состоянии диком люди не деятельны, тяжелы, изнежены, если земля, которую они населяют, роскошна, богата всем, что необходимо для существования... Напротив, недостатки, скупость природы, бесплодность ее вынуждают человека к трудам, к деятельности, к изобретательности, к вечному движению.

Засеял ли бы кто-нибудь, подобно мне, чистое поле, находящееся под его десницею, мыслями, мечтами, событиями и всеми своими понятиями о вещах, если б он – довольствовался настоящим?... но я обращаюсь к хозяину дома.

CLXVI

Вообразите себе бояра валахского, сидящего на просторном диване. Вот он... Одежда его пышна, разноцветна, роскошна, как на картинке в книге описания костюма народов... Положение его неподвижно, как ваятельное изображение монгольского божества Шагэ-муни [278]... Ноги, как вещь простонародную, он свернул и скрыл под благодеянием и здоровьем целого своего корпуса. Наружность его скопирована с важности последнего паши, на которого он осмелился взглянуть, приближаясь к нему со страхом и трепетом.

*Он важен, важен, очень важен!
Усы в три дюйма, и седа
Его в два локтя борода,*

*Янтарь в аршин, чубук в пять са-
жен;
Он важен, важен, очень важен!*

День XXII

CLXVII

Оставляя вас, спутники и спутницы мои, наслаждаться всеми прелестями букарестской жизни, я извиняюсь перед вами и отправляюсь наблюдать движение войск наших.

Что может быть интереснее первой стычки с неприятелем!... Человек добр от природы и никакого не имеет расположения, особенно в минуты рассудка, обращать довременно других и себя в землю и лишать скромную душу ее покровы; но должно видеть, как скоро наполняется он ожесточением против врага, с каким удовольствием истребляет в нем способность жить! Я не говорю уже о варварских военных обычаях и наслаждениях: о печенеге, который предпочитает драгоценной чаше череп неприятельский [279], о янычаре, кото-

рый прорезывает на теле боковые карманы и вкладывает в них руки мертвеца-врага.

CLXVIII

27 числа апреля авангард 7 корпуса достиг до деревни Болдагенешти, в 8 верстах от крепости Браилова. Здесь была первая встреча с неприятелем. Партия Атаманского его императорского величества наследника полка под командою храброго Катасонова настигла отряд турок, выехавший из крепости на фуражировку... 30 турок убиты, 18 взяты в плен.

1-го мая 7-й корпус обложил крепость. 7-го мая принял командование над осадным корпусом его императорское высочество великий князь Михаил Павлович.

В следующий день на стенах браиловских отсветилось присутствие самого государя императора Николая [280].

CLXIX

Первый блистательный подвиг Турецкой кампании принадлежит Дунайской флоти-

лии под командою капитана 1-го ранга Завадовского.

О, помню я, как он нарушил спокойствие ночи на 28-е мая и сладкий сон мой в Хаджи-Капитане!... Как туча, пронесся отчаянный Завадовский мимо крепости и разразился громами посреди флотилии турецкой... Дело сделано!... Неприятельский адмиральский бот и 11 судов с артиллериею взяты в плен, 8 сожжены, разбиты, посажены на мель.

Лучшая награда, по-моему, есть успех в предприятии.

CLXX

Друзья мои! потомство, будущие герои!... когда-нибудь и вы насмотритесь на храбрость, на мужество, на великие дела и на слабость человеческую!... и вы с почтением взглянете на пятипудовую мортиру, которая, как старая барыня, сидит важно в широких креслах, кашляет и на всех плюет... и вы увидите, как носится под небом бомба, днем, как черный ворон, ночью, как метеор.

Она упала в город, пробила насквозь крышу; она внутри дома; но там ей душно... вот вырвалась она на чистый воздух... и – весь дом на воздухе... Но вот летит другая вслед за ней... и т. д.

CLXXI

Что может быть неприятнее дорожных остановок! Выбьются из сил лошади, сломается колесо, переломится ось, трудный переезд, чертов мост, гора, переправа и все, что называется в дороге несносным, досадным, скучным, нестерпимым!

Точно такие же чувства убивают меня, когда остановится мое воображение. Бич и попукание не помогут... Вызывая ад на земле, я иду пешком по чистому полю до следующей главы и тщетно ищу места, где бы поместить всю пустоту, которая наводняет иногда мысли.

В эти глупейшие минуты жизни кажется, что все уже выдуманно, все сказано, все написано.

Долго, долго иногда ждешь того времени,

в которое душа повторит снова, громче прежнего: мало, мало еще выдуманно, мало сказано, мало написано!... В эти минуты так легко писать.

Итак, я беру перо и, исполняя обещание XLV главы, пишу:

Гармония, которую издают уста прелестной женщины, есть звуки согласия, подобного течению Вселенной...

Но прежде, чем стану продолжать, взгляните на эту милую, ангел-читательницу! Если б Прометей жил в наше время, – не с неба похитил бы он чудный огонь, но из глаз ее... Смотрите, она покраснела! так, при создании мира, расцвела в одно мгновение роза!... Грудь ее вздымается... не волны ли это, одетые пеной?

*Вот сравнивать пришла охота!
Скажите просто: в вас не то,
Что мило, как не знаю что,
Но в вас божественное что-то!*

Итак, самые лучшие звуки есть те, которые слышатся в минуту превращения земли в небо, когда одно мгновение вечного блаженства растворяется, по Ганнемановой системе

[281], в беспредельном Океане времени, и одна капля сего духовного бальзама изливается в душу человека.

*Но взгляните же опять на нее!
Какая живость, стан, румянец,
Какие очи и уста!
Душа, как пламень, в ней чиста!
А муж ее... авелианец! [282]
Злодей! ты отнял жизнь у тех,
Которые бы верно жили!
Младые юноши твой грех
Своей бы кровью искупили;
Но...*

Она добродетельный, непорочный ангел!...

CLXXII

*Здесь должен я сказать и о гармонии гениев.
Их голос и слава их песен сладки;
В пример для вас запел бы я;
Но я боюсь, что нервные припадки
Во всех произведет гармония моя.
А вследствие сего, по данному
мне праву,
Которое признать обязаны и вы,
Читатели, я поднял уж заставу*

Для выезда из скучной сей главы.

День XXIII

CLXXIII

В один из прекрасных утренников мая месяца 1828 года, согласно диспозиции движения Главной квартиры 2-й армии, встал я ранее солнца;... казак подвел моего коня, я сел, опоясал его нагайкой и пустился по дороге в Галац.

Прощай, скромная хижина Хаджи-Капштана, в которой я вкушал первые сладкие сны под грохот осадных орудий!... Прощай, Браилов! я описал бы, как стены и мечети твои падали от грома русского, я описал бы осаду твою по всем правилам, изложенным в Вобане, С. Поле, Фоларде, Белидо-ре, Кегорне, Кормонтане [283],... но обязанность и воображение влекут меня за Дунай.

CLXXIV

*Ура, высокие восторги,
Соблазны юношеских лет!*

*Кого не утешал Георгий [284]
И пара толстых эполет!*

Пой песню: *Едет казак за Дунай...* [285]ит. д., т. е. за Балканы, но до которых пор он едет, про то высшее начальство знает.

Однако ж, какая грустная дорога казаку! Во-первых, потому, что он сказал девице *прощай*, а во-вторых... но все прочие причины в сравнении с цервою – ничто!

За 10 дней до того времени, как русский часовой на бастионе брайловском закричал в первый раз: *кто идет!* 3 корпус, одушевляемый присутствием мужественного и великодушного русского царя, строил плотину в пять верст длиною через топк и камыши дунайские, строил мост через реку, и как богатырь-великан, перешагнув через все преграды, пошел строить чудеса в областях Балканов.

Здесь некогда и Дарий [286] шел в противную сторону на кочующих скифов, но тогда земной шар был 2336-ю годами моложе и река Дунай называлась Истером, истекавшим из отдаленных мест, где покоится солнце.

Великие события есть ключи, заводящие

механизм вечного движения.

CLXXV

Смотрите, как наша батарея о 24-х орудиях осыпает ядрами турецкий берег и неприятельские укрепления! Флотилия Дунайская пронеслась под огнем магометанским под самую крепость Исакчу; лодки запорожцев и баркасы, как стадо лебедей, приплыли к берегу; егерские полки нагрузились и переносятся на противоположную сторону... Но вот огонь усилился, туча дыма налегла на широкий Дунай, все скрылось от взоров, только гром пушек перекатывался по необозримому отдалению, в извилинах Дуная, между скалами, по озерам, по камышам... Но вдруг утихли раскаты грома... его заменил треск беглого ружейного огня... все прояснилось... На Дунае лежит уже понтонный мост, войска и орудия спешат по нем... Солнце пламенеет, ряды штыков блестят, Дунай спокоен, русские в Булгарии, толпы турок, разбросанные страхом, бегут в крепость... Исакча обложена.

Воин! если ты был при переходе чрез Ду-

най, то вспомни, как перебежал ты через понтонный мост, взглянул налево в окоп турецкий, направо в оставленный неприятелем редут с безобразными орудиями, как спешил на гору, задыхаясь взобрался на Визирский страшный курган, сел, отдохнул и потом стал смотреть кругом себя... Помнишь ли, как чудна показалась тебе природа? Прямо па север перед собою видел ты все создание переправы, за нею болотистый, покрытый камышом берег и новый проложенный путь, далее село Сатуново, далее степи Буджака и протяжные горы... Вправо – отдаленный Измаил, извилины Дуная, светлые озера, зеленые камыши, синий туман над полосой моря... Влево – дикая крепость Исакча, далее устья Прута и Серета, г. Галац и чуть заметный в дыму Браилов... За тобою – Бабадагский берег; и горы, покрытые лесом, и путь, пролегающий в столицу султана... Ты очарован, воин! ты утомил взоры, посвятил вздох прошедшему и снова перенесся в заманчивую будущность!...

Кончив день знаком восклицательным, я был доволен собою и заснул так крепко, что если б пламенный поцелуй любви обжег уста

мои, я не почувствовал бы ни малейшей боли.

День XXIV

CLXXVI

Когда природный ум и неиспорченное сердце нераздельно, дружелюбно владычествовали над человеческим родом, тогда был век золотой.

Настали пылкие лета мира: ум дал волю сердцу; то был век серебряный.

Наконец сердце истощилось, ум взял верх – настал век железный.

Посмотрите же, как царствует холодный ум!... Как светит он в очах человечества;... а в груди кусок железа!... Уж не мудрость а не чувства приводят все в движение, но расчеты ума и сила магнитная!

Силы небесные! оживите сердце!

CLXXVII

Предыдущая глава касалась вообще до все-

го человечества, ибо в отношении собственного сердца я живу еще в веке серебряном.

*Не знаю, что с моим мне бедным
сердцем делать:*

*Оно болит, грустит, томится
без тебя!*

*Возьми ж его себе, оно мне изме-
нило*

*И любит лишь тебя одну, мой
нежный друг!*

*Возьми, тебе одной его я поручаю,
Я неразлучно с ним и дружелюбно
жил,*

*Теперь оно любовь предпочитает
дружбе,*

*Пусть чувства в ней оно желан-
ные найдет!*

*Не знаю, отчего ему так хладно
стало*

*В моей родной груди, столь ласко-
вой к нему:*

*Пусть у тебя найдет оно тот
сладкий пламень,*

*Которым я его не в силах сам пи-
тать.*

*Но если нет в тебе огня взаимной
страсти,
То не бери его: оно от хладных
чувств
Увянет, как цветок, а я приду в
ничтожность,
Как храм без идола, как без на-
дежды жизнь!*

Все ищет истинной любви; но еще вчера
встретил я одно прелестное романическое су-
щество, которое искало ее, нашло ее и – как
Езопов петух [287] – равнодушно посмотрело
на найденный алмаз!

CLXXVIII

CLXXIX

После вчерашней встречи с досады я не
знаю, чем наполнить CLXXVIII главу; но вы не
можете назвать ее пустою: в мире нет пусто-
ты.

CLXXX

Однажды, заброшенный каким-то огорчением, лежал я в темном углу, на диване... Я бы не утонул в размышлении, если б два чудака не спасли меня против воли громким своим спором, происходившим в соседней комнате.

Первый голос

Не толкуй мне, не рассказывай мне!... Возвышенная любовь!... знаю, знаю ее!... Это, мой друг, также обыкновенная, земная любовь, но в оковах; понимаешь!... она состоит из двух... но часто духовная вечно свободна... цепь желаний... препятствия... невозможность... бедное сердце начинает страдать, сострадательная душа разделяет его горе, обиженное, неудовлетворенное желание гонит по крайней мере мысли к недостижимой цели... а воображение – злодейство! О люди, люди!... по всех людей забавнее люди влюбленные!

Второй голос

Несносные слова! и я их выслушал! неуже-

ли непонятно тебе, что любовь есть союз Вселенной, невольное влечение однородных, односвойственных существ друг к другу... Это ли непостижимое чувство назвать стремлением прихотливых желаний к удовлетворению?... ее ли назвать произвольной целью и игрой своенравного самолюбия?... Я видел женщин прекрасных, милых; победа над чувствами их льстила бы и самолюбию Рошефокольда [288]; но я смотрел на них, как на существ чуждой земли, которых язык для меня непонятен, обычаи странны... Я видел прелестных, милых женщин; сближенный обстоятельствами, я привыкал к ним, и привычку можно было бы принять за любовь; я бы их любил, но не жертвовал бы для них собою!...

Первый голос

Понятно, не досказывай...далее следует любовь эфирная, или тоска двух существ о том, что, имея одну душу, они имеют и два сердца!...очень понятно! – общая душа стремится сблизить их до невозможности, слить в математическую линию.

Второй голос

Нет, это для Земли непонятно!

Первый голос

Как? до какой же степени мы должны любить, например, женщину?

Второй голос

Если б я допустил в истинной любви безумие, я сказал бы, что должно любить более жизни; не по рассудку, согласному с сердцем, мы должны любить избранный предмет, как жизнь свою!... Это кажется очень ясно?

Первый голос

Не совсем! для меня одно только ясно: всякий, кто посвящает себя в рыцари, должен выбирать шлем по голове; потому что если он будет мал – свалится с головы; велик – закро-

ет уши и глаза, а иногда и совсем сядет на шею. Но полно о возвышенной любви. Главный мой совет тебе, юный восторженник: не верь женщинам!

Второй голос

Очень благодарен! тебе остается еще сказать и всем женщинам: не верьте мужчинам!... о, тогда люди будут счастливы, спокойны!... Нет!... я лучше хочу не верить собственным чувствам; вот настоящие льстецы наши, которым верит самолюбие!... Добра и зла в женщинах столько же, сколько и в нас; нрав их...

Первый голос

*Их нрав совсем мне не знаком,
Я все считаю лишь по пальцам;
С моим ли маленьким умом
Знать счет сердечным постояль-
цам?
Прощая слабостям земным,
Характер женщин бесподобен,
Я их люблю, но верить им*

*Я от природы не способен.
Любовь – оковы, от оков
Так натурален шаг к свободе;
К тому ж благодаря природе
Для бабочек и мотыльков
Так много создано цветов.
К чему бояться изобилья?
Перелетайте, пейте мед,
Покуда радужные крылья
С вас злое время не сорвет!
Теки, век жизни, быстро лейся!
Счастливец! радости лови!
Оковы с чувств и с сердца рви,
Люби, разлюбливай и смейся
Над долговечностью любви!*

Второй голос

Конечно! Я с тобой не говорю!... правила сердца развратного!... прощай, дух возмутитель доверенности!...

Первый голос

До свидания!

Наскучив слушать подобный спор, я вско-

чил с дивана, схватил фуражку и отправился в поход; через несколько мгновений я уже был опять на Дунае.

CLXXXI

Не говоря о подробностях пути от крепости Исакчи до г. Бабадага, я скажу только, что отдельные горы, холмы, долины, покрытые кустарником, скалы Денистепе и лес вправо, влево серебряное озеро Разельм, за ним синее море и, наконец, цветущий май, ясное небо, душистый воздух – все очаровало чувства гостей турецких: поход казался прогулкой, а область Бабадагская – эдемом, но – без гурий.

Во время движения главных сил от Исакчи к Бабадагу отряды были направлены к Тульче, Мачину и Гирсову. Покуда они исполняют свое назначение, мы последуем за императорскою квартирою и за Главною квартирою 2-й армии, через Бейдаут, Сатискиой до Кара-су.

CLXXXI I

По занятии области Бабадагской Кара-су было назначено местом ожидания первоначальных успехов армии при обложенных крепостях.

Тут, перед Траяновым валом, на отлогом скате левого берега Кара-су, основалась походная столица императора, во всем блеске.

Город шатров с золотыми маковками был обнесен живыми оградами. Чисто было небо, облака боялись помешать солнцу играть на светлых орудиях и штыках русских.

Несколько дней это был лагерь тишины, уподобляющейся расстоянию от молнии до грома, как говорит Байрон. Но вдруг несколько сот орудий грянули в честь взятия крепостей Браилова и Мачина... Солиман-паша и Джафер-паша первые испытали, что теперь уже не те времена для правоверных мусульман, когда они под владычеством Омара покорили 36 000 городов и крепостей, разрушили 4000 храмов и соорудили 1400 мечетей.

CLXXXI II

Вскоре на походной колокольне един-

ственный и звонкий колокольчик возвестил молебствие о взятии крепостей Гирсова, Тульчи, а наконец и Кистенджи. В первой Ишим-паша, во второй Ибрагим-паша, в третьей Абдуллах-бей преклонили свои бунчуки [289] пред знаменами русскими, вручили их победителям и отправились оправдывать неудачи свои пред блистательною Портою.

CLXXXIV

Пред ставкой русского царя развеваются ряды цветных знамен...

Русский царь светел, окружен сынами своими, окружен очами Европы.

Только победные пороховые облака несутся в небе.

Военно-торговый народ собрался толпами; смотрит и удивляется; толки его раздаются на языках: русском, молдавском, болгарском, турецком, сербском, немецком, французском, италийском и греческом.

Представьте себе, милые мои, с каким удовольствием я вспомню на старости лет эту вековую картину! В толпе штабной, в какой-ни-

будь характеристической группе Бульи [290], видна и физиогномия Странника, на которой, кажется, – начертаны слова: скоро ли проснусь я?

С какою гордостью, отложив перо, трудящееся над описанием *будущего*, я воссяду посреди добрых моих приятелей и поведаю им события *прошедшего* следующим образом.

CLXXXV

«В то время, когда...» – при начале рассказа, без сомнения, понюхаю я табаку, зашиплю, как стенные часы, и громко чихну; внимающие гости скажут: желаю здравствовать!... умолкнут... я поблагодарю и буду продолжать рассказ следующим образом:

В то время, когда по хребту Траянова вала, простирающегося в Булгарии, по берегу Кара-су до крепости Кистенджи, называвшейся некогда Истером, а потом Константианой, скакал я вперед...

– Это было, кажется, 8 июня 1828 г., как известно по истории, – скажет один из моих приятелей, – «о, нет! – прервет другой, – 20-го

июня, я очень помню, я читал Валентини! [291]» – Из этого вспыхнет хроническо-хронологический спор, который прервется приездом новых гостей, может быть, и дам; а потому, забыв прошедшее, я предамся вполне настоящему.

CLXXXVI

По известным причинам, по не мне, углубленному единственно в стратегию собственных движений... императорская квартира и Главная квартира 2-й армии перенеслись с первой позиции на Кара-су на вторую позицию, верст около 10 выше, перед озерами... Тут лагерь разбит по всем правилам кастраметации [292].

Но ночь уже настала... ночь тихая. Какая картина!... Лагерные и бивачные огни, рассеянные во мраке, мерцают вокруг вас; они простираются до самого неба, и звезды на горизонте кажутся продолжением огней русского лагеря.

Давно уже эхо задунайское не разносило звонкого русского отзыва!... Перекликайтесь,

недремлющие! а я... Монтань [293] сказал:
Notre veillée est plus endormie que le dormir:
notre sagesse moins sage que la folie; nos songes
valent mieux que nos discours. [294]

День XXV

CLXXXVII

Ударило семь часов... Утренние лучи ждали
уже возвращения моего из области внука
Эребова [295]... ожидание их скоро исполни-
лось. Колесница, запряженная призраками,
остановилась у подъезда, и я во всей красоте,
как дельфин, показался из волн... пуховых.

*Где, думаете вы, был я?
Близ Альпов снежных, там, где
Леман
Шумит, бушует между скал;
Где друга Юлии злой демон
На гибель часто искушал [296];
Там – был и я...*

CLXXXVIII

Люди, удаленные от мест, где терзают род

человеческий неутолимые желания и необузданные страсти, наслаждались некогда красотой природы, тишиною жизни и спокойствием души. Чисто было дыхание их, как воздух Гельвеции [297]. Не было между ними неприязни. Сердца их не уподоблялись островам, разбросанным по океану, а составляли одну землю, одну цепь обычаев, привычек, дружбы и любви.

Девы! девы, которых я вижу и встречаю! если б вы видели уборы и украшения тех дев, о которых я теперь думаю!... Какая роскошь! сколько золота, драгоценностей! какой ослепительный блеск! И ничто не затемняет красоты природной!... Скромность ли затемнит ее?... Какие украшения роскошнее невинности и добродетели?

Смейтесь, смейтесь, крылатые, которых я вижу и встречаю! О, пошли святой Промысл, чтобы в душе вашей отозвалось хоть на одно мгновение то чувство, которое называется *Природою!*

Что остается теперь человеку в наслаждение? – одно минутное забвение вечных огорчений.

Ум поглотил сердце... а счастье земное
есть удел сердца!

CLXXXIX

Если б кто-нибудь взял на себя право
упрекнуть меня, что сердце мое холодно, как
лед, – я не буду опровергать упрека клятвами;
нет!... пусть сердце мое будет подобно куску
льда, принесенному из-за Ледовитого океана,
с того места, где на севере стекаются в одну
точку все умственные меридианы... пусть оно
уподобляется ему!... Может быть, полярный
лед так тверд, как кремень, и удар куса об
кусок произвел бы искры... но какие искры? –
искры любви!... Если кто даст мне хоть одну
подобную искру – я буду доволен: что может
быть лучше *любви искренней?*

СХС

Любовь!... Я верю преданиям очаровательного
Гезиода [298] и страстной Сафо... Их сердца
знали тебя... Я верю им: ты дочь неба и
земли!... божество и демон, ясновидящая и

слепая, ад и рай, блаженство и страдание!

*Соблазн, предатель, искуситель,
Источник тайного огня,
Непостоянный сердца житель,
Коварный дух, оставь меня!
Минутный спутник мне не нужен,
Подобный счастью и судьбе,
Ты вечно верен лишь себе,
С собой лишь постоянно дружен.
Неси сокровища мечты
Тому, кто хочет быть обманут!
Меняй сердца, они цветы,
В них чувства скоро, скоро вянут!*

СХСІ

Часто, и как часто... после вышеописанного, произнесенного огорченными чувствами монолога вдруг делается резкий переход в нижеследующий:

*Она мутит мой дух давно,
Она меня все в омут тянет!
Взгляните... то всплывет, то канет
На очарованное дно!
Мои ли чувства не растают?*

*Всплывет... и воды заиграют!...
Как колыбель под ней волна!...
Вся в брызгах, как в шатре алмаз-
ном,
Лежит раскинувшись она
И возмущает дух соблазном!
О, брошусь в воду!... пыл огня,
Быть может, холод волн поту-
шит...
Но я боюсь... в воде меня
Русалка страстная задушит!...
[299]*

СХСII

Подобно мне, увлекаемому пылким воображением, большая часть людей увлекается пылкими страстями и забывает свои обязанности... но я... я недолго блуждаю по произволу необузданных мыслей!... Вот опять своротил их на большую дорогу. Совсем на землю я не хочу съезжать... Пущусь по седьмому слою воздуха... Проезжая мимо Могуры, я не могу не остановиться на вершине этой знакомой мне горы... Хребет Карпатский и отрасли, растилающиеся по Венгрии, Галиции, Трансильвании и Молдавии, ясно вижу я перед со-

бою как окаменевшие валы разъяренного океана, озаряемого светлым божеством Зороастра [300]; но не восклицая: «Какая величественная картина!», я очень равнодушно смотрю па необозримое пространство. Подо мною все тихо. Где же люди? Где шумное, вечное движение их и бесконечные заботы? Не видно, не слышно их! как они мирны! не нарушают спокойствия природы!... О, если бы мне теперь было время, я взобрался бы по ступеням воздушным на первое золотообрезное облако, как Юпитер взглянул бы на землю и громовую стрелю на голубом воздухе начертал бы мысль свою о человечестве!

СХСIII

Младенческое состояние его... Тут невольно припомнит каждый, как лелеяла его маминька...

*Что, если б вы, хоть и шутя,
Ему про котеньку запели;
Тридцатилетнее дитя
Лежал бы смирно в колыбели...
Ах, маминька! я вас люблю!*

*Я светел в чувствах, без оттенки!
Вы говорите: я пилю?
Так что же, поставьте на колени!
Малютка ваш у ваших ног
Почувствовать заставит жалость;
Не принимайте за порок
В ребенке маленькую шалость...
Мамунечка!...*

СХСIV

Как иногда приятны сумерки!... Но, боже мой, мне не удалось сего лил пролететь с, читателями и расстояния между слиянием двух математических линий!

День XXVI

СХСV

Как приятно будет мне, добрый, милый товарищ мой, когда ты встретишь, если не меня, то, по крайней мере, мысли мои о всем и всех и воспоминания мои о тех, которых любил и люблю!... Скажи мне, на которой ты теперь ступени лестницы, ведущей к благу?... Куда смотришь ты – на север, на запад, на юг, на восток, на небо или в землю?... испытал ли ты, что такое жизнь?... Однажды мечтал я о жизни и начал писать главу СLII... Всякое начало должно иметь продолжение, и потому:

Существование есть шар; жизнь есть окружности, пересекающие его во всех направлениях; люди есть точки, следующие по этим направлениям.

Хорошо! сказал один из величайших умов неопределенного столетия, взял кусок мела, начертил на стене круг, изображающий шар, провел диаметр АВ, потом, перпендикулярно к оному, в равном расстоянии от оконечно-

стей А и В, окружность С и начал говорить следующим образом:

Точки А и В есть крайности наших чувств и страстей. А – крайность добра... В – крайность зла... Окружность CD, находящаяся в равном расстоянии от крайностей, есть единственный путь возможной долговечности.

Человек является на свет из которой-нибудь из точек сей окружности. Если он направлен и постоянно идет по CD, то от *зенита* [301], или точки рождения, до *надира* идет он, отдаляясь, усиливаясь, одушевляясь более и более. От *надира* продолжение пути есть возвращение... Воображая, что удаляется от точки *начала жизненного пути*, он приближается к ней. Если он дойдет до нее, то это истощенное, иссохшее существо есть тот же младенец, но растянутый временем и наполненный... землею!

О, как блажен тот, кто прошел все *плюсы* от 0 до 1 и все *минусы* от единицы до нуля!

Если жизнь отклонилась от направления CD к которому-нибудь из полюсов или крайностей, то очень ясно, что этот путь короче, склонение к возврату ближе, возвращение к

состоянию младенчества, или ничтожества, ближе.

– Отчего? – спросите вы...– Оттого,– ответят вам все науки и опытная премудрость,– что все основано на равновесии; что спокойствие духа, здоровье тела и счастье сердца живут в равном расстоянии от неба и земли.

Приблизьтесь к одной крайности – вас сожжет излишество животворной силы; приблизьтесь к другой – вас убьет излишество удушающей.

СХСVI

Убежденный в предположениях своих тем огнем, который упал с неба на двенадцать глав, я отправлялся ни медленно, ни быстро по той математической прямой линии, которую Галлер [302] мысленно провел от рождения до смерти. Я заметил, что она проходила в равном расстоянии от полюсов и вообще от всех крайностей... Климат был так умерен, что слова: *жарко* и *холодно* вывелись бы из употребления. Вправо видел я в разных положениях: *добро, любовь, юг, душу, мечту, ис-*

тину, свет, все, ум, восторженность, привлечение, кислород, небо, утомительность от труда, всеведение и т. д.

Влево были: зло, ненависть, север, тело, действительность, ложе, тема, ничто, сердце, умение, отражение, азот, ад, утомительность от бездействия, невежество и т. д.

Но на этом пути так мало было людей, что я должен бы был томиться тоскою уединения, если б какое-то чувство душевного и телесного здоровья не заменяло мне все блестящие призраки, которыми была усеяна природа, лежащая от меня вправо и влево.

СХСVII

Сделав таким образом приложение жизни к геометрии и наскучив не только читателям, но и самому себе, я, однако же, сделал еще одно приложение, а именно: приложил руку к сердцу и произнес:

– О, сердце! скажи мне, я ли причина твоего страдания или ты причина страдания моего?., будь вечно со мною согласно! соглашайся вечно со мною!

*– Нет-с, соглашаться каждый раз
Меня рассудок мой не учит!
Поверьте-с, вечный отзыв: да-с!
Когда-нибудь и вам наскучит,*

– отвечало мне сердце и забилося сильнее
прежнего.

СХСVIII

На это я не только ничего не сказал, но да-
же ничего бы и не подумал, если б восторги
соответствовали степенным летам.

*Я был хорош, мне говорила
Про то искательность очей;
Но похвала не обольстила
Души доверчивой моей.
Я был любим, любил нередко,
Но никогда не ревновал
И на себе не испытал,
Что значит женщина-кокетка.
Кому же в этом честь отдам?
По склонностям, природой дан-
ным,
Не бывши постоянным сам,
Мне все казалось постоянным.*

Бывало...

*Но и теперь, пускаясь в путь
За ловким, ветреным народом,
Я загляжусь на что-нибудь
И полюбуюсь мимоходом,
Хотя к степенному лицу
И это несколько некстати;
Но кто ж крылатому слепцу,
Властолюбивому дитяти
Забавных жертв не приносил?
Кого в грехи он не вводил?*

СХСІХ

Кто заслужил славу истощением сил своих, терпением и временем, тот человек опытный, тот нажил богатство ума; я уважаю, люблю его... хотя и кусок дерева, сгнивая, набирается света.

Но... обязанность зовет меня в этот пространственный намет [303], где, как говорит г. Нахимов [304], возвышаются горы бумажные, текут реки чернильные и стада перьев с писком носятся по пространству стола.

С т. а д. [305]

*Бумаги с августа, а нет уведомле-
нья*

*О получении! За эти упущенья
Не вам, сударь, а мне приставят
длинный нос!*

ЧИНОВ.<НИК>

*Я написал давно уж начерно-с
И дал переписать... что ж делать
с писарями!*

*(Пишет, диктуя самому себе
вслух)*

*«Уведомыть... при сем... имею
честь,*

*Что сума денег мною за номера-
ми*

2-м и 5-м, пущенная вами

*От 23-го июля... двести шесть
Рублей... получены». Вот-с конче-
но!*

Ст. а д.

Прекрасно!

*Вас не учить казенному письму!
Вы пишете так четко, кратко,
ясно,*

*Но вместо суммы вы поставили
суму,
Ъ вместо е, еры на место иже!
Скажите мне, любезный филолог,
Вы, верно, слышали, что канце-
лярский слог
Тем лучше, чем он ниже?*

ССІ

Но вот Бехтыр-киой!

Пробили поход!... Взгляните, лагерная команда, как саранча, обсыпала все палатки!... кажется, она пожирает их. Взгляните, как исчезает город шатров!... нет его! Весь штаб на конях. Все двинулось вперед! Бесконечные обозы потянулись по извилинам дороги... так скопленная и спущенная вода катится по желобу долины.

Тут видите вы разноцветные дилижансы, дормезы [306], кареты, коляски, дрожки, брички, таратайки, повозки, брашеванки [307], телеги, кухни, фуры, ящики... За ними следуют вьюки – на лошадях, на ослах, на плечах и, наконец, известные всему походному штабу два верблюда... Они везут калмыц-

кую кибитку. При них отправляются два степных оренбургских уроженца, да толстый Иоган, да бывший константинопольской миссии курьер.

Все это тянется по дороге от Кара-су чрез Махмуд-киой, Муссабей, Азанлар, Гелби-киой – к Базарчику.

ССII

Соединив несколько переходов в один, я уверен, что читатель не почувствует от этого ни малейшей усталости, как гренадер суворовский, который разделил расстояние от земли до неба только на два солдатских перехода. Я уверен, что, отправясь в этот путь, он сделал его в один переход.

Но, говоря об усталости, я из снисходительности если не к другим, то, по крайней мере, к самому себе, разделяю всякий труд на несколько частей и – для каждой части предназначаю особенный день; следовательно, вы можете себе представить, что солнце отправилось уже на другое полушарие, снабдив часть своего света наместницу свою луну.

*Чудак Зороастр почитал солнце
богом...*

*К нему мольбы его текли,
Не знал он мысли сокровенной:
Пусть солнце свет и дух земли,
Но солнце ль свет и дух Вселен-
ной?*

День XXVII

ССIII

Я сидел с книгой в руках... не помню, читал
я или думал о ней... вдруг очутилось предо
мною видение, светлое, как мысль об испол-
нении пламенных надежд и желаний.

Оно

– Конечно, любите вы чтение?

Я

*– Люблю ли?!... я на небесах,
Когда в твоих, мой друг, очах
Читаю чувств изображенье,
Твержусь, учу их наизусть!
Их смысл так сладок и приятен!*

*То привлекателен, как грусть,
То вдруг, как случай, непонятен!
Скажи мне... нет, не говори!...
Но прямо в очи мне смотри!
Я прочитаю...*

Взяв на себя труд Шамполиона [308], я скоро раскаялся...

– Нет! – думал я, – разобрать египетский язык дружбы и любви есть египетская работа!... и – отправился в Бугарию.

ССIV

Остановись перед самым Базарджиком, на долине Табан-дере, я еще раз оглянулся назад и потом обратил все свое внимание на город.

Аджи-оглу-базар-джик значит: странствующего сына базар малый... Итак, любезный мой караван, видал ли ты когда-нибудь пустой город?... Вот он... Мне кажется, не только люди и животные, но и все насекомые скрылись из него. Какая пустота! какая мрачность! точно как в сердце, оставленном надеждою.

ССV

Идите по улице – вам никто не встретится. Взойдите на двор – собака не хамкнет. Взойдите в дом – вас не спросят: кто вы? зачем вы? кого вам? Взойдите в гарем... о, как неприятна эта пустота!

Фонтаны не льются, они иссохли. В некоторых вода еще слезит, по она уже горька, как слезы... отравлена.

Вот высокое Джалье; но там уже не слышно: *Элинин каризини арзулама!* [309]Предместье города, в которое переселялись турки, армяне и болгары базарджикские на жизнь вечную, так велико, как только может себе представить испуганное воображение, не любящее ни покойников, ни кладбищ. Оконечности города и окрестности ею уставлены гранитными и мраморными камнями;...почти на каждом вырезаны разнообразные чалмы, означающие звание и состояние мусульманина, отгостившего па земной поверхности.

ССVI

Теперь далее, от Базарджика к Шумле!...

Но, милые спутники мои, я отвечаю за безопасность вашу и потому предлагаю вам не рассыпаться, не удаляться от меня!... Дорога до Козлуджи идет лесом... Вот мрачная Ушеп-лийская долина... толпы турок скитаются по лесам, стерегут неосторожных... Чу? выстрел! пуля просвистала!... залп!... Турки!... И все это мечта, воображение!... Не бойтесь, милые спутницы мои! Под моим предводительством целы и невредимы выйдете вы из опасности! Но...

ССVII

Сердце мое возгорелось духом воинственным!... Дайте мне броню мою! шлем мой пернатый! меч мой, меч мой! на котором начертано золотыми арабскими буквами: *Когда Чемидзан [310] перестанет покровительствовать мне, ты, меч мой, будешь защитником моим!...*

Доблестные, воинственные читатели и читательницы! великий, бессмертный подвиг предстоит вам!... толпитесь вокруг меня!... Вы, юноши, готовьте пламенное воображение

и лорнеты!... Вы, старцы, опытная мудрость, надевайте очки!... Вы, прелестные стрелометательницы, амазонки мои! девы и женщины, правое и левое крыло, дающее крепость центру, запасайтесь огненными взорами!

Предводительствуя корпусом таких волонтеров, мне легко пройти весь мир, и покорить Вселенную – перу моему! но это долго, скучно... вооруженною рукою пройдем мы по Бугарии, чрез Балканы, до Константинополя... Подобно набегу какой-нибудь орды, мы пронесемся... нет!... разольемся, как Нил, по владениям Махмуда!... Ожидает ли он нас? успеет ли он издать хати-шериф [311], вызывающий к восстанию на брань против необузданной толпы читателей, напавших на топографическую карту его владений, штурмующих девственную Шумлу, прогуливающих по р. Тундже, отдыхающих в Эски-Сарае и в лавровых рощах Эдрине и, наконец, осматривающих без спросу все редкости Стамбула?

ССVIII

Подробная карта Турции перед нами. Поле

чести открыто. Слава готовит венок Победе. – Друзья мои! *«не множество, а мужество»* – вот первое правило войны. – «Стадо ослов, предводительствуемых львом, страшнее стада львов, предводительствуемых ослом», – сказал греческий полководец Хабрий [312]. Итак... но сегодня уже поздно.

ССІХ

Скинув броню, шлем и меч, я повесил их на одно из деревьев, принадлежащих Повелителю правоверных; возвратился туда, где был; надел... разумеется, не римскую тогу... и стал сердиться...

Подле моей комнаты, за деревянной стеною, жил пылкий юноша. Часто исступления сердца его и исступления поэтической души нарушали первый сладкий сон мой. В отместку за доставленную им мне бессонницу, подобно совести, которая подслушивает человеческие мысли, я приложил ухо к стене.

«Любить пли не любить!» – вскричал он голосом Гамлета [313].

«Себялюбие! предрассудки! закон, установ-

ленный папою Григорием Девятым [314]! обязанности! общее мнение... о, сколько препятствий!» – произнес юноша с отчаянием, похожим на отчаяние Лира, когда он говорит: Громы! молнии! вы не дети мои [315]!

«О, если б ты была свободна! если б голос не умер на устах моих, я бы сказал тебе: еще до существования моего я люблю тебя! я люблю тебя теперь! я люблю тебя за гробом Вселенной!...»

– Да! – думал я, – глагол *люблю* был бы глаголом божественным, если б не спрягался.

«Что мне уверять тебя, – продолжал юноша, – уверения лишают доверенности. Ты прекрасна, добродетельна; ты звезда, ласково светящая, на меня с неба! Два звука, согласованные самою природою! – я и ты! – некогда они были одним существом; но какая-то враждующая сила разорвала его надвое, чтоб со временем, при встрече нашей, насладиться нашим страданием!... [316]

*О, долго ль сон коварный длится?
Исчез очарованья мир!
Ты не моя, но ты кумир,
Пред коим вечно мне молиться!»*

ССХ

Восклицания утихли... все умолкло... Я задумался... гений сна повеял крыльями...

*Усни же, милый мой малютка.
Проживший десять тысяч дней
Игралищем слепых страстей,
Рабом послушным предрассудка!
Счастлив, когда в ночной тиши
Ты, как покойник, равнодушен
И сон твой кроток, не нарушен
Болезнью сердца и души!*

День XXVIII

ССХІ

Этот день я не намерен посвящать ни мирному странствию по Вселенной и по событиям, ни военным походам по Бугарии. Он так хорош, как 1-е мая. Но положим, что он и есть 1-е мая; и потому очень неудивительно, если кто-нибудь пригласит меня ехать вместе за город, в сад, в рощу...

Если слова: *поедемте с нами!* произнесены

голосом, которого эхо отдается в сердце... если эти же слова повторены взором... о, тогда я еду непременно!

ССХII

Если любопытство читателей следует за мною на это гулянье, то... послушайте:

– Неужели? – сказало одно кубическое существо.

– Поверьте! – отвечало другое существо, которого я и описать не умею.

*Ах, боже мой, какая жалость!
Тиранишь так свою жену!
Ее неопытность и шалость
Считать за грех и за вину!
Ох, эта мне понятий древность!
Вот, умолчи и не злословь
В мужьях всевидящую ревность
И безотвязную любовь!
Несносно!...*

«О, это правда! – сказала одна юная дева, прекрасная, как невеста Океании. – Мужчины? – льстецы!... мужья? – тираны!».

– Как эти речи странны мне!

*Не понимаю! верно, вам уж
Не раз случилось, хоть во сне,
Влюбленной быть и выйти за-
муж? –*

сказал я эфирному созданию, которое произнесло оскорбительные слова на весь мужской человеческий род.

Не знаю, понравился ли ей ригурнель, приделанный мною к ее песне о мужчинах, потому что, сказав, я в то же мгновение своротил на другую дорожку, остановился подле виноградного куста, сорвал зрелую, наливную, покрытую как будто инеем кисть и... вручаю ее тебе, милая, прелестная читательница! тебе, ангелу, подле которого и самое грешное существо освятилось бы новыми, высокими чувствами!

ССХШ

*О юноша, оставь свои мечты!
Забудь коварные надежды и желанья!
Здесь радостей твоих заплетены
цветы
В цепь неразрывную печали и*

*страданья!
Оставь доверчивость и пристально
смотри,
Как изменяются на всем от све-
та краски:
Жди дня, о юноша, во время ли за-
ри
Нам распознать любовь и непри-
творность ласки!*

ССХІV

Не объясняя причины, по которой наскучил мне сегодняшней день, я предложил солнцу скорее скатиться на запад и осветить все заатлантические известные и неизвестные страны, где человек, по системе Кабаниса [317], должен был первоначально быть растением, потом полипом, потом насекомым, потом орангутангом, потом диким человеком...

Стадо диких людей, которое мирно пасется на лугах, орошаемых алмазными струями реки...

Стадо диких людей, которое живет в мире со всеми животными...

Стадо диких людей, у которых нет долгов

на земле, а людей на небе...

Это стадо... но что такое счастье и спокойствие без того, что рождает несчастье и беспокойствие?

ССХV

– Ты слеп!

– Ложь!

– Видишь ли ты?

– Ничего не вижу, потому что ничего не видно!

*– Поди уверь, что солнце не свеча,
Что бледная луна не тусклая
лампада,*

*Что звезды светлые не золотые
блестки*

И не отличия, дарованные небу!...

Впрочем, слепота не грех. Но от этого шуму, от этой ветрености сердца, от этой болтливости языка, от этих нескромных взоров, от этого века, навьюченного ношею бедствий, я удаляюсь и, подобно Язону [318], с моими аргонавтами сажусь на корабль, сделанный из зеркала.

От пристани г. Галаца я отправляюсь вниз по Дунаю, по устью прекрасному в Понт, потом в Пропонт; потом в Геллеспонт; потом, не задевая ни за один остров моря Эгейского и Средиземного, прямо к устьям Нила; Нилом к Мемфису; от Мемфиса, перенеся на плечах корабль свой, – по тому же тракту, по которому аргонавты переносили свои корабли, – на море, отделяющее земли Египетские от Обетованных, спускаюсь по оному до океана, орошающего и Аравию, и Иран, и Индию; океаном до слияния Тигра и Евфрата, и, наконец, плыву медленно вверх по последней реке до самого рая...

Я был в раю...

ССХVI

Тогда был вечер; – и теперь уже вечерет; а так как люди вообще привыкли полагаться на завтрашний день как на начало будущих благ, то и я обращаюсь к читателям с вопросом: вы, верно, устали?

– Ах, несколько! – отвечают они, задыхаясь от усталости.

*Благодарите же богов,
Когда не шли вы, как обозы,
Пустыней дикою стихов
Или распутицею прозы!*

День XXIX

ССXVII

Итак, друзья мои, вы уже слышали, что сказал полководец Хабрий. Теперь дайте мне телескоп, я взгляну на позицию всех моих читателей... Хуже пары слепых глаз!... обезображивает все, как критика пристрастного журналиста!... протрите ему стекла! [319]

Хорошо! теперь слушайте диспозицию:

«10-ти тысячный отряд юного моего воинства переправляется через Дунай в Никополе. От Никополя, своротив к Систову, он должен восхититься местоположением; но не блуждать в садах фруктовых и виноградных, не срывать ни одного румяного листа с розовых кустов, украшающих горы, скаты, холмы, – не идти быстро мимо Руцука. Если неприятель сделает вылазку, то с презрением посмотреть на него и потом следовать далее чрез Разград

по дороге к Шумле.

«Другой 10-ти тысячный отряд идет через Силистрию. Переправа не остановит храбрых. Напомнив сей крепости 1810 год [320], отряд продолжает идти чрез Акадапар, Эмбелер, Экизчи к правому флангу к. Шумлы.

Сам я, предводительствуя главными силами моих читателей, иду чрез Базарджик.

«Пятитысячный отряд преклонных летами и вооруженных всеми градусами очков наблюдает крепость Варну с утесов при с. Франки. В предводители сего отряда избирается старец, украшенный и царем и временем, зпающий наизусть все походы Миниха, Румянцева, Суворова, Потемкина, Каменского, Кутузова [321]...»

Прочитав диспозицию, разумеется, все возвратились по местам; – несколько избранных говорливых читательниц пробарабанили устами своими поход, и все двинулись!

ССХVIII

15 тысяч отборных юношей и прелестных воинственных красавиц со мною! – Песельни-

ки, вперед! – закричал я. – Ах, господа, у меня душа обмерла от наслаждения, когда запева-
льщик, прелестный, как она, перелился весь в
арию: *Di piacer mi belza il cor* [322].

Быстро двигаюсь я от Базарджика к Ушен-
ли чрез густой лес п хребет гор, скрывающих
от Козлуджи север.

Здесь, друзья мои, под предводительством
царя, шли мы в 1828 году. Спускаясь с горы,
пред Козлуджи, открылись взорам нашим
разновидные гряды Балканов. Сквозь лиловое
отдаление и светлую будущность я уже видел
тогда, как развевались на Эмосе [323] благо-
словенные знамена русские и как русская во-
ля подавала законы владычеству Магометову.

ССХІХ

Покуда первые два отряда приблизятся к
Шумле, мы сделаем дневку в садах Козлуд-
жийских.

*Дика наружность здесь природы!
На юг – дорога на Проводы...
Нельзя здесь, други, не вздохнуть:
Ведет далеко этот путь!*

*Там... древний мир гиероглифов!
Чернеет Эмоса гряда!
Там спорных праотцев и скифов
Паслися мирные стада!...*

День ХХХ

ССХХІ

Так как рассветать будет еще в следующей главе, то до восхождения солнца я думал о Чжиндчженской фарфоровой фабрике, о веселом взоре и ясной наружности – явных признаках мудрости, о лжи и упрямстве – пороках, которые должно искоренять с самого младенчества, о выражении Плиния [324]: *ut externus alieno non sit hominis vice* [325], об уме и глупости умных и о глупости и уме глупых... и т. д.

ССХХН

Утро было очаровательно. За завесой туманов Балканы... отдельные холмы, белеющие скалы по долине Давно... ущелья правого берега долины Проводской; высоты над Мадардой и Шумлой, освещенные солнцем... Мечеть Козлуджийская в садах... лагерь моих

читателей... Какие виды!

Я вышел из своего шатра, невольно взглянул на шатер Царь-Девицы, с золотой маковкой... сердце затрепетало желанием битвы, и я вскричал:

*Лейб-Амазонский эскадрон
Построить близ моей палатки!
Дежурный
Нельзя-с, большая часть больны.*

Я

Как!... чем?

Медик

От действия луны...

Я

*Вот кстати лунные припадки!
Но должно им скорей помочь,
Мы выступаем в эту ночь!*

Медик

*Есть способ легкий, хоть старинный:
Поить водою розмаринной;
Но натуральный термин...*

Я

*Ох, с амазонками беда!
Не подражать бы им Минерве!
[326]
Но мы оставим их в резерве –
Походный с нами госпиталь.
Однако ж это очень жаль!...
Без них мне скучно!...*

ССХХIII

Скучно, скучно!... нет, без них ни шагу вперед! готов отложить поход к Шумле хоть до конца 3-й части! О, чтоб совершать дела великие, нужно терпение!... ангельское... дьявольское... думаете вы? нет, мое – т. е. среднее между ними.

Как терпелив тот, который, утолив жажду и голод, чувства, ум и сердце, ложится в пуховые волны и, уже засыпая, чувствует, что что-то ползет по лицу, но боится пошевелиться, протянуть руку, чтоб, спугнув насекомое, не спугнуть и усыпления с очей своих... как терпелив он!

Это еще не все, ибо все более целой Вселенной. Это не конец и не начало... Покажите

мне в чем-нибудь начало и конец, я скажу: нет, это продолжение.

ССХХIV

Подобные переходы уподобляются известным переходам... или, еще лучше, известному моцартовскому аккорду в увертюре *Титова милосердие* [327]. Разумеется, что тот, кто не знает генерал-баса чувств человеческих, не может понимать правильности резких переходов; для понятий его доступна только простая гамма... Хайдн [328], выражая *создание мира*, прежде всего изобразил *Хаос*... Во всем стройность создается из нестройности... Мысли, мнения, речи, дела, вся жизнь, все подвержено этому закону.

ССХХV

Дневка казалась мне вечностью... Грустен и задумчив сидел я... Беда быть без дела!... Взяв Лаватера [329], стал я сравнивать физиогномику всех великих людей; но – умственная величина зависит от фокуса понятий и от

точки, с которой мы на нее смотрим. Тут я опять задумался... Мысли мои, как прикованные, не оставляли меня; я бил доволен. Но все, что имеет крылья, не создано для постоянства. Скоро мысли мои вспорхнули, понеслись быстро... Где же настиг я их? На очах, на устах, на улыбке, на румянце ланит, на персях, на задумчивости существа, которое так хорошо, как неиспытанное блаженство. Они хотели даже проникнуть в сердце его, во все изгибы сердца... Остановитесь, дерзкие! там ночь!... тайны сердца совершаются во мраке... С трудом вывел я на свет мысли свои из подземелий, в которых они уже блуждали, – и стал писать письмо. О ваших слышал новостях

*От бывшего у нас в гостях
Товарища-приятеля!
Что вы здоровы все подряд,
Я этому сердечно рад,
Благодарю Создателя!
И то с восторгом слышал я,
Что вы, как добрая семья,
Соединились дружбою.
С пером иль с книгою в руках
Проводите часы в трудах*

*И занимаясь службою.
И в дополненье к похвалам,
Вы ровно к девяти часам
Приходите в чертежную;
И соблюдаете вы в ней
Со рвением службы долг своей
И тишину возможную [330].*

ССХХVI

*– Хотелось знать бы вам весьма
И продолжение письма,
Любезные читатели.
Но продолжать нет сил и слов;
Таких уродливых стихов
Набор рекрутский к стати ли?
Мое житье, мое бытие,
Ты путешествие мое,
Моя энциклопедия!
Пусть свет тебя возьмет, прочтет
И от души произнесет:
Ей-богу – ну комедия!*

Конец второй части [331].

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Auteur de «St...». Que pensez vous de mon livre?

Une dame... Je fais comme vous, monsieur, je ne pense pas [332].

«Lucius Apuleus» Rioarol.

День XXXI

Явление Странника Аполлону. Мотылек. Пучина памяти. Маре Калабалык. Умственный архипелаг. Философический камень. Пословица

День XXXII

Вселенная Быть или не быть? Чистый воздух. Терпение. Середина. *Pudel dicere* [333]

День XXXIII

Оракул. В чем счастье. Умственная живопись. Продолжение ССИ главы. Рым-ник. Ата-

ланта...

День XXXIV Ювента-Геба. Шабас [334]

День XXXV

*Женщины. Шатер. Царь-Девуца. Диспозиция
земная и небесная*

День XXXVI

*Моя рать. Как счастлив тот, кому не по-
могают падать. Шумла. Реляция. Алэф*

День XXXVII

Варна. Владислав IV. Взятие Варны

День XXXVIII

*Hiprocrate. И т. далее...? Чудная беседа.
Чудный скачок. Может быть и быть не мо-
жет. Тоска. Русская единица. Настоящий век
и дни давние. Пленный турок Эмин. Альма.
Итог*

День XXXIX Заара. Не хочу я хлеба. Гоби.

День XL

Свой своему невольно друг. Мы вошли в палатку. Сбитенщик. Военная зависть. Заблуждение. Дорога в Стамбул. Мангалия. Развязанный узел. Октавий Август И Овидий Назон в бане

День XL1

Вечер. Его бы она расцеловала?! Бисерная и мозаичная работа. Свекла равна сахарному тростнику. Продолжение поэмы о Мариолице. Нескромность. Смотрите и внимайте! Кистенджи. Петр

День XL1

Пустырь Булгарии. Карамурат-киой или Дана-киой? Покойная квартира

День XLII

Правило жизни. Четки памяти. Красносельское молчание. Пауза. Галац. В Яссы

День XLIV

Природа и человек. Лучшие минуты жизни. Взгляд на Яссы. Копо. Москаль и молдаванка. Математическая истина. Путевые правила. Улица-маре [335]. Жестокое внимание и насильственное убеждение. Чемодан. Человек-грек капитан Микулай. Гулянье в Яссах: дуна-обычулуй [336]

День XLV

Превращение Любви во Вселенную, а Вселенной в Любовь. Эней и Лавиния. Сердечные полюсы. Кого я видел. Остров любви. Нубия. Москва

День XXXI

Γ τό μέγα εν, άλλα τό έό μέγα [337]

ССХХVII

(Н*а берегах Фригии [338] Аполлон в рубище таскает на носилках камни для построения Трои [339].)*

Поденщик

Источник света и лучей!

Аполлон

Скажи мне попросту: *изгнанник!* [340]

Поденщик

Светлейшей ясности твоей

Представиться желает *странник!*

Аполлон

Теперь некстати эта честь!

Где он?

(Странник входит, в пестром переплете, обремененный типографическими ошибками

[341].)

Странник
Всепресветлейший...

Аполлон
Лесть! Прошу обыкновенным слогом!...

Странник
Я – я...

Аполлон
Ты – ты? Довольно, с богом!
(*Странник выходит в свет.*)

ССХХVНІ

Все встречные хотели знать цель его, спрашивали: куда идешь? Посмотрите, отвечал он, на этого мотылька, который летит по одной со мной дороге.

*Мгновенный гость существова-
нья!*

*Зачем и ты летишь на свет?
Ужели и тебе во тьме покоя нет,
Как пылкому уму гордейшего со-
зданья?*

*Смотри, вся даль алмазами го-
рит:*

*Не подлетай, золотые крылья
вспыхнут!*

*Луч таинства твой взгляд навеки
ослепит,*

*И поздно гордые мечты твои
утихнут!*

*И все и всех судьбы в пределы об-
лекли,*

*Не преступить заветную грани-
цу!*

*Как рвется узник дух подняться
от земли!*

*Как силится увлечь на небо и
темницу!
Глас внутренний твердит, гре-
мит его уму:
«Законы вечные Вселенной не
случайны!»
И мысли, слабые светильники!
сквозь тьму
Хотят прозреть завесу вечной
тайны
Прошли века, пройдут века веков,
На общем кладбище улягутся на-
роды;
Но не постигнет ум Создателя
миров,
И тайны занавес не снимется с
природы!*

ССХХІХ

В пространной пристани Трои, нагрузив корабль (сделанный, как уже было выше сказано, из зеркала) всем невещественным, я невольно должен был подумать также и о невещественном балласте, столь необходимым для тяжести и равновесия. Всякий может понять, что я говорю про *пустословие*, бал-

ласт умственный; и потому, без дальнейших объяснений, я отправляюсь в Архипелаг.

Подобно мне, несомому по волнам Геллеспонта, в которых некогда отсвечивалась *Ида* [343] и ее подножие, украшенное паросским мрамором и садами Трои, мысли мои несутся по пучине памяти.

В ней отражается бывшее; чертоги Приама [344], высокие стены и башни, огромные храмы и тот певец, который родился в *Смирне*, в *Родосе*, в *Колофоне*, в *Саламине*, в *Хиосе* и в *Афинах* [345]; и его песни о славе *Ахилла* и *Одиссея*, и его *Батрахомиомахия* [346], и его *Гимн Церере*, погибавший в неизвестности в продолжение 2760 лет и, к счастью, отысканный в конце прошедшего столетия *Христианом-Фридрихом Маттеем* [347] в Патриаршей ризнице в Москве.

ССХХХ

*Continova, s. f. – continuation [348]
(Nuovo Dizionario portatile).*

Так! все прошедшее отсветилось в памяти моей!

Вот, близ мыса Сигейского, на могиле славной Трои, светятся степы Александрии. И они исчезли! – Вот на могиле Александрии, орошаемой Скамандром, чернеют хижины Бунар-баши. И они исчезнут! *Инш-Алла!* (будь воля божия!).

Как Солиман, сын Оркана [349], перед походом в Херсонис Фракийский взошел на гряду камней, бранных останков Трои, подивился на них и отправился далее, покорять Галлиполи [350], так и я, насмотревшись на развалины истинного просвещения, отправляюсь с моим караваном в дальнейший путь по земному шару.

ССХХХІ

Маре Калабалык! [351]
(Молдаван.)

Счастлив тот, кого судьба отклонила от бурь морских, сердечных, житейских и от всех родов бурь, сопровождаемых громом, молниєю, вихрями, словами, угрозами и ударами.

Пробираясь между попутными и противными ветрами во время поднимавшихся со всех сторон туч, я причалил к берегу, оглянулся на море. Какая картина! Представьте себе *море синее, белое, красное или черное*, все равно. Вот туча помрачает горизонт и предвещает близкую бурю. Вот раздаются уже громовые удары, молнии рассекают воздух. Вдали корабль – жертва бездны! Ветры сорвали с него паруса, снасти лопнули, молния ударила в мачту, мачта разлетелась вдребезги, огонь коснулся до порохового запаса, корабль взорван. Смотрите на огненную тучу! Вот рог изобилия, из которого сыплются в море люди, бочки, камни, бревны, золото, пушки, ядры и все, все, кроме нескольких сот пуд губительного состава, изобретенного *Шварцем [352]*.

Он повис на воздухе. Где ж прежняя тяжесть его?

Страшно быть взорванным! Я это испытал:

*Холодность сносна лишь при му-
же;*

*Но вдруг она, день ото дня,
Со мной все хуже, хуже, хуже...*

Как это взорвало меня!

Как это взорвало меня!

ССХХII

*Море, о море, о пространное море!
(Фигура усугубления. § 56 Кратной ри-
торики)*

Когда буря утихла, тучи пронеслись за пре-
делы южного горизонта, а море поглотило
все, что было тяжелее вод его, я пустился да-
лее. Корабль, управляемый своенравным
кормчим, летел, как мысль; огненная борозда
струилась вслед за ним. День уже скрылся, но
поверхность вод искрилась и казалась об-
ширным полем света; а волны оделись бле-
стящею пеной. Подобно Форстеру [353] и мно-
гим другим естествоиспытателям, я хотел

проникнуть в таинственность этого света; думал, думал и, наконец, решил, что не светящиеся рыбы, не черви, не мокрицы, не полипы и не икра причиной одного, а трение вод, рождающее *пену*, блестящую и осыпанную жемчугами мать *Афродиты* [354].

ССXXXIII

Wus hat Er gesakt? [355]
(Ein Jude)

Быстро летел корабль мой; так быстро, что на вершине мачты показалась *Елена*. Нужно ли напомнить догадливому главу СLI и то, что я, как торопливый путешественник, с таким же внимавшем взглянул на рассеянные острова по Архипелагу [356], как торопливый читатель на главы, рассеянные по моему *Страннику*. Их разделяет друг от друга пучина вод; сообщение между ними трудно, я согласен; но виновен ли я, что мое воображение произвело умственный Архипелаг? Не от понятия ли читателя зависит: в *Фазосе* отыскать золотые и алмазные мины; в *Лемносе* взгля-

нуть на вулканы; в древней *Евбее* вкусить роскошных плодов и меду; в *Саламине* вспомнить морскую битву [357], бывшую за 480 лет до Р. Х.; в *Эгине* поучиться у *мирмидонян* муравьиному трудолюбию; в *Идре*, или в *Нио* – морскому искусству; в *Андрозе* принести жертву *Бахусу* [358]; в *Китносе* взять целебную ванну; в *Делосе* взойти на развалины храма *Аполлонова* и пожалеть, что нельзя уже спросить оракула о судьбе своей; в гористом *Микони* оплешиветь; на роскошных лугах *Станфалии* нарвать цветов и свить венок для любимого существа... Все это зависело от читателя. На всех этих островах, и особенно на *Имбро* и *Мило*, есть много *дичи*... но – о господа охотники! берите ружья, снаряжайтесь! Я вас заведу в такие места, где у *бекасов* носы длиннее, чем у всякого обманувшегося или обманувшего *политика, хитреца и волокиты*.

ССХХХIV

Я заметил, что одно только *воспоминание* пишет хорошо, красноречиво и плавно. Ему и перо в руки! Точно, ему и перо в руки! И это

перо будет подобно мечу Скандер-бега [359].
Какой Магомет в состоянии владеть оным?

*И сверх того:
Поэтом тот себя не числи,
Кому полет на небо труд
И у кого с пера текут
Одни чернилы, а не мысли!*

ССХХХV

*Гай-гай! Ион! Ибн-же-ибн!
(Малор. воскл.)*

Между тем как слово *Счастье* водит за нос своих поклонников, точно так же, как и *Щастие*, а они хотят сорвать с радуги золото и драгоценные камни, – я с горестию смотрю на обманчивый блеск *Изиды* [360], вижу, как он обращается в крупные капли дождя и молчит искателей, и – продолжаю писать о том,

*Что стало злой забавой света,
Что всякий знает наизусть,
Что так приятно для Поэта
И что в него внушает грусть.*

Часто душа ищет для себя пищи в разнообразии предметов. Следуя ее влечению, я от-

правляюсь к *источнику философии*, известно-
му у одних под именем *добра*, а у других под
именем *зла*; сажусь подле него на камень о
смотрю на алхимическое производство обра-
щения всего в золото. Честь, совесть, истина,
дружба, любовь, все обращается в благород-
ный, звонкий металл – и счет короток!

ССXXXVI

2 жды 2=4

«**Э**то старо!» – скажешь ты? Но кто бы ты
ни был, смертный или божество, как го-
ворит странствующий *Телемак*, дай мне ру-
ку, умолкни на несколько мгновений, склони
очи к земле и обрати ко мне слух твой!

*Не верю я торговой чести,
Пословица ужасно лжет:
Какой дурак товар и вести
За что купил, за то и продает?*

ССXXXVII

Завтра! завтра!

День XXXII

ССХХХVIII

Good dawning! [361]

В двадцатый день странствования своего я размышлял о *Вселенной*.

Что такое *Вселенная*?

Нет ничего труднее умного и здравого ответа; и потому с той поры, в которую человек начинает обращаться с вопросами к самому себе, душа становится грустною, небо жизни начинает покрываться тучами, рассудок, как придворный, должен хитрить пред царствующим сердцем и часто льстит любимцам-страстям, чтоб достигнуть цели своей.

Если бы вздумалось мне спросить у какого бы то ни было существа, одаренного светом разума, что такое *Вселенная*? посмотрел бы он па меня, как на *неука*, с видом удивления и, не отвечая, отворотился бы от меня, как ученик верхних классов, которого самолюбие затронули обидным вопросом: что такое грамматика? К кому же после подобного со-

бытия во Вселенной обратиться мне с вопросом, как не к самому себе?

Представьте же теперь, любезные народы, что *Вселенная* есть не что иное, как то прелестное, совершенное существо, та дочь вечности, с которой воображение срисовало все виды и образы мечты и которая носится в пространстве, одинокая, то грустная, то радостная, то грозная, то величественная, смотря по расположению духа того, кто об ней думает.

Сбросит ли с себя когда-нибудь эта красавица все блестящие, украшающие ее разноцветные солнца и вечно-голубую, прозрачную одежду свою?

Разве тогда только, когда предсказанный *дракон* пролетит в пространстве, вихрями крыльев своих смахнет с неба луну и звезды, опрокинет сосуд света и, сдавив в когтях Землю, вознесется, как орел, и с высоты опустит ее... но куда же она полетит?

ССXXXIX

Во время вышеозначенного полета Земли

по неопределенному направлению сохранила ли бы она силу центровлекомости? Если пет, то, милые друзья, я не имею силы продолжать эту главу.

ССХL

*Le Génie (seul)
(on entend une douce symphonie) Mais
quels doux accens succèdent au cris de la
douleur?... [362]
Divert, de St. Foix*

Отклонив внимание от напуганного воображения, я беру посох свой, выхожу из комнаты, схожу с крыльца, прохожу калитку и иду глухим переулком. Темно, тихо, все спит; редко где покажется сквозь ставень луч света или отзовется из-под ворот сторожевой пес. Мысли толпятся в голове моей. Сам себе задаю я вопросы; сам разрешаю их. Да! – говорю я мысленно:

– Да, точно! жить на свете трудно!
Но что ж такое значит жить?
– Любить умно и безрассудно,

Уметь и не уметь любить.

Но кто ж не умеет любить? что за труд любить? – вскричал я и – остановился, чтоб удобнее обдумать, правду ли я сказал.

– Ложь! – отвечали в один голос все мудрецы и великие мужи, описанные Плутархом. Я покраснел и со страха бегом удалился от самого себя.

Торопливость всегда бросит что-нибудь под ноги; однако же я в совершенной целости дошел до ворот того дома, в котором сердце гадает о своей участи. Ни сфинкс, ни лев, ни дракон не сторожили подле них; и потому беспрепятственно сделал я несколько уже шагов по двору, как вдруг сердце мое забилося. 11 как не биться ему тогда, как я был уже там близко от того крыльца, по которому легче всходить, нежели сходить; так близко от тех стен, в которые я желал бы превратить мои объятия!

Поставив правую ногу на первую ступень крыльца, я остановился, осмотрелся кругом: не заметил ли меня кто-нибудь? – Нет... слава богу!... тут... я выкрал сам себя и скорыми шагами пустился домой.

Подобная нерешительность есть болезнь, основанная на предчувствии, поздняя обдуманность сердца, неуместный вопрос: *быть или не быть?* характеристическая черта любви, каприз рассудка, нервическое расслабление, онемение чувств, раздор души с телом, животная лень и пр. и пр. и пр.

ССХLI

Воротись домой, я спросил себя: зачем воротился я? Так как люди сами себе, по обыкновению, отвечают довольно медленно и нерешительно, то и я, последуя введенному обычаю, долго молчал, как будто в ожидании, чтоб кто-нибудь ответил за меня. Этого не случилось, и, следовательно, вопрос остался нерешенным, а я, наскучив сидеть дома, вышел за город, чтобы подышать свежим, чистым воздухом.

ССХLII

Mais il est vrai que l'air pur n'est pas fait pour l'homme, comme on le demontre en chenaie.[363]

Rivarol

— Терпение! А что такое терпение? – говорили 5171003405 человек, входя в мою комнату.

– О, если до меня дошла очередь отвечать на этот вопрос, – сказал я, возвысив голову и голос, – то готов уверять вас на каждом шагу и в каждую минуту моей жизни, что терпение есть истинный талант гения, истинный щит против настоящих и воображаемых несчастий, лекарство от всех болезней, постоянное занятие души, истинный труд, философский камень, квадратура круга, греческий огонь, лучший признак существования...

*Готов покорно перенести
Всю тяжесть зол от Провиденья
И от людей: во мне терпенья
Довольно есть, но есть и честь!*

Это значит, что для человеческого терпения необходима великая душа, а не длинные

уши, крепкий хребет и твердая шкура.

CCXLIII

*Il n'y avait rien de si facile que de
d'écouvrir l'Amerique, puisqu'il ne
s'agissait que d'aller pour la rencontrer.*

[364]

(Les envieux)

Не зная, с которой стороны подойти мне опять к тому месту, где остановилась главная мысль моя и военные действия, я задумался, как Аристотель, о достоинстве сочинений и книг.

«Хорошая книга есть та, – говорит он, – в которой сочинитель говорит *то, что должно*, не говорит того, *чего не должно*, и говорит *так, как должно*»).

«Добродетель придерживается во всем *середины*», – замечает тот же самый Аристотель [365].

И потому я совершенно прав, если пишу *не совсем то, что должно, не совсем то, что не должно, и не совсем так, как должно*.

Например, каким образом пропустил бы я

следующую главу и не очистил воздух от шлаков злого языка?

CCXLIV

(Pudet dicere). [366]

Florus

*Уж с год вдовой она была
И скромно с маминькой жила...
Зимою время скучно, длинно;
В кругу приветливой семьи
Часы свободные мои
Неслись так быстро и невинно.
Но что же! Злой язык сказал:
Он там дневал и ночевал!
Я там дневал?... Я ночевал?...*

День XXXIII

*Ein armer Teufel sang und trallerte vom
Morgen
Bis in die Nacht entfernt von Gram und
Sorgen. [367]
Deutsche Geschichte*

ССХLV

Много раз слышал я, долго и сам думал, что и поэт создан для разнообразия в мире, что и он, подобно всем художникам и ремесленникам, существует для промысла, но... что же скажу я против этого холодному веку? Возпросим Оракула...

*Но до Оракула далеко,
Далеко, милые друзья!
Дойти сегодня до Востока,
Мне кажется, не в силах я.
Но нет! Для вас, мои богини,
Как мысль крылатая паря,
Чрез Аравийские пустыни,
Чрез горы, степи и моря
До мест, где теплится заря,*

*Достигну я!... достигну, дети!
Шалуньи!... Вот уж пролетел
Тьму расстояний и столетий
И, слава богу, жив и цел.
А вы?... устали?... о малютки!...
Как жаль мне вас!... как не пе-
нять!
Ну для чего, зачем вам брать
С собой в дорогу предрассудки!...*

Тяжелая ноша, избави бог, какая тяжелая ноша! сказал бы и Александр Васильевич [368]– русская душа, великая душа, чистая, огненная душа!

Но вот храм Аммона, вот Оракул. Слушайте ответ его:

*Погибни в том остаток чувства,
Будь в жизни все ему на зло,
Кто дар считает за искусство,
А труд души – за ремесло!
Я жизни сей не раб презренный,
Я проводник того огня,
Который движет всей Вселенной
И с неба льется на меня!*

ССXLVI

Уже не то небо надо мною, которое, подоб-

но голубому балдахину, осеняет высокие горы, глубокое море, зеленые степи, роскошные сады. Уже не то время во всей Вселенной, по которому катилась цветущая молодость моя и всего современного мне поколения. Тяготеющих слоев воздуха более уже надо мною, чувства мои стали внимательнее к жизни; но огонь в них прежний: душа – незримая весталка – сохранила его! – Блажен, кто не прожил радостей!

*Кто знает цену сам себе,
Кому другие знают цену,
Тот не ищи своей судьбе
Другого счастья в замену!*

ССXLVII

Полечу зегзицею по Дунаеви!
(Сл. о плъку Йгореве)

Милые мои! с удовольствием сердца, с ясною душою и чистой совестью становитесь на *плашкот* [369].

Если б вместо пера явилась в руке моей кисть, а предо мною вместо чернил – палитра, вместо бумаги – полотно; и если бы поэзия – умственная живопись – преобразилась в живопись обыкновенную, – вы, верно, были бы довольнее мною и, указав пальцем на картину, сказали бы: «Вот Дунай! Вот на Дунае остров, вот плашкот, на котором мы плывем, вот турецкая крепость Гирсов! Смотрите, как каменные стены срослись со скалою! Вот плывет по Дунаю корабль! А там, там, какая цветущая даль! Как постепенно скрывается река в зелени, исчезает в тени высоких скал правого берега!».

Вот что сказали бы вы. Для вас нарисовал бы я и себя. «Вот он!» – произнес бы кто-нибудь. Чего же более?

ССXLVIII

Читатели, пробегая взорами главу ССI, могли думать, что она кончена ибо под статьею не было подписано: *Продолжение в ССXLVIII главе.* Это простительно: по дальнему расстоянию этих глав друг от друга я не мог видеть из ССI, что находится в ССXLVIII.

*Кто слово Ветхого завета
Над мрачной бездной произнес
И искрой собственного света
Безбрежный озарил Хаос?
Не ты ли, Солнце? – Что ж сгоре-
ло?
На запад светлый взор поник?
Где храм величественный Бела?
Где твой хранимый Вестой [370]
лик?
О, не гордись своею силой!
Все славит ясный твой восход,
Доколь и над твоей могилой
Другое Солнце не взойдет! [371]*

ССXLIX

Странная вещь! Какую точку пи избери в этой чудной Вселенной, смотри с оной двумя

человеческими глазами, отсюда видно одно и то же! Везде небо, усеянное неугасающими искрами, везде определенности и законы, во всем жизнь и равновесие, повсюду бог! – Океан существования, света, мудрости, блаженства!

О, если б рука моя была так длинна, как луч моего зрения, то... я не знал бы, что мне с нею делать!... и особенно в это мгновение, когда сердце предлагает ее новой Армиде [372], чтоб помочь ей взойти по узкой тропинке, вьющейся между частым виноградником, на высокий холм в Карпатских горах, с которого видна вдали пустынная равнина и Матчинские скалы, а вблизи струйка славного Рымника [373].

– Ужели это тот Рымник, в котором погибла вся турецкая армия и в котором утонул сын Суворова? – это ручей!

*– Точно, без прибавления.
Хоть за горами и ручей
Не хуже моря часто топит,
Но здесь, читатели, ей-ей!
Совсем преданье не эзопит.
Да, Рымник не велик поток,*

*Но редко кто бы в нем поплавал;
Весной он быстр, широк, глубок,
Весной утонет в нем и дьявол.*

– Это удивительно! – однако ж мы отстали от прочих, где они?

– Кажется, вправо.

– Кажется, влево.

– Не заметил.

– Побежим искать их! ловите меня! – Она пустилась с горы, как серна; я вслед за ней. Луга, сады, виноградники мелькнули около нас. Быстро летела она, я за нею. До цели было уже недалеко, я отчаялся догнать ее, но...

*Благодаря сетям таланта
Она ко мне попала в плен.
И стал я новый Гиппомен,
Она – вторая Аталанта [374]...*

ССЛ

Досадно мне, очень досадно правило, что человек, по воле или поневоле, а должен оставлять места, людей, привычки, желание и пр. и пр. для новых мест, людей, привычек и желаний и т. д.! – Скажу ли я сам себе или

другие мне скажут: «ты не на своем месте!», и я должен идти далее. Замечу ли я сам себе или другие мне заметят: «ты здесь не любим», и я должен идти далее. Привыкну ли я к кому-нибудь или ко мне кто-нибудь привыкнет, – и я должен идти далее, чтоб привычка не обратилась в пагубную страсть. Желаю ли я себе счастья или другие желают мне счастья, – и я должен не идти, а бежать далее, ибо счастье есть быстрая Аталанта. Таким образом, и время идет и мы идем. Но я устал идти пешком; сажусь в фургон и еду. *Берка*, жидок, подгоняет кляч; медленно передвигают они восемь ног своих, скука одолевает меня, я засыпаю.

День XXXIV

CCLI

Сладко спалось мне. Сладко было пробуждение мое. Тишина окружала меня. Как потерявший память, я не знал, где я. Хотел рассмотреть, приподнимал ресницы, но они опали снова на глаза, и предметы скрывались от взоров. Сон преодолел усилие. Снова погрузился я в волны забвения. Мне казалось, что я на Олимпе, на пиру у Юпитера. Жажда томит меня, я умоляю Гебу [375]:

*Лей нектар мне, Ювента-Геба!
Дай нить!... горят мои уста!...
Как свет, как мысль о благах
неба,
Струя прозрачна и чиста!...
Как сладок... взгляд твой! Что ж
он томен?
Не буря ли волнует грудь?...
Постой, постой!... я буду скро-
мен...
Я буду пить!... но дай вздохнуть!*

CCLII

Глубоко вздохнул я и проснулся. Смотрю. Где я? – Лежу в фургоне лошади распряженные спокойно едят сено. Вправо лес; влево... шум уединенная корчма... Где же мой Берна? мошенник!

Иду в корчму – в корчме все пьяно!

И Берна пьян! Ну как тут быть?!

Он Мардохея от Амана [376]

Не мог, бездельник, отличить!

Подобный растах [377] не был в плане!

Вот я к жиду: Впряжешь ли кляч? –

Что ж жид в ответ? – «Ни, шабас, пане!» –

О, счастлив тот, кто не горяч!

Но если б и его заставить

В корчме с жидами шабаш [378] править???

Я посмотрел бы!!!

День XXXV

В. в. [379], при вверенном мне poste все обстоит благополучно, нового ничего нет.

(Прав. гар. службы)

ССLIII

Я полагаю, что всякий помнит, на чем оставился поход мой во II части, всякий знает причину остановки; и потому, после короткого или долгого времени, я возвращаюсь в стан мой при Козлуджи.

Тихо, не рассекая воздуха, приблизился я к палатке своей. Какой беспорядок во всем лагере! Мои телохранители, мои амазонки, в утренних полуодеждах разбрелись по садам, забыли обязанности и рвение к службе!

Что, если бы во время моего отсутствия из стана толпа гурок явилась в стан? – Достало ли во мне души и тела, чтоб отвечать за испуг, слезы, отчаяние, обмороки и за все возможные женские припадки, коим могли бы

подвергнуться мои долгополые рыцари?
– О!!! – заревел я, как нумидийский лев, и, сломив с головы стоявшего после меня огромного вола рог, затрубил в него тревогу и сбор.

«Женщины! – вскричал я к собравшемуся войску моему и после долгого молчания продолжал: – Ступайте! нет другого слова ни на каком языке, которое могло бы лучше выразить упрек мой.»

«Странно! – сказали несколько удалявшихся с сборного места девушек, – отчего он нам ничего не сказал!»

CCLIV

Приведя в должный порядок благочиние лагеря и разослав по всем частям войска диспозиции на будущий день, я подошел к шатру Царь-Девы. Близ самого входа...

*Я кашлянул и нос утер.
Потом лицо и руки вытер
И мыслил: если б в сей шатер
Дождем упал я, как Юпитер [380],
То...*

Тут остановился я, вынул карманное зер-

кальцо и не мог удержаться от смеха.

*Я так похож был на Лицо,
Шпигованное виноградом,
Когда, поднявшись на крыльцо,
Оно все занято докладом,
Когда на нем так видны: пот,
Табак, угри и тьма забот,*

так похож был на него, что устранился самого себя; но, несмотря на это, я двинулся всем своим корпусом вперед, – все забыто!

CCLV

Я не заметил, что сделалось с солнцем: по обыкновению село оно или не садясь, исчезло с неба. Скучная луна ныряла в облаках, как камбала, и, подобно холодному существу, равнодушно смотрела на всё и всех. Не удивительно: давно присмотрелась она на плутни, давно прислушалась к вздохам... пора наскучить!

Между тем, как луна плыла, а звезды строились на небе по данной им в день мироздания диспозиции, – небесного порядка ничто не нарушало, а земной... но на земле другое

дело: сегодня не то, что вчера, вчера не то' что третьего дня, и т. д. по бесконечности *Невтонова бинома* [381].

День XXXVI

CCLVI

Вот Шумла. Милые мои спутницы, привыкшие к победам, готовьтесь!

*Нетрудно вам завоевать
Эдем, не только царство турок;
Вы научились побеждать
В кругу кадрилей и мазурок;
Ваш нежный взор, ваш страстный
вздых
Ужасен, грозен и смертелен!
Ура!... победа!... с нами бог!...
Но кто изменит, тот расстрелян!
– Расстрелян? как! и в нас стрелять? –
По ратному раздалось полю.
– Нет, не дадим себя в неволю! –
И вот моя исчезла рать!
Как трудно войском управлять!*

CCLVII

Как Силла при Орхомене [382], я схватил шаль Терно [383] из рук знаменосной девы и вскричал: оставьте меня, оставьте! я и один проникну Шумлинские стены, взберусь на высокий минарет *Яны-Джамэ*, чтобы сломить с него двурогую луну! Если я упаду с высоты минарета, то скажите всем, всем умеющим не только читать, но и разбирать по складам русские книги, что я пал, без помощи...

Ъ. Как счастлив тот, кому не помогают падать!

Слова подействовали. Героини мои, как озаренные жизнью цветы, собрались снова в пышный букет, и я двинулся на подвиг.

CCLVIII

Едва только солнца... или нет... едва только Земля пришла в то положение, в котором, смотря с Буланлыкской высоты на восток, солнце стелет лучи свои, начиная от Арарата, по Черному морю, чрез Варну и потом вдоль Проводской долины, Шумлинская гора показалась мне старой турчанкой, сидящей, свер-

нув под себя ноги, на роскошном ковре болгарской природы. Представьте же теперь свернутые ноги за фасы [384] укрепления и за этими фасадами, в огромной расселине, город Шумлу [385]. Картина стоит причудливой кисти Жоаннота [386]

CCCLIX

Итак, 8 июля назначен был приступ к Шумле. Я проснулся под светло-голубым небом Болгарии вместе со всем русским войском и с Авророй, которая, раздвинув тоненькие облачка, завесившие ее ложе, окинула с востока любопытными взорами величественный русский лагерь. Вспомнив, что 8-е июля был первым днем моей жизни, я подумал, что он же, может быть, будет и последним, вздохнул и потом, позабыв, о чем я вспомнил и о чем подумал, сел на своего гнедого *Турчонка*, заставил его проплясать, согнуться кольцом, стать на дыбы, закрутить по дюжине раз вправо и влево на одном месте и – пустился на сборное место, к царской палатке.

CCLX

*Поэты двух великих наций,
Виргилий и слепой Гомер,
Богатый подали пример,
Писали тьму в стихах реляций;
Но для чего язык богов,
Где громок смысл без громких
слов.*

CCLXI

Пред началом еще предыдущей главы большая часть моих читательниц, предвидя уже жестокую битву и льющуюся кровь и предчувствуя тот страх, который может в них поселиться от сей ужасной картины и от грома нескольких сот орудий, тихо скрылись... Не выводя их из заблуждения уверениями, что опасность не так велика, как они воображают, и что турки трусы, я опускаю, как ночь, покров на реляцию действий.

Здесь должен я уведомить читателей, что, вопреки предчувствию, изъясненному мною в CCLIX главе, Провидение не лишило меня в этот день ни одного из признаков жизни.

Около полуночи, жив как нельзя более,

ехал я один-одинехонек, потому что вестовой мой казак, будь ему в укор сказано! отстал от меня: ехал я чрез поле битвы на правом фланге действий. Конь часто храпел, останавливался, отскакивал, перескакивал; может быть, его пугали те, которые залегли покоиться на сырой земле, среди поля чести. Отыскав на карте с Майну, Майку, или Макак, на правом фланге нашей новой позиции, и отведя туда баталион 8-й дивизии, я возвращался тихо и думал о том, как бы скорее отыскать *Главную квартиру*, денщика, вьюк, чайник и все принадлежности военного ночлега.

Все это я нашел. Усталость убаюкала меня, и я скоро перенесся... в следующую главу, – и что же?

ССLXII

Быстро летел я на почтовых. Колокольчик не успевал издавать звука, облако пыли крутилось около меня и скрывало от взоров моих *все предметы*, кроме солпца, которое, как будто в часы затмения, казалось без лучей, но жгло безбожно.

Я торопился; непостижимое чувство влекло меня; мысли и взоры мои были устремлены на даль, которая лежала передо мною. Мне казалось, что духовный я был уже там, и нетерпеливо ожидал приближения вещественного я.

Налево показались строения. – Какое это селение? – спросил я у извозчика.

– *Алеф!* [387] – отвечал он.

Здесь должна быть станция, думал я, ибо мы проскакали уже около 30 верст; и точно. Поровнявшись с небольшим домом, лошади остановились как вкопанные, колокольчик звякнул, я выскочил из повозки, вбежал на крыльцо, в сени, отворил двери направо и вошел в большую комнату.

Сухощавый бледный человек в утренней одежде, в шапке сидел подле стола, уложенного книгами и бумагами; подле него на полках, на стульях, на полу, на окошках также были разбросаны разной величины книги в деревянных, в кожаных и пергаментных переплетах.

– Господин смотритель, лошадей!... да скорее!... Как эта станция называется?

«Алеф», – произнес смотритель, не обращая на меня внимания.

– Послушай, дружок! Когда ты видишь перед собой на чьих-нибудь плечах мундир и эполеты, то ты должен снять свою шапку и приниматься за дело!

«Бэт!»

– Бэт? ах ты, старая дуга!

Я схватил смотрителя за грудь, шапка свалилась с головы его. «Гиммэль!» – вскричал он.

– А! теперь по-немецки! На, возьми подорожную, записывай!... и лошадей! живо! – Он взял подорожную и молча поворачивал ее во все стороны.

– Что ты думаешь?

Смотритель посмотрел на меня и стал шептать: «Алеф, бэт, гиммэль, далэт, хэ, вув!»

– Слушай, приятель! чтоб отвязаться от глупости твоей или плутней, вот тебе па чай, на водку, на хлеб, на что хочешь, только давай мне скорее лошадей!

Взглянув на меня, потом на несколько мелких серебряных монет, положенных мною пе-

ред ним на стол, смотритель оставил подорожную и стал пересматривать деньги по одиночке, приговаривая: *алеф... гиммэль... вув... хэс... куф...*

Кто одарен от природы прекрасным свойством, называемым *терпение*, тот мог бы наслаждаться этой картиной, но я не вытерпел. Сбросив со стола все деньги на пол, я схватил подорожную и всунул ее в руки смотрителя. – Читай! пиши! и вели запрягать лошадей!... или... я...

Взяв опять подорожную, он посмотрел на нее, подумал, встал с места, подошел к полке и стащил с нее огромный фолиант. Возвратясь на место, разогнул книгу, положил перед собою и подорожную, взглянул на нее и стал перебирать листы.

Огромная книга была какой-то словарь!

– Ты, кажется, выжил из себя! на каком языке переводишь ты мою подорожную!

«*Ламмэд, мэм, айн, заммэх, алль, пай, фай*», – произносил вместо ответа смотритель, усиливая голос свой; но я не дал кончить ему непонятной речи.

– Демон! жид! – вскричал я и, вырвав кни-

гу из рук его, бросил ее. Книга ударилась в полку, куча других книг посыпалась прямо на чудака. То же самое движение повалило стол. Вслед за столом повалился на землю и смотритель, повторяя: *алеф, бэт, гиммэль...*

С ужасом я выбежал из комнаты в сени, на двор, на улицу... Ни души нет.

По дороге раздавались редкие звуки колокольчика.

Пустая почтовая тройка ехала мимо, шаг за шагом. Ямщик спал в повозке. Я вскочил в нее; ямщик вздрогнул и проснулся.

– Послушай! – вскричал я, – вот тебе кошелек с деньгами!... Вези меня скорее до следующей станции!... Ни слова! мне некогда разговаривать с тобой!...

Схватив вожжи, ямщик вытянул лошадей кнутом, и они понеслись быстрее стрелы.

– Слава богу! – думал я, – по крайней мере избавился от проклятого *Алефа*! – и лег в сено, которое лежало в повозке. Я уже стал засыпать, как вдруг почувствовал ужасные толчки.

– Ты не разбираешь дороги! – вскричал я и выглянул из повозки. Мы ехали по вспахан-

ной земле.

– Борода! куда своротил ты!... где дорога?

«Алеф!» – раздалось в ушах моих.

– Опять Алеф!... Ступай на дорогу!

«Бэт!» – продолжал ямщик.

– На Дорогу, мошенник!

«Гиммэль, далэт, хэ, ву в, зайн, хэв, тэт!...»

– Что делается со мною!... где я!... в какой земле?., откуда взялись эти проклятые Алефы! – вскричал я, взбешенный. Схватил левой рукой ямщика за ворот, хотел ударить... глядь – правой руки нет!

– Уф!... – возопил я.

«Туф?» – произнес ямщик вопросительным голосом и вдруг остановил лошадей.

– Нечистая сила! дьявол! алеф! ступай на дорогу!

«Алеф?» – сказал ямщик, взглянув на меня, и вдруг ударил лошадей, пустился по полю во весь опор.

Я потерял и силы, и голос.

Мы неслись с горы и на гору, по камням и по грязи; то пыль взвивалась вокруг нас столбом, то обдавало нас грязью и водой. Колокольчик умолк; только отрывистые восклицания

цания ямщика: *пай, фай, айн, алль, каф, рэш, шин!*... раздавались в ушах моих. Взобравшись на ужасную гору, я со страхом взглянул на крутизну, с которой нам должно было спускаться.

В долине светилась широкая река; за рекой, против нас, было огромное здание, обнесенное садами и светлыми райскими окрестностями.

– Что это за строение? – спросил я. «*Замэх!*»

– Какой замок?

«*Айн, пай, фай, цадук...*»

Я не успел еще кончить нескольких сердитых слов, лошади ринулись с горы...

Как оторванная от гор скала, рухнули мы в реку. Невозможно определить того чувства, которое наполняет душу во время неожиданного падения. Это чувство не есть страх, потому что страх есть чувство неприятное; оно более похоже на замирание сердца и чувств, когда щекотит нас леший; оно ближе к наслаждению, и человек любил бы его, если бы смерть или лишение какого-нибудь из драгоценных членов тела не было последствием падения. Это чувство есть мгновенное

отсутствие мыслей, и потому я не помню, каким образом погрузился я в воду, не помню, как лошади вынесли меня на другой берег и как ямщик свалился с повозки, исчез под волнами, а я стоя правил лошадьми.

Как Асфалей, Дагон или Нептун [388] выплывает на поприще моря в раковине, запряженной дельфинами, так точно и я показался на противной стороне реки.

Вскочив на берег, кони встряхнулись и пустились в гору, как будто трезубец Нептуна вонзился в них, а лихой ямщик гаркнул, опустил вожжи и дал всю свободу порыву их. — Я еще не успел подобрать вожжей, кони внесли уже меня на гору, пролетели аллею и как вкопанные остановились подле огромных палат, пред которыми на террасе стояло большое общество. Внимание всех было обращено на меня.

Спроси меня кто хочет, на кого был я похож в это чудное мгновение, я невольно засмеюсь ему в глаза и спрошу его: на что похож несбыточный сон?

Появление мое произвело необыкновенное волнение во всех. Как окаменелый, стоял

я в повозке и держал еще вожжи. Вдруг общий крик радости, страха, сожаления и удивления раздался на террасе. Все мужчины и женщины, в летах и молодые, бросились ко мне. Мне казалось, что толпы народа вылились из маскарадной залы и обступили меня с криком: *Алеф!*

Волосы мои стали дыбом, холодный пот прокатился по лицу.

С какой-то неистовой радостью несколько мужчин, в разнохарактерных богатейших одеждах всех веков и всех частей света, схватили меня под руки и повели к дому. Все прочие мужчины и женщины толпились вслед за мною как за чудом, от которого зависит и жизнь, и счастье их. Я потерял остальную память и не мог дать себе отчета, каким образом исчезла с меня мокрая одежда моя, мой военный сертук с перехватом и когда успели облечь меня в какую-то роскошную, покойную, ласковую одежду, кажется, похожую на восточную, потому что я не имел времени, не мог обратить на самого себя внимания.

Я несколько очувствовался, когда уже ввели меня в великолепную, торжественную за-

лу, где все присутствующие обоих полов, похожие на представителей всех земных народов, стояли в каком-то ожидании.

В конце залы, на возвышении, сидела дева; перед нею стоял жертвенник, на котором горел пламень. Я взглянул на нее и опустил невольно глаза свои; она показалась мне божеством, пред которого ведут меня на суд. Помню, что взоры ее были склонены в землю.

Когда приблизился я к ней, она как будто опаматовалась, вскрикнула и встала с места.

Этот очаровательный звук не был похож ни на восторженное *ah!* французское, ни на сухое *a!y!* или ю греческое, или ни на гордое *i ah!* латинское, ни на чувствительное *ach!* немецкое, ни на резкое *ah!* итальянское, ни на глупое *йох* еврейское; нет, это было нежное русское *ах!* посреди глубочайшего молчания. Оно проникло в глубину моего сердца.

Не смея поднять своих взоров, я, однако же, заметил, что прекрасное, величественное юное создание показало мне рукою, чтоб я сел подле него. Я не смел противиться.

Все присутствующие также сели.

Я ожидал, что будет далее.

Все молчали, взоры всех были обращены на меня.

С каким-то ожиданием девушка сидела, потупив взоры, и также молчала.

Что должен был делать я в таком положении?., молчать?., я молчал – и все молчали.

Нетерпение подействовало на меня, – Что ж, – сказал я сам себе, – если от меня зависит вывести и себя и других из глупейшего положения, то я первый прерву молчание!

– Я не знаю, какое божество обратило на меня благосклонные взоры свои и доставило мне счастье быть здесь? – произнес я тихо, обращаясь к молчаливой, прелестной деве.

Она взглянула на меня нежно, и слово *Алеф!* вырвалось со вздохом из уст ее.

«*Алеф! Алеф!...*» – раздалось по всей зале, шепотом.

Холод ужаса пробежал по мне.

– Не понимаю таинственных слов, – продолжал я, – здесь все таинственно для меня; объясните мне или позвольте удалиться от этих очарований!

«*Бэт!*» – произнесла тихо девушка.

«*Бэт! Бэт! Бэт!*» – повторилось тихо тыся-

чами голосов.

Я вскочил.

«Этого я не в состоянии вынести», – вскричал я.

«Гиммэль!» – вскричала девушка и бросилась в мои объятия.

Я онемел.

«Гиммэль! Гиммэль! Гиммэль!» – раздалось громко по всей зале.

Вдруг явился старец в белой одежде; из-под двурогой шапки древних жрецов снежные волосы покоились по плечам. Он подошел ко мне, взял мою руку, вложил в нее руку девы и начал произносить медленно: *алеф, бэт, гиммэль, далэт, гэ, вув, зайн, хэт, тэт, йот, каф, ламэд, мэ, нун, за-мэх, айн, пэ, цадэ, куф, рэш, шин, таф!*

Все присутствующие повторяли эти слова.

Ужас обнял меня, в глазах темнело, день исчез, все покрылось тьмою. Рука девы холодела в руке моей.

«Ваше благородие!... Ваше благородие!»... – раздалось в отдалении.

– Уф! – вскричал я и проснулся.

Передо мной стояли вестовой и денщик;

сквозь палатку светило вечернее солнце; левая рука моя с судорожным движением держала саблю.

– Боже мой! это все было во сне! – произнес я и вскочил с радостью, что отделался от *Алефа, Бэта, Гиммэля* и от всех букв еврейской азбуки.

День XXXVII

*Zetzt gehen wir weiter.
(Ueberzeugender Beweis der
Unsterblichkeit.)
Ist Haupt. II Abs. [389]
Israel Gottlieb Ganzen.*

CCLXIII

Должно знать всем вообще и каждому по-
дробно, кто не видел собственными глазами крепости Шумлы и знает ее только по сделанному мною выше сего описанию, что Шумла не есть простая, обыкновенная турецкая крепость, по укрепленная позиция, имеющая более сорока верст в окружности, а пото-

му не Кегорн, не Вобан, не Кормонтань, не Бумар [390] и пр. и пр., не хитрости и не подземная война помогут взять ее, а просто слова: ну, ребята! – с нами бог! – ура!

Но на приступ к этой старой бабе трудно решиться, не предложив пожертвовать хоть одним десятком тысяч закаленных в военном огне душ. Этот расчет должен был подтвердить необходимость покорить прежде Варну как надежную опору левого фланга действующих войск и покровительницу подвоза провианта морем.

Таким образом, значительная часть армии, подкрепляемая гвардейским корпусом, и обратилась с громами своими к древнему *Одессу [391]*.

CCLXIV

Варна, как печальная Геро, в саду, под скалами, на берегу морском сидит и смотрит на волны, ожидая Леандра [392].

Несчастный Владислав IV [393], король польский, желая избавить красавицу от ига мусульманского, нарушил торжественный

мир, едва только заключенный на Алкоране и Евангелии с Амуратом, и простер к ней свои объятия. Но зверский янычар налетел на него, снес голову, венчанную не царство Польское, царство Венгерское и княжество Литовское, воткнул на *джирид* [394] и понес по толпам войска Амуратова. Уста, едва только поцеловавшие Евангелие в знак вечного мира с турками, долго что-то лепетали; но турки не поняли последних слов Владислава.

CCLXV

В 1828 году дела под Варной начались и шли иначе, нежели в прошлых веках.

В половине июля месяца Шумла была уже под караулом. 16 и 17 числа заняты высоты при д. Страже; на них оперлась правая рука войск осаждающих. Нужно было занять чем-нибудь Гуссейн-пашу с 30 т. войска шумлинского, чтоб отвлечь внимание от Варны; и потому началась по всему фронту нашему постройка редутов. Главная необходимость их состояла в том, чтобы незначительными силами удерживать фронт позиции, а осталь-

ными действовать на фланги и тыл крепости, ходить дозором к Джумаю, к Эски-Стамбулу, к Рарграду и т. д.

21-го июля государь император, сделав распоряжения, необходимые для споспешествования к взятию Варны, оставил нас на высотах пред Шумлою и, заповедав быть умными, храбрыми и осторожными, как сие надлежит солдату, стоящему на часах, – отправился к Варне, где слава готовила уже новые лавры для царя России.

CCLXVI

Представьте себе, милые спутники мои, крепость Варну в том самом виде, в каком верная кисть живописца, циркуль и перо *военного топографа* могут вам ее представить на бумаге. Потом вообразите себе, что стены крепости унижены 250 орудиями и 15-ю тысячами вооруженных с головы до ног турок; что каждый из них, в надежде на *Аллаха* и его пророка, пьет свой кофий, курит трубку и выпускает каждый день по несколько тучных зарядов за крепостную стену.

В то же самое время, добрые мои читатели, представьте себе, как русские полевые полки сжали своею грудью крепость; как русская гвардия цвет мужества, силы, здоровья и красоты русского народа, расположена на высотах, в шатрах с золотыми маковками; как эскадра Черноморского флота, подобно огромному стаду гордых пеликанов, окружает и стесняет у берега турецкую Варнскую флотилию, как уstraшенную рыбу... Но чтоб увенчать великое событие в летописях русской славы, русские! вы знаете своего царя, представьте же себе его, изрекающего волю свою с адмиральского корабля «Парижа» и повелевающего разгромить непокорных.

Осадная артиллерия, с вновь созданных укреплений под стенами Варны и со всех кораблей флота, сыплет 70 тыс. ядер, бомб, гранат и ракет в осажденную крепость; разгромяет ограды и дома и вынуждает капитан-пашу просить о пощаде. Пощада дана. Варна арестована [395], и победа в летописях мира начертала: «Русский царь Николай покори́л Варну».

Если б воображение мое в состоянии было оставаться долго на одном месте, то подробностью описаний я наполнил бы сотни томов и книга *Странник* была бы величиною с монгольскую книгу *Ганжур* [396]. Но это несообразно с целью того, кто останавливается только там, где остановит его великое событие, любопытство, разделение пути, голова Януса [397] с двумя или четырьмя лицами или нерешенный вопрос, напр.: почему храм Януса был открыт только во время войны? Потому, отвечает он, что во время мира не о чем просить бога войны.

Но этот ответ покажется неудовлетворительным, ибо редкий ученый довольствуется чистым соображением, без комментариев, цитат и фактов

День XXXVIII

*Le métier qu'on croit particulier aux
comédiens et aux bateleurs, c'est le métier
de tous les hommes. [398]*
Hippocrate '

CCLXVIII

*Gli uomini si rendono miseri col desirare il
superfluo. [399]*
(Minerva sotto la figura Mentore)

...И т. далее.

CCLXIX

...? [400]

*Понятно, ясно! колъми паче
Тому, кто в женской школе рос
взрос;
Иной таинственный вопрос
Нельзя и выразить иначе.*

СС LXX

Объяснив таким образом причину, по которой удалился я на время из круга военных действий, по обыкновению скакал я на почтовых. Мой суруджи, исхлопав длинный бич, дул коня, на котором сидел верхом, оставшиеся в руках палкою и в хвост и в голову. По крайней мере часом был бы я ранее на станции, если бы не разлетелось колесо в бричке моей и если б следующий разговор был менее занимателен.

Покуда чинили колесо, я прогуливался по местечку. Любопытство остановило меня против ворот госпиталя. Я заглянул в них. Два солдата несли в корзине стклянки с лекарствами; остановились подле госпитального крыльца отдыхать и стали беседовать:

*Постой, брат! мочи нет! схвати-
ло за живот!*

*А лекаря просить не стану о ле-
карстве!*

*Нет! кто ему в рецепт уж попа-
дет,*

*Того пиши в небесном царстве!
Горазд морить!... Уланского пол-
ку*

Солдатик, видишь ты, был болей
просто сыпью...
Что ж!... ох, брат, вот резня!...
ей-богу не могу!...
Постой-ка, я какой-нибудь мек-
штурки выпью.

(Пересматривает стеклянки на свет и по-
том пьет.)

Как пиво!... ну уж дрянь! насилу
проглотил!
Варить декох сам дьявол, верно,
учит:
Как лазаретную плепорцию хва-
тил,
Так так, как дохлую скотину, и
распучит!

{Подходит больной солдат.}

– Что, брат Хадей?
– Что... лихоманка, брат!... чуть
показалась зорька,
Как учала трепать! свалила с ног,
ей-ей!
Дай, брат, лекарствеца, да покис-
лей!
– Изволь, и кисло, брат, и солоно,
и горько!

На вкус аптекарь не варит.
А ты, брат, что? аль бок-то все
болит?
– Какой-те бок! уж согрешил пред
небом!
Ни пить, ни есть, ни спать – со-
всем было пропал!
Спасибо фельперу, какой-то пла-
штырь дал,
Вот и поел его сегодня трохи с
хлебом,
И лучше!...
– Что ты?
Вот те бог!
Пойдем, брат...

(Поднимают корзину.)

Дежурный
– Что это?
– Мекштура и декох.

(Уходят.)

CCLXXI

Я хотел подтвердить справедливость всего
вышеописанного всевозможною клятвою, ка-
кую только читатель в состоянии бы был при-

думать на сей случай, но мои кони мчатся уже быстрее вихря; предметы вправо и влево также торопятся куда-то. За пространной равниной видно только утреннее небо. Кажется, еще версты две, и – бух долой с земного шара! Какой чудный скачок!

CCLXXII

Но...

*Рассудок мудрецу поможет
Добро и зло определить:
То хорошо, что может быть,
И худо то, что быть не может.*

CCLXXIII

Здесь должен я признаться всему потомству, что нет ничего грустнее стоянки под крепостью, особенно, друзья мои, в пустынной Булгарии. «Отчего, – спросит медицинский факультет, – отчего задунайский воздух был так ядовит для нас? Какого жизненного элемента недоставало в нем?» – Никто не решит вопроса.

В нем недоставало женского дыхания.

Напрасно военная музыка хотела развеселить душу, играя то русскую песню, то арии из *La dame blanche* [401], из *Freischütz* [402], то мазурку, то *cadrille française* [403]. Все это увеличивало тоску, потому что напоминало многое.

CCLXXIV

Все действия устремлены были на Варну и на посланного к ней в защитники миллион-пашу. Большая половина войск, облежавших Шумлу, скрытно двинулась на левый фланг черты действия, к р. Камчику, чтоб не допустить 30 т. вспомогательных войск, приближавшихся к Варне.

В дополнение, болезни так наполняли госпитали, что ни мудрая распорядительность, ни всевозможные средства к предохранению войск от них не в силах были остановить поток лазаретных карет, дрог и фур, который истекал из-под шумлинского лагеря. Палатки опустели. Гуссейн-паша хотел пересчитать нас двумя решительными ночными вылазками.

ми, но в оба раза встретил русскую единицу, которая, подобно палице богатыря, укладывала турецкие толпы во чистом поле на вечный сон.

Напрасно Гуссейн с крепостных стен стегал по своим низам-гедитам [404] картечью, напрасно проклинал их и грозил смертью, они бежали искать спасения от русской палицы в объятиях шумлинских оград.

ССLXXV

*С неизъяснимою досадою
В палатке я своей сидел;
Все было занято осадой,
И я был занят кучей дел.
Передо мной, как ряд курганов,
Стопы бумаг, маршрутов тьма;
Вот век! – в нем жить нельзя без
планов,
Без чертежей и без письма!
Вот век! – старик скупой, угрю-
мый,
Окованный какой-то думой!
Как не припомнить давних дней,
Когда возил в походах Дарий
Постели вместо канцелярий,*

*А женщин вместо писарей.
То было время! не по плану,
А просто так искать побед;
При войске был всегда поэт,
Подобный барду Оссиану [405];
На поле славы дуб горел,
А он героев пел да пел!*

CCLXXVI

Но вот привели для допроса пленного.

*Он был собой прекрасен, молод,
Как дева самых пылких лет;
Он по-турецки был одет
И пикою в плечо проколот.
По-русски он немножко знал,
Но очень ясно рассказал,
Как в Шумле он жила в доволь-
стве,
Как певчим был в Чифте-Хамам
[406],
Как был в России при посольстве,
Хороша дивка видел там;
Как он от дивка очень плакал,
Как возвратился в Стамбулу
И как его эмир-оглу
Чуть-чуть не посадил там на
кол.*

CCLXXVII

Альмэ была причиною этой беды, и вот как рассказывал Эмин [407].

*Она хорошая была,
Была такая молодая,
А! ля-иль-лях-аллах-алла!
[408] Другой получше уж не знай я!
Паша любился на она,
А что такой!... какой мне дела!
Есть многа у паша жена
В харэм [409], хорошая и бела,
А мой Альмэ ему не пар,
Как мой пистоли с твой пистоли,
Цалуй попрежде мой ханджар
[410],
И видим, сила чей поболе!...*

Тут молодой турок стал бранить на своем языке пашу; я не понимал. А между тем день кончился.

CCLXXVIII

*И расточает каждый год
Богатства жизни понемногу;
Все больше, больше наш расход,
Все ближе, ближе мы к итогу!*

День XXXIX

Celui qui n'a pas un grain de chimère dans la tête, pour se consoler de la réalité, je le plains. [411]

Dolomieu

CCLXXIX

Настал новый день, но я, все еще грустный, как будущность безнадежного человека, не знал, в какую часть света удалиться от тоски, и – бросился в пустыню, лежащую между Сенегамбией, Нигрицией [412] и Северной Америкой.

Не боясь ни хищных арабов, ни хищных зверей, ни хищных птиц, ни бурных вихрей, вздымающих валы песчаного моря, я сел на высокую насыпь в самом центре Заарыб3 и стал смотреть на медное небо.

Тут видел я все богатство солнца и неуместную щедрость его.

Сыплет лучи без меры, не позволяет про- нестись над пустыней ни облаку, утоляюще-

му жажду земли, ни ветру, разносящему прохладу. Одно хочет быть добрым и щедрым.

Кто же скажет, что излишество благодеяния не есть истинное зло?

Смотрите, может ли эта пустыня быть благодарного солнцу за то, что оно щедростью своею обращает ее в ад?

Прощай же, бедная Заара, земля бесплодная и пустынная! ты ли виновна в излишестве и в недостатках своих, которые на пространстве 5 895 760 квадратных верст не дают приют бедному человечеству: ему так тесно на земле!

ССLXXX

Когда я еще был ребенком и, сердитый, с досады, отказывался от пищи, тогда няня тщетно уговаривала меня. Что ж сделал бы я теперь, рассерженный на медное небо Заары и в таком же расположении духа, как Ксеркс во время наказания Геллеспонта и вызова горы Атоса на бой [413], На слова:

*Милый друг, послушай,
Хоть немножко скушай!*

я отвечал бы:

*Не хочу я хлеба!
Дайте мне неба,
Южного неба!*

CCLXXXI

Так отвечал бы я няне и всем, кто вздумал бы мне давать пустопорожнюю землю, например, посреди Гоби.

Как житель Гоби, человек может не знать наслаждений жизни, может даже не понимать, что на земле существует благополучие. Виноват ли он, что родился посреди пустынной степи? Нет лесов, нет воды, утоляющей жажду. Летом тщетные молитвы о дожде, зима грозит истреблением стад Вода соленая, как море, ядовитая трава сули – вот украшения природы, в которой суждено обитать иногда существу, одаренному разумом.

Но это ничего. Человек, который похож на жителя Гоби, должен думать и чувствовать, как житель Гоби: «Некогда утолю я жажду из чудесного, священного ключа *Арашана*, сладостно журчащего посреди рая, предназна-

ченного праведным монголам; некогда буду я
нетленен, как золото, и буду сиять, как драгоценный камень; некогда перегоню я на своем! тарпане [414] три тысячи скакунов и получу от Кутухтвы в награду: ружье, панцирь, 15 быков и коров, 15 лошадей, 100 баранов, одного верблюда, 1000 кирпичей чаю, 20 кусков атласу и несколько шкур лисиц и выдр!»
[415]

Воображая иметь такое несчетное богатство, житель Гоби украша им всю свою будущность, строит мысленно Жэхэ [416] и счастлив.

День XL

*Celui qui est assis, travaille pour se lever;
celui qui est dans le mouvement, travaille
pour être en repos. [417]*

Hippocrate

CCLXXXII

Du, lieber Berg! [418]

(Gesangbuch für Kinder, von Stoh)

Возвратясь из степей африканских, чрез пустыню Гоби, в лагерь, я был встречен объятиями доброго моего товарища.

– Что ты так пасмурен? – спросил я его.

«Проклятый жид опять насолил мне!»

Понимаю!

Свой своему, к твоей беде,
Невольню друг, что же на поверку:

*Разумный рок тебя преследовал
езде,*

*А счастье глупое преследовало,
Берку!*

ССLXXXIII

Мы вошли в палатку.

ССLXXXIV

(В палатке.)

А сердце бедное...

Сбитенщик (за палаткой)

Кипит!

Денщик

*Монета мелкая, как женщина
злодейка,*

*Недолго и в руках надежных на-
живет,*

*Ну, встань ребром, моя последняя
копейка,*

*Которую берег на денежный раз-
вод!*

Горячий! ходь сюды!

Сбитенщик

Вот кипяток!

Денщик

*Налей-ка!
Почем?*

Сбитенщик

*Есть в разную цену;
А сбитенек, что – чай твой, чрез-
вычаен!*

Денщик (поет)

*Не черт ли сам тебя занес, брат,
на войну?*

Сбитенщик

*Какой-те черт, не черт, Савельич,
мой хозяин.*

Денщик

Что, борода, видал секим-башку?

Сбитенщик

*А как же, вишь: с Каменским [419]
мы ходили
В Силистру, под Рущук, да был в
Базарчику,
Потом под Ботиным в большом
сраженье были.*

Денщик

Эгэ-гэ-гэ! так ты, брат, послужил!

Сбитенщик

*Пять лет все при одном полку
был маркитантом [420],
Да при дивизии год целый; с ней ходил
Под Шумлу, крепость за Балкан-
том!*

ССLXXXV

Уже было около полуночи. Мне должно было отправиться на левый фланг. Казак, Ермак безымянный, подвел мне коня, подал нагайку, я вскочил на седло и помчался широкою тропинкой около лагеря. Кто-то ехал передо мной рысцой и бормотал что-то про себя. Я тихо следовал за ним. Любопытство прислушивалось к словам его. Это были жалобы самому себе, военная зависть:

*У нас орудий вечный говор,
Свист ядер, пуль и треск гранат,
И наши головы трещат.*

*А здесь на полной кухне повар
Готовит барину бивстек [421]!...
Как славно пахнет теплым супом!...
А как бурчит в желудке глупом!...
Как нежен здесь военный человек!...
Под кровом парусных палаток
Приятные летают сны...
На всем здесь виден отпечаток
Довольствия и тишины,
И в неге тонет петербургство!...
Но между тем, как говорят,
Где два фонарика горят,
Найду я главное дежурство!*

Отрядный офицер свернул влево, а я вправо; таким образом мы, никогда не встречаясь друг с другом, расстались. Мог ли он догадаться, что я преступным ухом подслушал те слова, которые он говорил сам себе, и выдал их в свет, приделав к ним бахрому из рифм?

CCLXXXVI

Темнота ночная застлала дорогу. Призадумавшись, я ехал полем; вдруг раздался в ушах

моих вопрос, на который всякий (хотя бы он был голодная собака) обязан отвечать: солдат!

Этот вопрос, сделанный мне ночью часовым на передовой цепи, я считаю за самый счастливейший и умнейший из всех тех, на которые я должен был отвечать. Без него, под покровом ночи, в предположении, что и плотный некрасовец [422], с густою бородой, в русском перепоясанном кафтане, в высокой мерлушковой, цилиндрической, перегнутой на бок шапке, стоя на турецкой передовой цепи, также не заметил бы меня, и я, блуждая между передовыми неприятельскими укреплениями, верно, ударился бы лбом обо что-нибудь, принадлежащее султану Махмуду.

Какое неприятное чувство наполнило бы душу мою, если б уроженцы Булгарии, Румилии, Албании, Боснии, Македонии, Анатолии, Армении, Курдистана, Ирак-Араби, Диарбекира [423] и всех мест и всех островов, принадлежащих блистательной Порте [424], окружили меня, воскликнули: *ля-иль-лях-алла! Гяур!* [425] и повлекли бы в ставку Гуссейна.

Сидя на просторной бархатной подушке, сераскир [426] спросил бы меня, каким обра-

зом попал я в турецкий лагерь.

– Заблудился, – отвечал бы я.

«Не заблуждения, а путь правый ведет под кров Аллаха и его пророка», – сказал бы Гуссейн и велел бы меня отправить в Константинополь.

CCLXXXVII

*Снабдив по доброте души
Каким-нибудь негодным мулом,
Какой-нибудь Ахмет-баши
Меня бы вез под караулом.
И долго он меня бы вез
Через Карнабат, или Айдос,
Через Кирккилиссу, до Стамбула.
Прощай бы молодость моя!
И сколько раз вздохнул бы я,
И сколько раз бы ты вздохнула
И сколько слез бы пролила,
Но мне ничем не помогла!...*

CCLXXXVIII

К счастью, этого не случилось; вздохи и слезы остались целы. А между тем время было отправляться на зимние квартиры. И я,

вслед за историческими лицами 1828 года, скакал на почтовых от Варны чрез Мангалию... Тс! За пересыпью, между небольшим озером и морем, показался на отлогом скате к морю небольшой, пустынный азиатский городок; кроме одной или двух мечетей, из-за домов белела башенка с крестом; это была церковь.

Так вот то место, где жил изгнанный из Рима Овидий, по неизвестной потомству причине! Вот тот город Томи, где лежал надгробный камень с подписью:

*Hic ego qui jaces tenerorum lusor
amorum,
Ingénus peru Naso poeto meo.
At tibi qui transis, ne sit grave,
quisqius amasti,
Dicere Nasonis, molliter ossa cubent
[427]*

CCLXXXIX

Люди по большей части развязывают узлы не умнее Александра Великого [428]. И потому кто же упрекнет меня за перевод древней латинской рукописи, объясняющей тайну,

важную для ученого света.

ССХС

*(Октавий Август [429] и Овидий Назон в
теплище Пантеона)*

Август

Ложись, Назон!... распарив кости, приятно
лечь и отдохнуть!

Мне кажется... что вместе с грешным те-
лом омылись также ум и чувства и с грязью
стерлись все заботы.

Читай мне новое твое произведенье; готов
внимать.

Я в бане свой... вполне свободен... как
мысль крылатая певца!

Здесь, отдохнув от тяжести державы, я чув-
ствую себя...

Все говорит во мне: ты сам в душе поэт!...

О, если б не судьба мне быть владыкой Ри-
ма и прославлять отечество свое, я посвятил
бы жизнь одним восторгам чистым, как огонь
богов, хранимый Вестой!

Любить и петь любовь... вот два предназначенья, святой удел людей и жизни цель!...

О, я бы был поэтом дивным!... мой век Октавия бы знал!

Между творцом великим *Илиады*... и богом песней есть довольно места!...

Наш беден век достойными названия поэтов!...

(вздыхает)

Ну что *Виргилий* [430] наш?... *Тибулл*78?... или *Горацій*? – Певцы ничтожные, временщики у славы.

Будь сам судьей, *Назон*!

Овидий

Им судьи время и потомство.

Август

Нет, говори свободно!... Ты цену им давать имеешь право... *Назон* живет для славы римских муз.

Овидий

Таких нахлебников у славы очень много!

Август

Виргилиевы сказки про Енея [431] я слушал, слушал и заснул.

Язык нечист, болотист и тяжел, как воздух понтипейский...

Эклога и конец шестой лишь песни – так – изрядны, сносны... [432]

Ему бы не простил я глупости народной и восторгов, когда читал на *сцене* он отрывок; но... кесарская честь... так шла к Виргилию, как тога к обезьяне.

Я посадил его с Горацием за стол свой...

Живые статуи!... ничем не сдвинешь с места; но одаренные завидным мне желудком!...

(смеется)

Один вздыхал, другой точил все слезы [433]... Я смеялся... мне для сваренья пицци смех полезен...

Трибун Гораций, кажется, знаком тебе, Назон?., и, верно, знаешь ты, что он бежал с сраженья?., а трус поэтом быть не может.

Его все оды так несносны!... надутее Эзоповой лягушки [434], и, кажется, их слава скоро лопнет!...

Овидий

Да... так... но, кажется, что прежде этой славы от зависти к поэту лопнет зависть!...

Август

Из дружбы ты к Горацию пристрастен.
Но слушай, как его Октавий проучил:
Ему и в мысль не приходило, что кесарь
может быть поэтом.

Вот я шутя ему однажды предложил учить
меня науке стихотворства.

Что ж? вдруг является Гораций мой ко мне
с огромным свитком.

Вот, говорит, *Наука Стихотворства* [435],
когда начнем урок?

Урок?... садись!... и слушал я с терпением и
смехом,

Как с важностью глубокой на челе он толковал
цезуру и *гекзаметр* и *альцеический*

[436] глупейший свой размер.

Я обещал ему твердить все наизусть; а между тем просил на завтра же задать предмет для описанья в стихах ямбических; и хитро речь склонил к Сицилии роскошной.

Он не заметил сети, и сам мне предложил Сицилию воспеть.

Вот, на другой же день являюсь с торжеством я пред наставника как ученик успешный.

Читаю третью песнь моей *Сицилиады* [437] ... Ты знаешь сам, Назон, как хороша она!

Что ж, думаешь, Горацій мой плаксивый? Не понял красоты! и вздумал мне мои высчитывать ошибки!...

А, друг! ты хлопаешь ушами,

Так отправляйся же с своей наукою в деревню! Учись сперва, потом учи других!

Овидий

Ты дал урок не одному ему.

Август

Ну, а Табулл?... певец любовных дел Сюльпиции с Церинтом, как нравится тебе?... а мне так жаль его!...

Недаром он свои элегии заслюнил: мне кажется, ему Церинт из дружбы позволил сесть в ногах и списывать с натуры восторги страстные свои!...

(смеется)

Постой... прекрасно!... эпиграмма!...

Увы, судьба над ним жестоко тяготеет:

Другие пьют, а он пьянеет!

Я, как Метида [438] вдруг рожаю головой вооруженную Минерву – Эпиграмму!

Ну, начинай, Назон!

ОВИДИЙ

(развертывает свиток)

АВГУСТ

Что, не *Искусство ли любить* [439]?

Овидий

О, нет, *Искусство ненавидеть*, трагедия.

Август

Трагедия!... прекрасно! мы с тобой как будто сговорились!... и я трагедию недавно закончил и, отдохнув, тебе намерен прочитать.

Название как?

Овидий

Медея [440].

Август

Как?... *Медея*?... Назон, ты, верно, знал, что я пишу *Медею*... и подшутить желаешь надо мной!

Овидий

Невыгодно шутить мне над тобой!... Кто ж

виноват, что Мельпомена [441] ввнушила кесарю и мне одну и ту же мысль!

Август

Так ты не знал, что я пишу *Медею*?

Овидий

Я только знал одно, что Август – император и долг его писать законы Риму!

Август

Не хочешь ли и ты давать законы мне?... Но полно, в стороне оставим сердце, рассудок нас с тобою примирит...

Но если ты без всякой цели свою *Медею* написал, то ты легко мне это и докажешь.

(хлопает в ладони; являются слуги)

Курильницу, и с жертвенным пылающим огнем!

Дай свиток свой!

Овидий

Зачем?

(вносят курильницу)

Август

На жертву дружбе. Я состязаться с Еврипидом... [442] один хочу!

Овидий

Когда бы у тебя родился сын... ужели всех чужих младенцев ты повелел предать бы смерти... чтоб не встречать нигде подобных сыну?...

Август

Зло, колко!... но прощу, когда исполнишь просьбу.

Овидий

Я, как отец, люблю своих детей!... на жерт-

ву и богам я их не принесу!

Август

(вырывает у Овидия свиток и бросает в огонь) Смотри же на свою пылающую славу!

Овидий

(схватывает свиток Августа и бросает в огонь)

Смотри же и ты на казнь своей Медеи и на дымок, оставшийся от кесарских трудов!

Август

Стража, стража!

(стража входит) (показывая на Назона)

На скифскую границу, в заточенье!

Овидий

(увлекаемый стражею)

Медея!... ты виновна!... и я наказан небом

за то, что освятить твою желал я память и
оправдать тебя хотел перед потомством!

День ХLI

ССХСI

(Вечер.)

(Общество сидит вокруг стола; читают новое произведение Поэта.)

Une demoiselle [443]

(восхищенная до седьмого неба прекрасными стихами)

*«Как он хорош, как он умен!
Как мил!... и я того не знала!...
Ах, если б здесь явился он,
Его бы я расцеловала!»*

*И вот является Поэт
Нежданно, робко, осторожно.
Ей шепчут: вот он!
«Что вы!... нет!»
– Клянусь вам честью! – «Невоз-*

можно!...

Я не поверю никогда!»

*И кто поверит, в самом деле,
Что истинный талант всегда
Судьбина держит в черном теле!*

Я

(про себя)

*О память, душу не волнуй!
Ужели в жизни все непрочно!
Увы, не отдан поцелуй,
И мне обещанный заочно!*

ССХСII

Поэта посадили также в круговую. Он был робкого свойства.

Я с сожалением смотрел на его страдальческое положение между двумя дамами, которые по-своему экзаменовали ум и чувства его и заметно удивлялись простоте его ответов. А он – учтивец! – стягивался в математическую линию, чтоб не задеть плечами, локтем или рукою за которую-нибудь из своих соседок; но – увы! – стали рассматривать *портрет* глаза одной из дам; ему также предложили взглянуть; он протянул руку и – провел лок-

тем по лицу хорошенькой соседки справа.

«Сочините экспромт на этот портрет глаза», – сказала ему соседка слева.

Бедный поэт не знал, отвечать ли ему прежде на предложение или извиняться в своей неосторожности.

Только с двух сторон он был виноват, со всех сторон заметили его неловкость.

Он краснел; казалось, что весь поэтический угар выступил ему в лице. «Пишите же экспромт!» – повторила соседка слева и придвинула к нему бумагу и чернила.

– Что прикажете писать? я не знаю?...

«Найдите, например, ошибку в изображении этого глаза».

– Если это ваш глаз, то...

«То пишите!»

Поэт взял перо и написал:

*Ошибку отыскать я рад,
Язык мой чувств моих невольник,
По мне бы, должно не в квадрат
Вписать ваш глаз, а в*

Поэт задумался; дело стало за рифмой.

«Хорошо, хорошо, рифму я сама подберу, – вскричала капризная соседка; – теперь пиши-

те что-нибудь другое, а именно: посвящение этого глаза моему другу; только по-французски».

– Не умею-с.

«Пишите, пишите! говорю вам».

Поэт не умел и не смел отговориться. Слабое существо поэт, а не жеп-щина, подумал я.

Он написал:

*Mon amie! que cet œil vous rappelle
les yeux,
Qui aimaient vous chercher,
contempler et comprendre;
Qu'il vous souvient toujours les
regards tendres,
Et les larmes qu'ils versaient au
moment des adieux [444].*

«Хорошо!... Теперь стихи в альбом, без отговорок! Для вас это легко».

– Трудно, – отвечал, запинаясь, поэт.

«Так же трудно, как нам из горсти бисера связать какой-нибудь узор. Вот вам горсть слов: *Coeur, souffrir, souvenir, oubli* [445]; составьте из них какой-нибудь смысл».

– Из поэзии хотят сделать мозаическую работу! – прошептал поэт и стал писать:

*Deux choses qui font le coeur souffrir,
Que le tourmentent pendant le vie:
C'est d'un côté le souvenir,
De l'autre côté l'oubli [446].*

«Браво, bravo! и еще раз bravo! Это можно поместить не только в альбом, но и в новое издание конфетных девизов!»

Поэт не обиделся этим восклицанием: он знал, что поэзия есть сладость, полезная для сварения истипы, особенно для тех, которым философическая пища тяжела и неудобосварима.

ССХСIII

– Скажите пожалуйста! – думал я, – так стихи есть не что иное, как мозаическая, бисерная работа? Нетрудная работа! Буду и я писать стихи! буду писать – и кончено! Горсть слов, немного смысла, музыкальное ухо, небольшой навык – вот и все материалы для произведения стихов.

Читатель, давайте же писать стихи! Верьте, что менее, нежели в несколько дней, мы собьем цену со всех поэм, опер, водевилей и т.

д., не говоря о мелочных стишках, которые пишутся в один присест и даже экс-промтум, как вы видели в предыдущей главе. Мы посо- бьем спеси со всех недорослей, которые вели- чают себя поэтами.

Боже мой! как будто свекла не в состоянии заменить сахарного тростника!

ССХСІV

*Да перстень с светлым камнем
дал...*

.....

.....

(Странник. Часть I. Глава CVI.)

.....а он

Последний отнимал мой сон

И увеличивал недуги.

Как часто я ее услуги

Благославлял и проклинал,

А после бредил и не спал!

Однажды, утомленный, хилый,

Я, глядя на нее, алкал

Здоровья, крепости и силы;

Вдруг вижу, входит молодой

Армейский юнкер в ту же хату;

Я не позволил бы с собой

Стоять в одной квартире брату,

Где только угол есть, да стол,
Да благосклонный женский пол.
В другое время, знал бы дворник,
Что я, и ближнего любя,
Способен выйти из себя;
Но истомленный, как затворник,
Я все терпел, я все сносил
И даже денщика не бил.
Моя хозяйка серной с места
Вскочила юнкера встречать.
А он, застенчив как невеста,
Вошел, поклон и стал снимать
С бесильных плеч солдатский ра-
нец;
Взглянул на портупейный глянец,
Потер немножко обшлагом,
Повесил кивер и потом,
Расслабленный жарою тяжелой,
Возился долго бы он с пряжкой,
Когда б хозяйка не была
Предупредительна, мила.
«Москаль сараку! [447] как ты
молод, –
Она сказала, – как твое
Здоровье сносит жар и холод,
Солдатский ранец и ружье!
Аштаб те! [448]пряжку расстегну
я!»

*И вот она с него сняла
Мундир и галстух и дала
Ему три жарких поцелуя;
Потом просила его сесть.
Без благодарности за честь,
За встречу и прием приятный.
«Хозяйка, как бы что поесть!» –
Сказал ей юнкер непонятный.
А я, я – хилый и больной!
Забыл болезнь и хладнокровье,
Как будто юнкер молодой
С собой принес мое здоровье!*

ССХСV

*Ах, боже мой!... Как вам не стыд-
но
Без спросу брать мою тетрадь!
и из этого поступка видно,
Что вы... умеете читать!*

(В сторону.)

Совсем не то хотел сказать!

ССХСVI

Рассерженный нескромностью соседа, прочитавшего без моего позволения продолжение поэмы, найденной мною в Лозове, о Ми-

титике Марьиолице, я сел подле письменного стола, бросил взоры на карту, глаза разбежались: что же было мне делать без глаз? Как ученик аббата Л'Епе [449], провел я пальцем по карте и ощупал Кавказские горы. По воображению, создал я об них полную логическую идею.

Посмотрите же на эту природу, обогащенную небом, на столпившиеся горы, на светлые ручьи воды живой, на эту щедрую, девственную землю, не тронутую сошником, на эти плодоносные леса, на эти испещренные цветами скаты и покрытые густою зеленью долины; на эти громады скал, на эти слои снегов, по которым можно было бы определить возраст Вселенной; на этот воздух благовонный, как роза, распустившаяся во время создания Эввы! Смотрите, смотрите, гг. читатели и милые читательницы!

Солнце блистательным светом своим завистливо скрывает от взоров бесчисленные светила, плавающие в небе; в отдалении вечные снега уподобляются полотну, разостланному по вершинам цветущего Кавказа: ни волны, ни листья не ропщут на беспокойный

ветр. Окруженный неведомой мне доселе тишиною, я слышу только биение своего сердца; вдруг раздается голос... какой голос! Внимайте, внимайте, гг. читатели и милые читательницы!...

ССХСVII

Заняв таким образом слух и взоры моих спутников и прекрасных спутниц, я опять выкрадываю себя из толпы их и еду от Мангалии вверх по морскому берегу; отсчитав 300 стадий, по счислению *неизвестного мореплавателя*, по *Понту Эвксинскому* [450], я приближаюсь к древнему Истеру, преобразованному временем и потомками торков [451] в Кистенджи.

Там был добрый мой приятель П.П.Л. [452], человек с славною душой и приветливым сердцем. Заплатив долг климату и трудам кампании, он только что скинул с себя оковы болезни.

Отвыкнув от теплого приюта, от мягкого ложа и лакомой пищи, мне странно казалось соединение всей этой роскоши в бывшем до-

ме паши ки-тенджийского, в котором жил Л.

*Спокойствие мне показалось чудно,
Но я никак бы здесь не мог сказать,
Что от всего отвыкнуть очень трудно,
А ко всему труднее привыкать.*

ССХСVIII

После шестимесячного непостоянного крова неба мне так хорошо было видеть над собою резной потолок бывшего *харэма* [453]; так хорошо показалось быть снова заключенным в стенах!... Сон уморил бы меня, если бы необходимость вставать не разорвала маковых оков, которыми я был опутан. И сердце, и воображение покоились безмятежно; пульс утих, кровь смиренно совершала обращение свое. Как трудно разлучаться с таким сном!

Так как в продолжение войны каждая крепость обращалась в гошпиталь, то и в Кистенджи любопытство могло бы взглянуть только на несколько бакалей с сидельцами жидами, греками, армянами и русскими маркитанта-

ми.

Кто имел необходимость в сале, в балыке, в маслинах, в черных булках и в кислом вине, тот мог купить все эти жизненные потребности за довольно сходную цену.

На стенах укреплений стояли еще огромные крепостные орудия, древние трофеи побед турецких в Германии и Польше [454]. Молчаливо выглядывали они из амбразур, как головы черепах из своих... как их называют?... похожих на два щита, в которых было погребено тело Аларика [455], мужественного царя готов.

Не видя необходимости описывать, как интересно плещет *Черное море* о гранитные подошвы древнего, славного города *Истра*, я еще менее намерен уверять читателей, что некогда Дунай впадал в море близ этого города и что долина Кара-су есть древнее русло его.

*Как ни теки, Дунай мой, быстро,
Но без чудес не мог ты перелить
Своей воды чрез гору, что близ Ис-
тра
Дорогу вздумала тебе загоро-*

дить.

День XLII

ССХСІХ

*Pour ne rien laisser en arriere, je vous dirai, monsieur, que... [456]
(Lettre sur le tktes parlantes. Rivarol)*

Я еду далее, по пустырю Силистрийского Санджака, на Гирсов. После шести часов езды лошади устали, желудок опустел, должно было искать приюта от дождя. Вот в стороне от дороги видно какое-то *киой*. Посмотрим на карте. *Карамурат-киой, Дана-шой...* Бог знает! *Дана-киой или Кара-мурат-киой?...* Судя по расстоянию от Гирсова, должно быть *Дана-киой...* но *Дана-киой* влево от дороги, идущей из Кистенджи!... Впрочем, и *Карамурат-киой...* да... не более трех верст по карте... но столько ли в натуре?... *На карту надейся, а сам не плошай!* – говорит военная пословица.

Так рассуждал я, а между тем бричка двигалась вперед. *Киой* осталось версты две уже позади. – Стой! назад! не все ли равно, *Кара-*

мурат-киой или *Даш-киой*? и там, и там пусто. Нужны только вода, очаг да камыш. Ступай! И вот въезжаем в деревню. Чисто, и домового нет!... в одной трубе дымок... может быть, турки?... нет!... видна бричка... подъезжаю.

«Ба! В...!» – А! Н...! что ты здесь делаешь! – «А вот взойди, посмотри».

Одна болгарская землянка уцелела от совершенного разрушения; над нею еще была крыша, внутри ее был еще очаг. Перед очагом, в котором трещал уже камыш, лежал огромный чемодан; на чемодане стояла оловянная чаша; из чаши клубился пар, как из Везувия.

Я не буду ни опровергать, ни подтверждать догадку читателя, что в чаше заключался суп, сваренный на подобие супов французских на воде, немецких на шоколаде или на пиве, английских на вине, китайских с кирпичным чаем, восточных на всякой всячине; не буду спорить о вероятности предположения, что то были щи русские или борщ польский, с свеклой; малороссийский на капустном или огуречном соке; молдаванский с

виноградным листом; не скажу, справедливо или нет заключение, что в чаше была уха, столь же жирная и вкусная, как уха Демьянова [457].

И странно было бы спорить о том, чего я сам не успел исследовать, хлебнув сгоряча чего-то необыкновенно горячего. Язык мой загорелся, из глаз посыпались слезы, аппетит исчез.

ССС

Ожога лишила меня часа на три памяти и внимания, и потому в нескольких словах переносу я себя и Н... из *Дана-киой* или *Карамурат-киой* по грязной дороге в Гирсов.

Читатель может себе представить влево от дороги темно-голубую ленту Дуная, лежащую на одичалой природе; вправо покатошь гор; позади себя путь, который мы уже совершили; перед собою гласис [458] кр. Гирсова, мост через ров и каменные ворота в середине куртины [459]; над собою вечернее небо со всеми признаками осенней, дурной погоды.

Таким образом, проходя церемониальным

маршем вместе со всею Вселенною пред *Вре-
менем*, мы пронеслись чрез мост и ворота и
катились по гирсовской улице под гору, к ко-
мендантскому дому. Коменданта дома нет;
плац-адъютанта дома нет.

Вечер держался уже на ниточке.

Какой-то солдатик взялся отводить нам
приличную квартиру.

Долго водил он нас между рассеянными по
крепости деревянными, полуразрушенными по-
домами, занятыми под гошпитали и магази-
ны; наконец, как бы случайно, нашел пустой
дом.

«Господин служивый, здесь ни окошек, ни
дверей! очаг и труба маны!»

Идем далее.

«Вот еще дом, годный под квартиру, В. в-е!
[460]»

Я отворяю двери, вхожу... темно... Насту-
пив на что-то мягкое, я невольно остановил-
ся... гляжу под ноги... «Любезный друг, здесь
есть уже постояльцы!... если не живые, так
мертвые!... смотри, сколько их разметалось
по полу!»

«Виноват, В.в-е! – отвечал простодушный

солдатик, – здесь, верно, гошпитальный амбар для склада покойников.»

Опять пошли ходить и ездить.

Еще квартиру показал пам вожатый наш. Тепла, хороша; но в ней только что упокоился один офицер, бывший в горячке.

– Невыгодна квартира! показывай другую.

«Больше нет, В.в-е!» – отвечал наш квартиргер [461].

Положение наше было не очень приятно: ночью, под дождем, посреди грязных улиц Гирсова. Однако же оно скоро улучшилось. Узнав, что плац-адъютант уехал на несколько времени из крепости, мы расположились в его квартире, теплой, снабженной всеми потребностями, необходимыми для военного спокойствия.

День XLIII

*Сей день должен был начинаться главами СССVII и СССVIII; но так как они не явились в назначенное время к своему месту, то и были арестованы мною на двадцать четыре часа.
(Примечание)*

СССИ

Хотя бы нить памяти вашей и была короче расстояния между хвостом и головой *Большой Медведицы*, но, верно, вы не отказались бы нанизать на нее и прекрасное правило жизни:

*Будь тем, что есть;
Ходи без маски;
Люби не лесть,
А только ласки.
Людей люби;
Не крась природу;
Не много спи,
Пей больше воду.
Божбе не верь;*

*Все весь и мерь;
Не нянчи тело
И делай дело.*

СССII

Таким образом, в молодости, нанизав на память все прекрасное, все полезное, все высокое, под старость от *нечего делать* можно перебирать эти четки.

Как сладко воспоминание, как хороша и старость, когда она есть тихая задумчивость о прошедшем!

Жизнь наша требует того, чтоб каждому делу предшествовала мысль и новая мысль последовала за делом.

Помните ли *вы... вы*, которую я не знаю, как назвать... *вы*, которая так похожа на все, с чем поэты сравнили красоту и добродетель, помните ли *вы* чувства той минуты, в которую сердце вам сказало: *«Ты сделала добро!»*, а все окружающее подумало: *«Как она совершенна!»*.

СССIII

Если бы мысль моя была так глубока, как океан в том месте, где измерял его *Форстер*, и так высока, как слой воздуха, до которого долетал *Гай-Люсак* [462], то подобная красноречивая мысль не нашла бы по себе языка, и ее пришлось бы выразить красноречивым молчанием; потому что красноречивое молчание могущественнее, выразительнее красноречия словесного. Это подтвердят вам все мои читательницы. Их тонкому, чувствительному слуху более понятна *пауза* между двумя очаровательными *аккордами*, этот сокровенный звук, слышимый только одною непорочною, чистою душою.

СССIV

Не сердитесь же, что в этой главе не слышен вам скрип моего пера. Это *пауза*. Здесь мысль моя выражена молчанием.

СССV

После трехдневного жития в крепости Гирсове, по причине невозможности перепра-

виться чрез бурный Дунай, наконец на четвертый день поутру солнце стало проглядывать сквозь остальные облака, и я двинулся с места.

Не буду описывать, как прибыл я в г. Галац, где первоначально предполагалось зимованье Главной квартиры действующей армии.

*Галац из повести одной,
Мне кажется, уж вам известен
[463];
Вы помните: ее герой,
Хотя был молод, добр и честен,
Но, убоясь гнилой тюрьмы,
Сибирской жизни и зимы,
Бежал. В невольники попался,
Гречанку спас и от чумы
В ее объятиях скончался.*

И потому я не буду также описывать и картины Галаца. Это небольшой городок на скате Дунайского берега, сжатый реками Серетом и Прутом в небольшую пристань стекаются в известное время несколько десятков купеческих кораблей и меняют архипелагское вино, турецкий табак маслины, апельсины, лимо-

ны и масло на жирную пшеницу Молдавии и – отправляются куда следует.

СССVI

Надежда моя оставаться в Галаце и расположиться на покойной квартире обманулась, но приятным образом.

Едва только въехал я в двор одного жителя города, как мне принесли от коменданта предписание из Главной квартиры на мое имя о назначении зимовать ей в г. Яссах.

В Яссы!...

День XLIV

Vulcain (a part).

*Ah, nature nature! vas, je t'abandonne, a
qui vondra te prendre! [464]*

Pandore. St. Foix

СССVII

Человек счастливее, спокойнее, довольнее
жизнию, когда он имеет дело с самой при-
родой, а не с людьми.

С какою благодарностию и щедротой срав-
нится благодарность и щедрость природы?
Кто лучше вознаградит труд?

Надежный взаимодавец! верный должник
наш!

Свободен, здоров духом и телом тот, кто об-
ручился с тобою духом и телом!

СССVIII

Испытали ли вы, друзья мои, те минуты, в
которые окружало вас земное бедствие со все-

ми своими видимыми и незримыми свойствами и принадлежностями; но сердце ваше было неприступно для него, как небо, и вы улыбались, как ангелы, присутствию терпения и надежды?

Это лучшие минуты жизни. В эти мгновения

*Я не земной, я чем-то полон,
Для мысли места нет во мне!
И рад я, мирен! ибо мысль
Есть тайный в нас зародыш горя.
Вздых о потерянном блаженстве
Беспамятен в душе моей,
И будущность... по что мне счастье?...
По образу своих желаний
Создам и возгнушаюсь им!*

СССІХ

Mes regards veulent pénétrer dans la profondeur du passé; mais je n'y vois qu'une lueur incertaine, semblable a celle des rayons de la lune réfléchis par la surface d'un lac éloigné. La brillent les flambeaux de la guerre; ici je vois une génération faible et vile, passer dans le silence, sans marquer les annés d'aucune action éclatante. [465]
Cathloda. Chant. III

Теперь я, милые мои, на почте Борда, ожидаю с нетерпением, покуда мне запрягут четырех тощих кай [466]. Но я вижу уже речку Бахлуй и г. Яссы с его протяжной улицей-маре, с его княжеским сгоревшим дворцом, с его церквами и монастырями, которые, как отдельные древние замки, возвышаются на холмах, одетых виноградником; – вижу за городом пространный зеленый ковер...

Копо, Копо, зеленое Копо!
Где бог любви явился Мититикой
Где кобзы зык и звуки песни дикой
И поо-поо-померани-по! [467]

О сила воображения! Представьте себе,

мне кажется, что я уже в толпе красавиц Молдавии, иду по полю, очарованному их прелестью! Вот та, которая всех лучше, отделилась от общества, я преследую ее, она останавливается, я тоже, она оглядывает окрестную природу Ясс, и я также.

Я

*Как мир величествен, чудесен!
Взгляните вдаль!
Чу, в роще звук веселых песен,*

(показывая на сердце)

*А здесь... печаль!
Надежду на удел счастливый Пришлось забыть!*

(после молчания)

Вы что-то слишком молчаливы?

Она

Что ж говорить?

Я

*Что говорить? а! это ново!
Но я пойму,*

*Что сказано на место слова:
Конец всему!*

Она

Не знаю, чем вы недовольны?

Я

Ничем и всем!

*Для вас... мои слова не больны,
Язык мой нем;*

*И потому... Но вы ласкали,
С ума свели!*

*Чего во мне вы так искали
И не нашли?*

*Быть может, чем-нибудь наруж-
ным*

Не нравлюсь я?...

*Иль не сходна с климатом юж-
ным*

Любовь моя?

*Или... пресытись спозаранка...
Но вас мне жаль!*

*Понятно все: вы молдаванка,
А я москаль!*

Прощайте!

СССХ

Все это было не что иное, как мечта на пути к Яссам; но мысленное равнодушие красавицы так на меня подействовало, что я велел остановить лошадей, выскочил из каруцы и пошел в сторону, в лес – воображая, что удаляюсь от жестокой молдаванки.

– Как! – вскричал я, остановясь пред глубоким оврагом.

«Как!» – отозвалось в лесу.

Я оглянул все кругом себя.

«Где же она?» – Нет ее и не было, – сказало мне сердце, пришедшее в память.

– Как! – повторил я, – неужели горе, тоска, грусть, исступление могут родиться одинаково от причин истинных и от причин воображаемых?

«Да, – сказал мне Математик, – потому, что a^2 происходит одинаково от $(+a)X(+a)$ и от $(-a)X(-a)$ ».

– Понимаю.

Убежденный таким ясным доводом, я возвратился к моей почтовой каруце, сел в нее, суруджи хлопнул по лошадям бичом своим, они замялись, дернули врозь, второй удар со-

гласил их – и я понесся.

СССХІ

В надежде, что капли *мудрости*, падающие с неба, проточат когда-нибудь камень невежества и преткновения, огромный, как твердь земная, я еду. не оглядываясь назад.

Для жизни, как и для дороги, одно правило:

Не торопись: смотри постоянно перед собою; озирай даль, чтоб не сбиться с дороги; с горы не гони, чтобы не сесть под горою; встречным кричи заблаговременно: держи право! съедешь – посторонись; лают собаки – не дразни; ползет змея – не наступи и не слушай, что она шипит; попутчикам, умному не говори, что он умен, глупому, что он глуп, – не отделаешься от них; не выказывай ни доброты своей, ни золота – обкрадут; и т. д.

Но это правило для людей обыкновенных... Впрочем, кто считает себя человеком обыкновенным? Я умолкаю: люди необыкновенные, то есть *гении*, есть *кометы*, которые совершают путь неопределенный, не подле-

жат общим законам.

СССХІІ

Лошади мои пристали, сбруя покрылась пеною, пар стлался над ними, как туман. Суруджи, также усталый, тщетно оббивал волосяной конец арапника и кричал: *хи-мэ! мурилэ!* [468] Таким образом тянулся я по *улице-маре*, через *поду Могушой* [469].

Вправо и влево бросались мне в глаза то *бакалеи* с широкими окончинами, то *кафенэ*, в которых сквозь двери и стеклянные простенки видны были прямо: черный очаг, уставленный различной величины кофейниками; посредине: жаровня; по сторонам: диваны; на диванах, в *чалмах*, *кушмах* и *фесях*, в *фермелэ* [470] и в *мейтанах*, усатые гости. Молча играют они в *куонхину*, в *трик-трак* [471] и, глотая кофе, обдают себя табашным дымом. Почти из каждого окна знаменитой улицы выглядывало женское лицо и провожало Странника любопытными взорами с мыслию: *москаль!* Я тешился, замечая различие этих выставлявшихся не на показ голо-

вок. То в шляпке с цветами – я видел только глаза; то в платке, опутывающем черную косу – *свежесть и здоровье*; то в мушках, осыпанных жемчугом и обложенных золотым кованым плетешком – протяжное слово: *wus?* [472]; то в белом или красном фесике – *следы утомления*; то в огромных накладных буклях – *Пентефриеву жену*, когда она смотрит на Иосифа [473]; то под прозрачным покрывалом – *ложную стыдливость*; то с приглаженными и заплетенными в косу волосами – *смирное бездушие*; то с всклокоченными кудрями – *загоревшее чадо табора*.

Но вот наружность улицы постепенно лучше и лучше. При повороте влево, от сгоревшего дворца господарского, встречаются совсем другие предметы.

Расцветенные венские коляски снуют взад и вперед. *Купоны* и *куконицы*, разряженные в атлас, в мусселин, в органди, в гроденапль, в gros-de berlin, в gros-de-tour, в satin-turc, в gros d'orient, в satin de la reine, в batiste d'écosse [474], в тюль, в кисею, в креп, в газ, в перкаль, в кашемир... в блондах, в кружевах, в шалях, в платках, в пелеринах, в шемизетках, в кан-

зу, в шарфах, в корсажах, в вуалях, в колеретках, a la vierge, a la gardinière, a l'anglaise [475], в перьях a l'Inca [476], в платьях с рукавами в виде берета, в виде côtesdemelon, oreilles d'éléphant [477]... Устал!... словом сказать, во всех изменениях *орнитологии*, по системе венской, парижской и лондонской, купоны и купонцы куда-то торопятся. Беззаботные, самодовольные лица с пылкими очами, с природным и китайским румянцем, с собственной и свинцового белизною сыплют взоры вправо и влево. Я еду.

СССХІІІ

Для прохожих мало места на улицах, покрытых деревянного мостовой. Только простому народу и иноземцу не стыдно идти пешком.

СССХІV

Qui prouve trop ne prouve rien. [478]
(Аксиома)

Но вот направо и налево – лавки и магазины, наполненные изделиями Турции и Австрии. Штемпели Вены и Лейпцига, Стамбула, Измира ручаются за дешевизну и доброту.

Не довольствуясь тем, что необходимость и желание перевести деньги наполняют лавки и магазины покупателями, сидельцы ловят вас на улице, уговаривают, влекут насильно в лавку, соблазняют дешевизной, уступкой, и, прежде нежели вы решились купить то, на что взглянули, товар уже отмеряв, взвешен, отрезан, завернут и всунут вам в руки; – что же остается вам делать? – платить.

После этого верьте вышеозначенной аксиоме! Кто больше жидка уверяет, что товар его ganz fein [479]? А вы принимаете все за чистые деньги.

К проезжающим мимо лавок – то же жестокое внимание, то же насильственное угождение.

Не успели еще усталые лошади мои сделать нескольких шагов между длинными строями лавок, и уже потомки *Израиля* обсыпали мою бричку и набросали в нее всего, что по догадливости своей они считали нужным мне продать. Что было мне делать? Лошади мои, как будто подкупленные жидами, стали, и я должен был выслушать цену товаров: – Батист, батист! – кричал рыжий еврей, – ganz gut. fain! [480], восемь червонцев за штуку! – Голландское полотно! – кричал другой, с витыми пейсами, – äch! fünf Dukaten Stuck [481]! Сукно Sedan, пятнадцать левов локоть. Шаль! бур-де-суа! четыре червонца! *кэртс ди вист ку карикатурь [482]!опту-спре-зечи лей! кумпара, кумпара, боер [483]!* Kausen Sie, kausen Sie, mein lieber Herr [484]!

– Сараку-ди-мини [485]!

СССХV

На *улице-маре*, против дома Пашкана, в котором жил главнокомандующий, была отведена мне квартира. После восьмимесячной кочевой жизни в пустынях болгарских широ-

кие диваны бояра Ионы Некульчи-Муто показались мне нежнее дружеских объятий. В одно мгновение я успел на каждом из них присесть, прилечь, свернуть под себя ноги а la turc [486], развернуть, протянуться и быть во всех положениях лени, неги и спокойствия.

Бот и чемодан мой! и он порадуется спокойствию, и ему протерли бока.

*Денщик и суруджи вдвоем
Втащили в комнату мой дом.*

Суруджи

– Хэ! маре драку! [487]

Денщик

– Тяжеленек!

– Да, – думал я, – не мудрено!
В нем все, что богом мне дано,
Все, кроме радостей и денег!

СССХVI

Ласковые хозяева приняли меня, как родного.

Вскоре явилось ко мне с вином на подносе, с дульчецом, и кофием, и с трубкою дюбеку

презанимательное лицо.

«*Пуфтим, боерь!* – сказало оно мне, – *кала краси! дульцец, кафэ ши люлэ!*» [488]

– Благодарю, друг мой. Скажи, пожалуйста, ты здешний? «Еу целовек грек, капитан Микулай; ам зинка, коптел мулт! [489] нам камес, нет страи! [490] дают кукон си куконица стран си камее; турци мынкать со! [491]»

– Жаль; выпей с горя вина.

«А, халоса! кала ине краси! [492] Капитан Микулай служил государски... [493] сол антелериски, такой большой *тунуруле* [494] еу показит дорога: дела *Хотин*, на *Бендерь*, мерже на *Измаил*... Инарал командирски [495] дают на капитан Микулай *зна хартия!*... такой пальсой пумаг!... печат-луит: и проци и проци и проци! [496]... Кульерски пумаг!.. ги!... гуляй на поцта кульерски!... динь, динь, динь, динь! пасоль, пасоль!... и дают ина-раль командирски другой пумаг... халоса!... писит: капитан Микулай служил государски, халоса... дают цин *капитан*, халоса цин, государски!... Сто пайдот на Царьград?»

– Пойдем.

«Сы еу пайдот!... я был на баталия ку нем-

ца! [497]... на Фоксань! [498] Кнезь паслот ме-
изэ с провиантски *каруца* на Кобурски! [499]...
Немца идот, идот, идот!... так! Венгерски гу-
сарски... так... халоса!... Бозе мой!! Тур-ци!!!
многа, многа!! Визирь ку кавалерия, на арма-
сарь Анатольски!! [500] идот! Я лезит на карэ
[501]. Бум, бум, бум! *тунурулэ*. А! страсна!... я
лезит на земля... Бозе мой, бозе мой! пропа-
дит немца!... Венит Суворов!!! [502] Бум, бум,
бум!!! пжи-жи-жи-жи, пжи-жи-жи-жи!!! Хи!
Фужит драку турци!! [503]»

Пылкое воображение *целовека грека*, недо-
вольное смешением греческого, молдаванско-
го и русского языка, дополняло слова пред-
ставлением всего в лицах. Для изображения
визирской кавалерии и венгерского гусарско-
го полка указательный и средний палец пра-
вой руки седлали указательный палец левой.

При слове *идот!* правая ладонь плавно
двигалась параллельно земле, а голова Мику-
лая поднималась гордо вверх, как у всадника.
С словом: *еу [504]лезит на земля* – он распро-
стирался по полу и лежал несколько мгнове-
ний молча, неподвижно. При слове *венит Су-
воров!* весь корпус *целовека грека* встряхнула

радость о избавлении от гибели.

Дорого бы дал иной италианский *импреза-рио*, чтоб иметь право показывать капитана Микулая на площади.

Насмеявшись вдоволь, я прервал рассказ его о взятии Хотина, о пришествии турок в Яссы, о битве этеристов при Скулянах.

– Где тут бывает гулянье? – спросил я его.

«Гуляй?... пи улица. Куношца мулт [505], молдаванка, грецанка, ирмэнь [506]».

– Хороши куконицы?

«Халоса? гуляй... так... Хэ! Капитан Микулай знай... Мой тата си мама зивот на Царьградски бурика [507]. Их! там девка халоса! Бозе мой! какой халоса!»

– Прощай, я иду гулять. «Бун, бун, боярилэ [508]».

СССХVII

Счастья миг, юность лови!
Путай себя в цепи любви!
Время, как молния, быстро летит,
Юность увянет, сердце сгорит.
(Эпиграмма)

С этой мыслью сел я на дрожки и пустился в Копо. Два ряда экипажей совершенно стеснили улицу, мне не хотелось тянуться в рядах, – мимо!

Кто знает московские гулянья, тот может себе представить, что в Яссах всякий день, без исключения... виноват... исключая бурные дни... подобные гулянья в экипажах составляют некоторую обязанность почти всех классов жителей. Это род *моциону* от засидения, от скуки; род *выставки* по части промышленности сердечной; род *far niente* [509], от *ничего делать*; род привычки, основанной, как большая часть постановлений и законов молдавских, на слове *дуна обычулуй* [510].

Два рода экипажей тянутся от сторевшего господарского дворца вверх и вниз по *улице-маре*, чрез поле Копо.

*Природа красится присутствием
людей,
А жизнь чистойшею любовью;
Но что же жизнь, когда должны
мы в ней
Предать все чувства хладнокро-
вью!*

И потому я ехал, рассматривая внимательно
но все, чем движущиеся оранжереи были на-
полнены.

День XLV
СССХVIII

В пылкие, неопытныи лета юноша горделиво воображает, что он создан разгадать тайну мироздания. «Много прошло времени от начала мира, – думает он, – может быть, еще более остается до конца его... Были великие люди, соединявшие в себе ум и чувства целых народов и целых столетий... они разгадали кое-что... Должен же родиться на свет гений, у которого зрение будет телескопическое, слух подобен фокусу эллиптическому, память велика, как книга Вселенной, ум ясен и основателен, как формула алгебраическая, а рассудок верен, как вывод... Почему знать... может быть... я...»

Таким образом рассуждая, молодой человек внезапно встречается небольшое существо, лет... но лета ничего не значат... нежное, чувствительное, полное жизни и красоты. Забыта высокая цель существования! С этого мгновения не тайну создания разгадывает юноша, а сердце чудной своей встречи. С каждым ударом пульса, с каждым словом, с каждым

взглядом, шагом и вздохом она увеличивает-
ся в глазах и понятиях юноши до бесконечно-
сти и, наконец, обращается во Вселенную, а
вся Вселенная, постепенно уменьшаясь, при-
нимает на себя вид ее. Какой переворот!

СССХІХ

*Твой друг с тобой, моя Лавиния
[512]!*

С тобой! но ты

Таишь следы

Какой-то грусти и уныния?

Любовь моя!

Ужели я

Покину рай мой и Италию?

Как честный грек,

Я твой навек!

Не убивай себя печалию!

*Ainsi parloit Enée, les larme aux yeux:
cependant sa flotte voguoit a pleines
voiles...[513]
Enéide.*

СССХХ

Я не могу скрыть от вас, мои читательницы, что человеческое сердце имеет совершенное подобие с земным шаром. Так же, как и на Земле, на нем есть полюсы, а потому-то, разложив его по методе *Меркатора* [514] на плоскость, мы увидим, что оно имеет поясы жара и холода и что *сердечные крайности*, так же как и земные, никуда не годятся. Из сего что заключаете вы? То, что тогда только хорошо жить в чьем-нибудь сердце, когда занимаем в нем пояс умеренный, в котором не задушат вас ни объятия, ни проклятия.

Кажется мне, что это справедливо?

(Все молчат.)

Глупо было бы думать в нынешнем веке, что *молчание есть знак согласия*.

СССХХІ

Может быть, спросят меня: что я видел в
Копо?

*Что видел я, не помню, право:
Как на круженье колоса,
Смотрел я прямо, влево, вправо,
Ничто не бросилось в глаза!
Там, как в созвездье Козерога,
На небе, очень много звезд,
Изрядных женщин было много
И куча зреющих невест.*

Скучно было мне ездить одному, без зна-
тока в красавицах яских. К счастью, попада-
ется мне навстречу товарищ. – Покажи мне
всех, расскажи мне все!

«Хорошо», – отвечал он. Но память его бы-
ла уже потеряна в рядах экипажей. Долго еще
ездили мы взад и вперед, как вдруг товарищ
мой вскрикнул:

*Ах, вот Елена молодая!
Соперница сирийских роз!*

Я

*Не та ль, которую увез Парис у
грека Менелая?*

Он

*Ах нет!... блуждающий огонь,
Арабский своенравный конь!...
Во всем чудна, во всем примерна,
Нежна, как вздох [515], быстра,
как серна,
Досадна так, как звук не тронь*

СССХХII

*Comme un ver, qui devient chrysalide,
aure-lie, nymphe, et enfin papillon.
Em Swedenborg[516]*

Точно так же... но... Время идет ни тише, ни скорее. Чувства, вспыхнув от радости, что встретили спокойствие и негу, оживленные новостью жизни ясской, вскоре пришли в обыкновенное свое положение. Опять отражались в них то временное довольствие, то беспокойная грусть. Все чего-то недоставало им; обманываясь желаниями, они видели одну только скуку в исполнении желаний. Однажды, отягченный думами, спустился я с

террасы загородного сада Михайлаки Стурдзы [517], обошел кругом пруд, перебрался по легкому мостику на островок, скрывавшийся акациями пасмурную беседку...

СССХХІІІ

*Amoze (solo sedente a pi  dell'albero)
...Che bella avventura! ehe vergogna! ehe
ridicolo!... [518]
Le Grazie. Corned, del S. Saint Foix .*

СССХХІV

(Нубия)

Вообразите себе, друзья мои, что, засидевшись дома, вы вдруг подумаете: «Пройдусь для моциону», и велите седлать своего коня.

– Куда? – спрашивают вас.

– Так! – отвечаете вы.

Во время подобной прогулки вы *Странник*; впечатления ваши легки и непостоянны.

СССХХV

(Москва)

*Мой конь устал, устал и я!
П РРРР/уууу!!! – молвил Странник
вдруг и спешил.*

*Довольно, милые друзья,
Своею скачкой вас потешил.*

Конец третьей части

ПРИМЕЧАНИЯ

Первую часть романа Вельтман передал в цензурный комитет в начале января 1831 г. О предстоящем выходе произведения из печати еще ранее сообщил «Московский телеграф». Публикуя в № 20 за 1830 г. фрагмент романа под заголовком «Отрывок из рукописи: Странник, или Путешествие по географическим картам», издатель писал в примечании: «Мы просили любезного автора познакомить предварительно с его сочинением читающую публику через Телеграф. Он подарил нас описанием Кишинева. Мысль прекрасная и новая: автор путешествует, сидя в кабинете и только разложив перед собой географическую карту. Читатели могут сами судить об исполнении. Рукопись г-на Вельтмана скоро поступит в печать». В данном номере журнала были помещены главы XXXV – L «Странника». Текст предварял эпиграф:

*Смотрите пристально на карту:
Вот Бессарабия, вот свет!
Я в нем, чуть-чуть не десять лет,
Как шар катался по бильярд.*

В дальнейшем это четверостишие как часть стихотворения было помещено в главе

X романа. Расхождения между журнальным вариантом и отдельным изданием сводились к следующему: в главе XLVII1, напечатанной в «Московском телеграфе», после слов «опустил очи свои, вспомнив», вместо прозаического рассуждения, имеющегося в отдельном издании, шли стихи:

*Иди во храм! Там не молитв слова,
Не умиления алмазы там нависли;
Там ищет нежный взгляд отвлечь от божества
И соблазнить твои святые мысли.*

В той же журнальной главе отсутствовало стихотворение «О как мила! как богомольна!» – на странице был пропуск.

В первую часть романа автор включил стихотворения, напечатанные ранее в № 1 журнала «Сын Отечества» за 1828 г. под названиями «Ожидание» и «Юная грешница». Без заголовков они появились в главах XIV и XLVIII «Странника». Кроме того, названные стихотворения были перепечатаны в альма-

нахе «Северная звезда» за 1829 г., а «Юная грешница» – еще и в 1831 г. в альманахе «Денница».

Во втором номере «Московского телеграфа» за 1831 г. была напечатана поэма «Эскандер» (под рубрикой «Стихотворения»). В том же году в альманахе «Сиротка» появились «Лагерные картины» без подписи автора: это была публикация глав CCLXXIV и CCLXXV романа, а в альманахе «Денница» – фрагмент под заголовком «Отрывок из 2-ой части «Странника». День 18. CXXXVI». Он соответствовал главам CL, СЫН – CL VII.

Последней публикацией отдельных страниц романа в периодической печати начала 1830-х годов явился напечатанный в «Московском телеграфе» (1832, ч. 48) «Диалог Овидия и Августа». Это была глава CCXC произведения.

Часть I романа впервые была издана в марте 1831 г. (цензурное разрешение 23 января 1831 г.), часть II – осенью того же года (цензурное разрешение 20 августа 1831 г.), часть III – в декабре 1832 г. (цензурное разрешение – 6 октября 1832г.). В 1840 г. часть I «Странника» вышла вторым изданием (цензурное разре-

шение 12 августа 1838 г.). В этом же году выпустили новое карманное издание романа (цензурное разрешение 25 октября 1835 г.). Таким образом, за десять лет было осуществлено три издания части I и два – частей II и III. Разночтения между ними незначительны, они сводились к стилистической правке.

В дальнейшем печатались только фрагменты романа. В «Русском архиве» (1885, № 1) появились «Стихи археолога А. Ф. Вельтмана к одной даме». Они соответствовали стихотворению «В вас много чувства и огня» главы CXLVIII «Странника». Отрывок из романа помещен в книге И. Халиппы «Город Кишинев времен жизни в нем Александра Сергеевича Пушкина. 1820 – 23 гг.» (Кишинев, 1899, с. 47). Первые главы «Странника» напечатаны в «Хрестоматии по русской литературе XIX в.» (сост. А. Г. Цейтлин, изд. 2-е. М., 1938). В сборнике «Поэты 1820 – 1830-х годов» (Библиотека поэта, Большая серия, т. 2. Л., 1972) в подборку стихотворных произведений Вельтмана вошли поэма «Эскандер» и стихотворные фрагменты романа.

Настоящее издание подготовлено по по-

следнему прижизненному (цензурное разрешение 25 октября 1835 г.) с учетом первых изданий.

Иноязычные слова, словосочетания и фразы, включенные в роман, большей частью отличаются от современных литературных норм, от принятых ныне орфографии и транскрипции, что не оговаривается при переводе.

[^^^]

Стихотворение, использованное для эпиграфа, действительно помещено в части II романа, в главе CXVIII, но в несколько измененном виде. Три последних стиха отсутствуют, на их месте совершенно другое четверостишие.

[^^^]

2

Роман посвящен Екатерине Павловне Исуповой. В главе СХХШ автор от этого посвящения отказывается.

[^^^]

Повозки (*молд.*).

[^^^]

Дамы (молд.).

[^^^]

Барышня (*молд*).

[^^^]

6

Пребольшое спасибо (*молд.*)

[^^^]

Дюбек – сорт табака.

[^^^]

Пиррон (ок. 365 – ок. 275 до н. э.) – основатель древнегреческого скептицизма. Одним из основных положений его учения было воздерживаться от всякого суждения, так как оно не связано ни с каким объективным миром и свидетельствует только о субъективном состоянии. Сам Пиррон не оставил никаких письменных трудов, его взгляды изложили ученики, в первую очередь Тимон из Флиунта и Евсевий.

[^^^]

Треугольник – чертежный инструмент.

[^^^]

Подолія (Подольська губернія) мела заападноу границей гоуаарственную границу Росийской империи, на севере граничила с Воынской, на востоке – с Киевской, на юге – с Херсонской и по Днепру – с Бессарабской губерниями. Тульчин – небольшой городок в Подольской губернии, вблизи реки Буг. Во время службы автора в Бессарабии в Тульчине находилась Главная квартира (штаб) Второй армии. Из Тульчина Вельтман и выехал впервые на топографические съемки. После назначения старшим адъютантом и начальником исторического отделения Главной квартиры Второй армии Вельтман значительную часть времени находился в Тульчине.

[^^^]

смелым судьба помогает! (*лат.*)

[^^^]

Нубия – пустыня в Африке. Упоминая о Нубийской пустыне, Вельтман предваряет читателя, что место действия романа будет не раз в воображении автора переноситься в Африку.

[^^^]

До крайних пределов! (*лат.*). Имеется в виду древнегреческий миф о том, как Геракл обошел всю Европу и Ливию в Африке и поставил две скалы на берегах Гибралтарскою пролива. Отсюда и выражение «дойти до Геркулесовых столпов», т. е. до возможного предела.

[^^^]

Имеется в виду нынешний Могилев-Подольский. В ту пору он был уездным городом Подольской губернии, около него находилась одна из главнейших переправ через Днестр на пути в Бессарабию.

[^^^]

Карантин – постоянный или временный наблюдательный санитарный пост па границах государства, губернии или округа, охваченных какой-либо эпидемией. В карантинах задерживались путешественники или проезжие, их вещи дезинфицировались или уничтожались. Письма в карантине подвергались дезинфекции, сопровождаемой проколами. В чумные эпидемии Вельтман учреждал карантинны, а летом 1830 г. сам был задержан в карантине.

[^^^]

Тацит Публий Корнелий (55 – 120) – римский историк, автор «Анналов», «Истории» и других сочинений.

[^^^]

Нострадамус (Нотр-Дам) Мишель (1505 – 1566) – французский врач, лечивший короля Карла IX, астролог. Автор книги «Века», якобы предсказывавшей будущие события.

[^^^]

Хотин – городок на самом севере Бессарабии с крепостью второго разряда. Расположен на правом, возвышенном и обрывистом, берегу Днестра. Вельтман рассказывал в «Воспоминаниях»: «От монастыря Сорок проезжая в Хотин, где также есть готской архитектуры замок, почти во всем Хотинском цынуте вы встретите совсем уже другой мир и подумаете, что какая-то сила внезапно вас перенесла в Малороссию. Тут живут руснаки (так они сами себя называют), ящероглазые сарматы, родовитые бессы. Готический замок Хотина над самым Днестром, на береговом холме, обнятом лощиной, похож на замок Конвай в Британии. Теперь он составляет уже цитадель крепости. До приобретения Хотина русскими этот город считался сильнейшим во всей Молдавии» (А. Ф. Вельтман. Воспоминания о Бессарабии, с. 113). Во время службы писателя в военно-топографической комиссии в Хотине находились чертежные, которые описаны им в стихотворении «Послание к друзьям»

[^^^]

Бессарабия – территория между Днестром, Прутом и низовьями Дуная. По окончании русско-турецкой войны 1806 – 1812 гг. на основании Бухарестского мирного договора вошла в состав России.

[^^^]

Цынут (молд.: цинут) – уезд. Бессарабия была разделена на цынуты.

[^^^]

Джок (молд.: жок) – хороводный молдавский танец. Обозначает также народное гуляние. Музыкальный размер 2/4, встречается также 6/3, 3/8. На мотив джока Вельтман в начале 1820-х годов написал шутливую песенку «Джок»

[^^^]

Сафо (Сапфо; (конец VII – первая половина VI в. до н. э.) – древнегреческая поэтесса. Ее стихи вырезались на мраморе, который добывался на острове Парос в Эгейском море.

[^^^]

Впервые эти восемь стихов были опубликованы в 1828 г. в первом номере журнала «Сын Отечества» как стихотворение под заголовком «Ожидание». Затем их напечатали в альманахе «Северная звезда» за 1829 г.

[^^^]

Дон Жуан – В данном случае имеется в виду герой поэмы Дж. Г. Байрона «Дон Жуан» (1819-1823). Покидая родину, Дон Жуан обращается к ней со словами:

"Прощай, прощай, родимый берег" (песнь I)

[^^^]

Бартеlemi Жан Жак (1716 – 1795) -французский писатель и ученый. Автор романа «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции» (1788). Русский перевод был напечатан в 1803 – 1819 гг. в 8 томах. В романе рассказывается о путешествии по Древней Греции скифа, интересующегося нравами, культурой и политическим строем государств, которые ему довелось посетить. Произведение Бартеlemi способствовало формированию замысла романа Вельтмана «Александр Филиппович Македонский».

[^^^]

Аристотель (384 – 322 до н. э.), – древнегреческий философ и ученый. Среди его многочисленных произведений дошли до нас «Риторика» и «Поэтика». Дионисий Галикарнасский (вторая половина I в. до н. э.) – древнегреческий историк и ритор. В работах «О сочетании слов», «О Лисий», «Об удивительной силе красноречия Демосфена» и в «Письмах» излагает свое учение о литературном стиле. Квинтиллиан Марк Фабий (ок. 35 – ок. 96) – древнеримский теоретик ораторского искусства, автор сохранившегося трактата «Об образовании оратора». Цицерон Марк Туллий (106 – 43 до н. э.) – древнеримский оратор, писатель, политический деятель. Создал ряд сочинений по вопросам ораторского мастерства.

[^^^]

Витгенштейн Петр Христианович (1769 – 1843) – русский генерал-фельдмаршал. С 1818 г. – командующий Второй армией, во время русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. – главнокомандующий (до февраля 1829 г.) русской армией.

[^^^]

Это бог-утешитель, оставленный среди своих детей, чтобы быть живым изображением бога, которому они поклоняются...

[^^^]

Ласепед (франц.). *Ласепед* Бернар Жермен Этьен де ла Виль (1756 – 1825) – французский зоолог, автор «Естественной истории человека», вышедшей в русском переводе в 1831 г. В своем сочинении Ласепед продолжал «Естественную историю» Ж. Бюффона. Многотомное сочинение Ж. Бюффона было в библиотеке Вельтмана (см.: Ю. Акутин. Из книг А. Ф. Вельтмана. – «Литературная Россия», 1974, № 34).

[^^^]

Молдавией (Молдовой) называлось государство, расположенное за рекой Прут, граничившее с Валахией, Добруджей, Буковиной, Трансильванией.

[^^^]

Милтон Джон (1608 – 1674) – английский поэт, автор поэмы «Потерянный рай», часть действия которой происходит в аду, «тартаре». Данте Алигъери (1265 – 1321) – итальянский поэт, создатель поэмы «Комедия» («Божественная Комедия»). Действие первой части произведения («Ад») рассказывает о том, как поэт, руководимый Вергилием, спускается по девяти кругам в подземную воронку «тартара». Орфей – мифический певец Древней Греции. Он спустился в Аид, «тартар», чтобы вернуть умершую жену Евридику на землю.

[^^^]

Шенье Мари Жозеф (1764 – 1811) – французский писатель, публицист, автор трагедий «Карл IX, или Варфоломеевская ночь», «Жан Калас», «Генрих VIII».

[^^^]

Турецкая (Османская) империя занимала значительную территорию Балканского полуострова, граничила с Россией, под ее игом находились Греция и господарство Болгария, Молдавия (Молдова), Валахия. В результате русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. Греция получила независимость.

[^^^]

Монтекукулли Раймунд, герцог Мельфи (1603 – 1680) – австрийский фельдмаршал, военный теоретик. В «Записках, или Главных правилах военной науки...», вышедших в русском переводе в 1760 г., систематизировал и анализировал военно-теоретические взгляды своей эпохи. Вельтман специально занимался изучением военной истории, в его библиотеке находились книги Наполеона, Савара, Каррьон-Ниса, Мемана, Нуажеля и др.

[^^^]

Александр Великий (Македонский) (356 – 323 до н. э.) – царь Македонии, выдающийся полководец и государственный деятель древнего мира. Сын македонского царя Филиппа II и Олимпии. Вокруг личности Александра с древних времен сложилось множество домыслов и легенд. Утверждалось, что он сын не Филиппа II. О походах Александра писали многие западные и восточные писатели и историки.

Образ Александра Македонского чрезвычайно привлекал Вельтмана. Ему он посвятил стихотворение «Александр Великий» («Московский телеграф», 1829, № 17), где восклицал:

Он впереди, тот юноша прекрасный,
Герой и царь, и друг богов,
Пред коим все как сонм рабов,
Кому земля удел подвластный!

К судьбе полководца писатель неоднократно возвращается и на страницах «Странника». Впоследствии Александр становится действующим лицом романа «Александр Филип-

пович Македонский».

[^^^]

Абдул-Фараг и Саид-Эбн-Батрик... – Абу-л-Фарадж ал-Исфахани (ум. в 976) – арабский писатель, автор «Книги песен», обширного сборника биографий Сайд бен эль Батрик (876 – 934) – арабское имя ученого Евтихия, написавшего на арабском языке книгу, излагающую всемирную историю.

[^^^]

Юстин – римский писатель II-III вв., автор сокращенного изложения не дошедшей до нас «Всемирной истории» римского ученого Трога Помпея.

[^^^]

Гораций Квинт Флакк (65 – 8 до н э) – римский поэт, автор од, эподов, сатир, посланий. Возможно, Вельтман имеет в виду девятую сатиру I книги сатир «Шел я случайно священной дорогою – в мыслях о чем-то» (*перевод М. Дмитриева*).

[^^^]

Халдеи – обитатели древней Вавилонии. Далее Вельтмап излагает эпизод из вавилонского эпоса «О все видавшем». Герой произведения Гильгамеш, желая обрести бессмертие, отправляется к своему предку Ксизутру (Кси-суфру, Атрахасису. Утнапиштиму), которому боги даровали бессмертие. Его последнее имя означает «Он обрел жизнь». Достигнув своего предка, Гильгамеш делает попытки узнать тайну вечной жизни. Утнапиштим рассказывает ему о мировом потопе, о том, как по совету бога Эа он соорудил ковчег и спасся от водяного хаоса.

[^^^]

Крон (Кронос) – одно из древнейших божеств древнегреческой мифологии. Во время золотого века Крон управлял миром. У Вельтмапа Крон отождествляется с вавилонским богом Эа.

[^^^]

Элаим (Элохим) – бог израильских племен (букв. боги, множественное величества), одно из имен, принятых в Библии.

[^^^]

Кар-кура (Каркура) – так халдеи называли Араратские горы, к которым якобы пристал ковчег.

[^^^]

Стадий – древнегреческая мера длины, равная примерно 189 м (по Геродоту).

[^^^]

Вот что рассказывает Вельтман в своих воспоминаниях:

«Верстах в сорока от Орхея, на Днестре, в вершине береговых скал, есть монастырь Городище. Смотри снизу от реки, кельи кажутся норами птиц, скалы стоят стеной. Взобравшись на гору, в объезд по каменистой крутой дороге, вы найдете там несколько домов, принадлежащих к монастырю, обитель настоятеля и сады. Настоятель поведет вас через сады к вершине скалы; вышина ужаснет вас, когда вы приблизитесь к обрыву и станете спускаться по узенькой, вырубленной снаружи лесенке. По положенной над обрывом доске вы перейдете в старую церковь и в искусственные пещеры, вырубленные в камне; в последнюю должны пролезть сквозь узкий проруб. Здесь хранится несколько старых оружий, и широкое отверстие наружу заделано толстыми дубовыми досками, в которых прорублены ружейные амбразуры. Говорят, что здесь в старину христиане скрывались от татар. Возвратившись на уступ скалы, составля-

ющий площадку, вы помолитесь богу в новой церкви, вырубленной также в камне, посетите трапезную и калугерей в их пещерах с одним окошком и трубой, выведенной наружу скалы. Высота скалы над Днестром до ста сажень. Настоятель вас угостит вином своих садов и сотами меду <...>». {А. Ф. Вельтман. Воспоминания о Бессарабии, с. 112, НЗ).

[^^^]

Руссо Жан-Жак (1712 – 1778) – французский философ, политический мыслитель, писатель. Он считал, что ответственность человека перед моральными нормами общества можно усилить, связав их с религией. На это и обращает внимание Вельтман, пересказывая мысль философа.

[^^^]

Стефан III Великий (ум. в 1504) – молдавский господарь в 1457 – 1504 гг. В это время Молдавия вела борьбу с Турцией. В битве 17 января 1475 г. у реки Васлуя молдавское войско одержало победу.

[^^^]

Эдем и Эйрен – различные наименования сказочного рая.

[^^^]

Скюдери Мадлен де (1607 – 1701) – французская писательница, автор многотомных галантно-авантюрных романов «Артамен, или Великий Кир» и «Клелия, или Римская история».

[^^^]

Возможно, имеется в виду 24-я ода I книги од Горация, в которой высказана мысль:

Но, не ропщи, легче мы вынесем
То, что изменить нельзя.

(Перевод О. Румера).

[^^^]

Кишинев – в 1820-е годы заштатный городок, центр Бессарабской области.

[^^^]

В отсутствии Агамемнона в Микенах его жена Клитемнестра вступила в связь с Эгистом и с его помощью убила вернувшегося мужа.

[^^^]

Имеется в виду тот случай гражданского права, когда брак прекращается, так как один из супругов считается «безвестно отсутствующим».

[^^^]

Тит Флавий Веспасиан (41 – 81) – римский император, возглавлявший войска, взявшие и разрушившие Иерусалим. Народ называл его «любовью и утешением человеческого рода».

[^^^]

Друзья, день потеряян! (*лат.*)

[^^^]

...Дид и Ладо... Лель!... – божества древнеславянской мифологии.

[^^^]

Лукулл Луций Лициний (ок. 117 – ок. 56 до н. э.) – римский полководец и политический деятель. Командовал в 74 – 66 гг. до н. э. римскими войсками в Третьей Митридатовой войне. Тигран II Великий (95 – 56 до н. э.) – армянский царь. Был вовлечен в войну с римлянами. Лукулл разбил Тиграна II при Тиграноцере и Артаксате в 69 г. до н. э.

[^^^]

Не знаю (*молд.*).

[^^^]

Кучер (молд.).

[^^^]

Здесь: проклятый Незнайка!

[^^^]

Абуб (угаб) – свирель, древний еврейский музыкальный инструмент.

[^^^]

По Библии, великолепный храм, построенный царем Соломоном в Иерусалиме с помощью тирского царя Хирама. Из Тира доставляла строительные материалы, приглашали лучших архитекторов и художников. Строительство началось около 1010 г. до н. э. и продолжалось семь с половиной лет.

[^^^]

Кирхер Атанасий (1602 – 1680) – немецкий ученый, занимавшийся изучением лингвистики, древностей. Написал исследование о звуках и музыке «*Musurgia universales*» (1650).

[^^^]

Кальме Августин (1672 – 1757) – ученый, родом из Лотарингии, занимался археологией библейских времен. Написал ряд работ по истории еврейского народа, издал «Исторический критический словарь Библии» (1722).

[^^^]

Талмуд (древнеевр.: изречение, обучение) – собрание толкований Библии, религиозных и правовых предписаний, легенд, сложившихся в III в. до н. э. – V в. н. э.

[^^^]

красные сафьяновые носки (молд.).

[^^^]

высокая шапка из мерлушек (*молд.*)

[^^^]

сорт сыра (*молд.*).

[^^^]

Мазил – молдаванский зажиточный житель,
одиндворец.

[^^^]

шапка (мола.).

[^^^]

Арнауты – албанцы, жившие в Бессарабии.

[^^^]

Митрополия – архиерейская домовая церковь в Кишиневе, построенная первым кишиневским митрополитом Гавриилом. Сохранилось описание митрополии в дневнике сослуживца Вельтмана, прапорщика Ф. Н. Лугишша, в записи от 4 июня 1822 г.: «Наконец собрался и я сходить к обедне и был в здешней Митрополии, где бывает довольно много. – Видел там Пушкина; был также и полковник наш, которого сегодня и не узнал я в мундире. – Хорошеньких довольно. Служба совершенно наша, но церковь длиною более похожа на дом; ризы не богаты. После обедни говорил епископ довольно плохую проповедь...» («Литературное наследство», т. 16 – 18. М., 1934, с. 670).

[^^^]

Впервые это стихотворение было опубликовано в 1828 г. в «Сыне Отечества» (№ 1, с. 86), затем напечатано в альманахе «Северная звезда» за 1829 г. (с. 72).

[^^^]

Страбон (63 до н. э. – 17 н. э.) – древнегреческий географ, автор труда «География» в 17-ти книгах. *Ливии Тит* (59 до н. э. – 17 н. э.) – древнеримский историк, автор «Римской истории от основания города» в 142-х книгах, из которых сохранилось 35. *Курций Руф Квинт* (I в. н. э.) – древнеримский историк и ритор, написал «Историю Александра Македонского». *Аммиан Марцеллин* (ок. 330 – ок. 400) – римский историк, автор сочинения «Деяния».

[^^^]

Аттила (ум. 453) – вождь гуннского союза племен. Вполне понятно, что Страбон, Ливии, Курций Руф и Аммиап Марцеллин не могли писать о нем. Вельтман изучал историю походов Аттилы и издал в 1858 г. сочинение «Аттила и Русь IV и V веков».

[^^^]

Децибал – царь даков в I в. п. э. В 86 г. вторгся в Мезию, разбил римлян и захватил большую часть провинции. Впоследствии император Траян разбил даков. Децибал, раненный на поле битвы, лишил себя жизни.

[^^^]

Мезия – в древности страна между Нижним Дунаем и Балканами, потом – римская провинция. *Певцингия* – территория к северу от Мезии, которую занимало племя певкинов. Вельтман использует игру слов: Мезия – мезиец – мизинец.

[^^^]

Плутарх (ок. 46 – ок. 127) – древнегреческий историк, писатель и философ-моралист, автор сочинения «Параллельные жизнеописания», в которое входит «Жизнь Перикла».

[^^^]

Сен-Реаль Сезар Вишар де (1639 – 1692) – французский историк, автор многих сочинений по истории Древнего Рима.

[^^^]

В 480 г. до н. э., в период греко-персидской войны, персидское войско, возглавляемое царем Ксерксом, прорвалось через горный проход Фермопилы, защищаемый греками во главе со спартанским царем Леонидом.

[^^^]

Битва под Марафоном состоялась 13 сентября 490 г. до н. э., в период греко-персидской войны. В ней афижане и платейцы под командованием Мильтиада одержали крупную победу над персидским войском, возглавляемым полководцами Датисом и Артаферном.

[^^^]

В этой и следующих двух главах писатель рассказывает о встрече с Егором Кирилловичем Варфоломеем (см. прим. к отрывку из «Воспоминаний о Бессарабии»).

[^^^]

трубку! (молд.).

[^^^]

прошу, садитесь (*молд.*).

[^^^]

По-молдавски не знает? (*молд.*).

[^^^]

Добрый вечер! (молд.).

[^^^]

Прометей – в древнегреческой мифологии титан, богоборец и защитник людей, научившихся у него пользоваться огнем. За противодействие богам Прометея приковали к кавказской скале, и огромный орел прилетал каждое утро и клевал печень титана.

[^^^]

Ланзелъ – неустановленное лицо.

[^^^]

Аль-Коран (Аль-Куран, букв.: книга, чтение) – собрание высказываний Мухаммеда (Магомета) ибн Абдаллаха (570 – 632), политического деятеля и проповедника, основателя ислама. Коран записан сподвижниками Мухаммеда ибн Абдаллаха после его смерти. Ряд глав (сур) Корана рассказывает о плотских радостях в раю. Так, например, в суре 47-ой говорится:

«16(15). Образ сада, который обещан богобоязненным: там реки из воды не портящейся и реки из молока, вкус которого не меняется, и реки из вина, приятного для пьющих.

17. И реки из меду очищенного. И для них там всякие плоды и прощение от их Господа» (Коран. Перевод И. Ю. Крачковского. М., 1963, с. 404).

Рассказывается в Коране также о наслаждениях с вечнодевственными гуриями. Эти мотивы и использовал Вельтман в рассказе о мухаммеданском рае.

Вельтман написал стихотворение «Мегеммед», посвященное жизненному пути Мухаммеда ибн Абдаллаха. В нем пророк говорит о грядущем рае:

Восток! тебе на лоне Абраэма
Отверсты горние, сапфирные врата,
И вечный цвет любви под пальмами Эдема
Готовит сладкие объятья и уста!
(«Московский телеграф», 1829, № 5, с. 45).

[^^^]

Альборак – конь Мухаммеда ибн Абдаллаха.

[^^^]

Возможно, книга «Асар-и ахмеди», биография Мухаммеда ибн Абдаллаха.

[^^^]

В Библии манна – белые шарики, упавшие с неба и попользованные в пищу евреями, продвигавшимися в пустыне под водительством Моисея. По-видимому, имелся в виду лишайник, встречающийся в засушливых областях Юго-Восточной Европы, Юго-Западной Азии и Северной Африки, он свободно лежит на почве и легко переносится ветром. Земзем – колодец в священном городе мусульман Мекке. Его вода почитается целебной.

[^^^]

Обращение к Е. П. Исуповой.

[^^^]

Сорт мыла; барберские бритвы; ремень для точки; притирания (*франц.*).

[^^^]

...Рафаэль... Азаель! – Вельтман рифмует имя итальянского художника Рафаэля Санти (1483 – 1520) с именем Азаель, напоминающим имена ангелов еврейской мифологии, в число которых входит и ангел Рафаэль (Рафаил).

[^^^]

Стихотворение – отрывок из первого варианта стихотворной повести «Беглец» (см. прим. к отрывку из этого произведения, напечатанному в Дополнениях). Посвящено оно Марии Маврокордато.

[^^^]

Буджак – Буджакская степь, южная часть Бессарабии.

[^^^]

Перечисляются дома жителей Кишинева
1820-х годов.

[^^^]

Местность между Балканами и Дупаем. Здесь жили племена гетов.

[^^^]

Телемак – сын Одиссея; его воспитывал Мен-
тор, побуждавший ученика отправиться в
плавание на поиски отца.

[^^^]

Тирасполь – уездный город Херсонской губернии на берегу Днестра. С 1826 по 1835 г. был крепостью второго класса.

[^^^]

Драбант – телохранитель военачальников, воин особой стражи. Впоследствии – особый гвардеец.

[^^^]

Карл XII (1682 – 1718) – король Швеции, сын Карла XI. После поражения в русско-шведской войне под Полтавой (1709) присоединился к туркам, вел с ними переговоры о совместной войне против России. Война окончилась в 1711 г. Карл XII основал шведскую колонию в Бендерах и старался вновь склонить Турцию к военным действиям. Турки требовали ликвидации колонии. Король Швеции не согласился и с 50 воинами отбивался от отрядов турок и татар. После падения Бендер Карл XII с воинами засел в доме, но строение загорелось. Король бросился к другому зданию, споткнулся, упал и был взят в плен.

[^^^]

манеж (немец.).

[^^^]

за родину! (лат.).

[^^^]

Ореады – в древнегреческой мифологии нимфы гор.

[^^^]

...мититика... сербешты, болгарешты и чабанешты. – Молдавский, сербский, болгарский и чабанский (пастуший) танцы.

[^^^]

Эта карта, приложенная к книге Вельтмана «Начертание древней истории Бессарабии» (1828), была составлена самим автором

[^^^]

Тирас – колония древних греков в устье Дне-
стра.

[^^^]

Паланка – укрепленное селение возле устья
Днестра.

[^^^]

Венера Милосская, всемирно известный памятник древнегреческого ваяния.

[^^^]

Анакреон (ок. 570 – 478 до н. э.) – древнегреческий поэт, который воспевал любовь, вино, праздность.

[^^^]

Аккерман – городок на Днестровском лимане. Он отошел к России по Бухарестскому мирному договору 1812 г. На месте Аккермана был расположен древнегреческий город Тира. Ныне – Белгород-Днестровский.

[^^^]

Овидий Назон Публий (43 до н. э. – ок. 18 н. э.) – римский поэт, сосланный в конце 8 г. н. э. Октавианом Августом в город Томы (ныне Констанца). В этом городе он и умер. На протяжении нескольких веков строились различные, порой фантастические, догадки о местонахождении города Томы. Вельтман тоже интересовался судьбой Овидия. Вопреки собственному стиху «Зачем нам знать, где жил изгнанник сей» в четверостишии, завершающем главу LXXXI «Странника», он много лет настойчиво пытался установить, где в действительности был расположен город Томы. В 1840-е годы до него дошли сведения, что гробница Овидия находится якобы в местности, носившей название Азак. Писатель предположил, что местность называлась Азов, и в 1866 г. опубликовал работу «Дон. I. Место ссылки Овидия». Но тогда уже стало известно, где в действительности находились древние Томы. В романе «Странник» Вельтман решил раскрыть еще одну историческую тайну: что явилось причиной ссылки поэта. И он выдвигает

версию, что Овидий оскорбил творческое самолюбие Августа.

[^^^]

«Оберон» – фантастическая поэма немецкого писателя Христофа Мартина Виланва (1733 – 1813), появившаяся в 1780 г. Семь лет спустя был напечатан ее русский перевод.

[^^^]

Они ничего не слышат? *(немец.)*

[^^^]

Кук Джеймс (1728 – 1779) – английский мореплаватель. Описал свои путешествия к Южному полюсу и вокруг света, плавание в Тихом океане.

[^^^]

Два следующих за этой фразой стихотворных отрывка принадлежат перу Вельтмана. Они взяты из стихотворной сказки «Янко чабан», которую он сочинял в начале 1820-х годов. Рукопись произведения не обнаружена. На свое авторство писатель указал в «Воспоминаниях о Бессарабии». Там же он рассказал кратко о произведении: «Вскоре Пушкин, узнав, что я тоже пописываю стишки и сочиняю молдавскую сказку в стихах «Янко чабан» (пастух Янко), навестил меня и просил, чтоб я прочитал ему что-нибудь из «Янка». Три песни этой нелепой поэмы-буффы были уже написаны; зардевшись от головы до пяток, я не мог отказать поэту и стал читать. Пушкин хохотал от души над некоторыми местами описаний моего «Янка», великана и дурня, который, образовавшись, так рос, что вскоре не стало места в хате отцу и матери, и младенец, проломив ручонкой стену, вылупился из хаты, как из яйца».

(А. Ф. Вельтман. Воспоминания о Бессарабии, с. 131).

[^^^]

Аквилон – римское название холодного северо-восточного или северного ветра. Римляне представляли его, как и другие ветры, в виде божества.

[^^^]

Аврора – в древнегреческой мифологии мать звезд и ветров, утренняя заря.

[^^^]

Феб (Аполлон) – в древнегреческой мифологии один из главных божеств Олимпа. Был также божеством солнечного света, проезжавшим на колеснице по небосклону. Именно в этом облике Аполлон и получил имя *Феба*, т. е. Блестящего.

[^^^]

Фаэтон – экипаж. В древнегреческой мифологии Фаэтон – сын бога солнца Гелиоса. Он попытался управлять солнечной колесницей, но не справился с делом и начал падать. Зевс, чтобы спасти Землю от солнечного огня, поразил его молнией.

[^^^]

Имеется в виду библейское летосчисление, начиная от «сотворения мира».

[^^^]

Юстин – см. прим. 31 к ч. I. Арриан Флавий (между 95 – 175) – древнегреческий историк и писатель, автор сочинения «Анабасис Александра», ценнейшего источника по истории походов Александра Македонского. Курций Руф Квинт – см. прим. 59 к ч. I. Плутарх – см. прим. 63 к ч. I; в его «Параллельные жизнеописания» входит «Жизнь Александра Македонского». Пто-ломей – сподвижник Александра Македонского, составил воспоминания о его деятельности. Диодор Сицилийский (ок. 90 – 21 до н. э.) – древнегреческий историк, автор труда «Историческая библиотека». Фирдоуси Абуль Касим (между 393 и 341 – ок. 1020) – таджикско-персидский поэт, автор «Книги о царях» («Шахнаме»), в которой рассказывается и об Александре Македонском.

[^^^]

Названы арабские писатели и ученые, упоминавшие в своих произведениях об Александре Македонском. Транскрипция их имен отличается от принятой в настоящее время.

[^^^]

Абдал Рахман бен Ахмед – Джами Абдуррахман Нураддин ибн Ахмад (1414 – 1492) – таджикско-персидский писатель. Написал прозаическое произведение со стихотворными вставками «Бахаристан» («Весенний сад»). В известном тексте произведения нет поэмы, близкой «Эскандеру», на что намекает и Вельтман в следующих ниже строках. Высказывалось мнение, что ссылка на Джами восходит к какому-нибудь сомнительному источнику. Представляется более вероятным, что указание Вельтмана на «первоначальный манускрипт» – мистификация. У Джами есть произведение «Книга мудрости Александра Македонского», но в ней тоже не упоминается история, рассказанная Вельтманом.

[^^^]

Вавилон (аккадское: Бабилу, букв.: врата бога) – в древности город в северной части Двуречья на берегу Евфрата. В 331 г. до н. э. Вавилоном овладел Александр Македонский.

[^^^]

Поэма написана 10 июня 1828 г. В 1831 г. она была напечатана в «Московском телеграфе» (№ 2) с примечанием издателя: «Читатели припомнят, что в Мифах Востока под именем истории Эспандера повествуется история Александра Македонского» (с. 195). О последней любви Александра к Зенде Вельтман говорит и в романе «Александр Филиппович Македонский» (см. Дополнения). Черновая рукопись напечатана в Дополнениях.

[^^^]

Легенды о происхождении Александра Македонского приводятся Вельтманом в гл. XXVII. На самом деле отец Александра – Филипп II Македонский (ок. 389 – 336 до н. э.).

[^^^]

Имеется в виду Зевс.

[^^^]

Эритреей в древности называли Красное, или Чермное море.

[^^^]

Амон (Аммон) – древнеегипетский бог. В Египте Александр посетил святилище Амона, и жрец объявил его «сыном Амона».

[^^^]

Город Александрия, основанный Александром в 332 – 331 гг. до н. э.

[^^^]

Ганг – река на полуострове Индостан. Александр со своими войсками достиг реки, покоря Западную Индию.

[^^^]

В IV в. до н. э. территория Ирана входила в состав древнеперсидской державы Ахеменидов. Под индийскими царствами Вельтман имел в виду ряд рабовладельческих государств, к середине I тысячелетия до п. э. образовавшихся на полуострове Индостан, из которых в источниках упоминаются Магадха, Гандхара, Каша-ла, Анга и др. В период вторжения войск Александра часть долины р. Инд была завоевана Ахеменидами.

[^^^]

Бел – ассиро-вавилонское верховное божество.

[^^^]

В мифологии мусульманского Востока лесные дебри под непроницаемым для солнца сводом которых сохраняется источник «живой воды», называемый Аб-Хэйд (Аб-и хайяб).

[^^^]

Парки (Мойры) – в древнегреческой мифологии богини человеческой судьбы Киото, Лахесис и Атрона. Первая прядет нить человеческой жизни, вторая проводит через все уготованные судьбою превратности жизни, третья перерезает нить, обрывая жизнь человека.

[^^^]

Аб-Хэид – см. прим. 137.

[^^^]

Звезды Тау и Азада... – звезды первой величины в созвездии Орла и в созвездии Льва.

[^^^]

Хаабаха (Кааба) – храм в Мекке, святыня мусульман. В нем хранится священный черный камень.

[^^^]

Серapis – в древнеегипетской мифологии бог подземного царства.

[^^^]

Имеется в виду миф об увлечении Зевса Ледой, дочерью царя Этолии. Когда Леда купалась в реке, бог приплыл к ней в образе лебедя.

[^^^]

Истакар – столица персидского государства в VI – V вв. до н. э. Город был взят и разрушен Александром Македонским в 330 г. Роскошный дворец царей погиб во время пожара.

[^^^]

Понт (древнегреч.) – море. Имеется в виду Эгейское море.

[^^^]

Лектон – мыс в Малой Азии у Эгейского моря.

[^^^]

Фаланга – паукообразное ядовитое насекомое, встречается в теплых и жарких странах. Одновременно фаланга в Древней Греции и Македонии – прямолинейное построение для боя тяжеловооруженной пехоты. У Вельтмана – игра омонимами.

[^^^]

Элоиза (ок. 1079 – 1163) – подруга, впоследствии супруга французского философа и поэта Пьера Абеляра (1079 – 1142). Прославилась своей скромностью, преданностью, терпением и умом. Замечательным эпистолярным памятником являются ее послания к Абеляру, с которым она была разлучена.

[^^^]

Тавернье Жан Батист (1605 – 1689) – французский путешественник, совершал экспедиции в страны Азии, умер в Москве. Оставил среди прочих сочинение «Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию». Писал о предполагаемом местонахождении вавилонской башни. По Библии, в земле Сенаар (Месопотамия) строился город-башня (столп), вершина которого должна была достигнуть небес. Бог был возмущен дерзкой попыткой, смешал языки людей, они были лишены возможности говорить друг с другом и рассеялись по земле. В мифическом сказании отразилось строительство в Вавилонии гигантских зиккуратов осуществлявшееся многоязычными племенами.

[^^^]

Тексьер Шарль Феликс Мари (1802 – 1871) – французский путешественник и археолог. В 1829 г. изучал Персию, Армению, Месопотамию. Возможно встречался на пути с Вельтманом.

[^^^]

Царь Шахрияр, которому рассказывала сказки Шахразада, владычествовал над островами Индии и Китая, как упомянуто в «Рассказе о даре Шахрияре». А действие сказок происходит в Багдаде и Дамаске, Каире и Басре, Андалузии и в Медном городе, во владениях Синего царя джиннов и прочих волшебных царствах.

[^^^]

Калиф Алмазор – Абу Джафер Абд-алла бен Мохаммед аль Мансур (аль Мап-сур – находящийся под покровительством бога) (712 – 775) – второй калиф из Дома Аббасидов.

[^^^]

Мицкевич Адам (1798 – 1855) – польский поэт.
Создал сонет «Аккерманские степи», в котором писал:

Я выплыл на простор сухого океана;
Возок мой, как ладья, ныряет по волнам
Шумящих буйных трав, минуя там и сям
Уступы островов коралловых бурьяна.
(перевод О. Румера)

Первые переводы сонета на русский язык
были напечатаны в 1828 г.

[^^^]

сейчас (*немец.*).

[^^^]

Румянцев Петр Александрович (1725 – 1796) – русский полководец и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. Во время русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. командовал Второй, а затем Первой действующей армией, 21 июля (1 августа) 1770 г. разгромившей турок у реки Кагул.

[^^^]

Суворов Александр Васильевич (1729 – 1800) – русский полководец. Во время русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг. русские войска блокировали в ноябре 1790 г. Измаил, принадлежавший Турции. 2(13) декабря того же года под крепость прибыл командующий русскими войсками Суворов. 11(22) декабря был начат штурм. После кровопролитного сражения русские войска овладели крепостью.

[^^^]

Псаметтих I Уахибра (Псам:тик) – египетский фараон 665 – 611 до п. э. В борьбе с Ассирией восстановил независимость Египта.

[^^^]

Амстердам, столица Нидерландов, лежит в дельте реки Амстеля у залива Эйселмер (Зейдерзее) и пересечен рядом каналов (Сингел, Кайзерсгахт, Принсенгахт, Херенграхт и др.). Вилково, «Дунайская Венеция», – поселок, порт на Дунае, расположен на островах, разделенных большим количеством каналов и проток.

[^^^]

Ки́лия – городок, порт на Ки́лийском рукаве Дуная. Измаил расположен в 50 км от Ки́лии. В прошлом – крепости.

[^^^]

сладкое блюдо из варенья (*молд.*).

[^^^]

Возможно, имеется в виду Гварино (ум. 1460) – итальянский гуманист, учившийся в Константинополе, переводивший Плутарха, Страбона, Ливия, Плавта.

[^^^]

Кромвель Оливер (1593 – 1658) – деятель Английской буржуазной революции XVII в., вождь индепендентов, лорд-протектор Англии с 1653 г. Неоднократно проявлял незаурядную опытность при подготовке государственных документов.

[^^^]

Леви Пьер Марк Гастоп де (1755 – 1830) – французский писатель, автор «Максим и мысли на различные темы» (1808).

[^^^]

Ла Мотт Антуан Удар де (1672 – 1731) – французский драматург, автор пьес на исторические темы. Известен его перевод «Илиады».

[^^^]

Лабрюйер Жан де (1645 – 1696) – французский писатель, сатирик-моралист, автор книги «Характеры, или Нравы нашего времени».

[^^^]

Речь идет, видимо, о герое философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм». Кандид был изгнан из замка барона Тундер-теа-Тронка, так как вознамерился дать его дочери Кунигунде урок «экспериментальной физики», подобный тому, что давал его наставник Панглос горничной баронессы в маленькой роще.

[^^^]

В древнегреческих мифах Хариты – дочери Зевса и Ев-риномы (или Геры): Ефросина, Талия, Аглая (по Гесиоду). У Гомера несколько Харит. Были богинями плодородия, позднее – красоты, радости.

[^^^]

Эгид (эгида) – щит Зевса. В переносном смысле – покровительство, защита.

[^^^]

Адеона – римская богиня, покровительница путешественников.

[^^^]

Керам – в древности город в Малой Азии.

[^^^]

Темляк – тесьма с кистью на эфесе сабли.

[^^^]

Алкмен (Алкамен) (2-я пол. V в. до и. э.) – древнегреческий скульптор, ученик Фидия. Автор скульптур «Прокна и Ирис», «Афродита в садах», «Геката» и др.

[^^^]

просмотренное, выверенное, дополненное и
иллюстрированное (*франц.*).

[^^^]

Сатурн – древнеримский бог посевов, отождествлялся с Кроном. Имя бога связывалось с легендой о золотом веке – периоде повсеместного изобилия, равенства и вечного мира.

[^^^]

Сусанна. – В Библии (Дан. XIII) – красавица, жена Иоакима, оклеветанная старейшинами: они заявили, будто она нарушила супружескую верность. Царь Даниил оправдал ее и спас от смерти.

[^^^]

дом (молд.).

[^^^]

маленькая, малышка (*молд.*).

[^^^]

Священник (молд.).

[^^^]

Лев – денежная единица, имевшая хождение на Балканах.

[^^^]

...поездив на долгих... – т. е. в экипажах без перекладных. Поездка продолжалась медленно, так как лошадей не подгоняли, чтобы они не выдохлись быстро.

[^^^]

Яссы – в 1820-х годах главный город в господарстве Запрутской Молдавии (Молдовы), резиденция господаря и греческого митрополита.

[^^^]

Киферея (Цитерея) – одно из прозвищ Афродиты. Имеется в виду ее сын Эрот. Вельтман обращается к богу любви с просьбой снабдить его крыльями, чтобы улететь на берега Крыма (Тавриды), где его должна поджидать Е. П. Исупова.

[^^^]

Одна из самых высоких вершин Крымских гор.

[^^^]

Цинциннат Луций Квинкций (род. ок. 519 до н. э.) – римский государственный деятель и полководец. Возвращаясь из походов, он жил в деревне, возделывал землю; считался образцом доблести и скромности.

[^^^]

Когда *какая-то* помещено перед существительным *вещь*, эти два слова часто употребляются как одно... например: вы читали эту книгу? Нет, я читал какую-то, показавшуюся хорошей. (Франц. грам. Л'Омонда, просмотренная, выверенная, и дополненная Летелье, двенадцатое издание, страница 128) (франц.). [Французская грамматика Л'Омонда была популярна в России в первых десятилетиях XIX в.]

[^^^]

Имеется в виду следующий после четырех возрастов человечества, описанных в античных мифах: золотого, серебряного, медного и железного веков.

[^^^]

Изуара – Ишвара, одно из имен Шивы, бога индийской мифологии.

[^^^]

Ом – священное слово, торжественное обращение, благословение, употреблявшееся в начале молитв и религиозных церемоний Древней Индии, ставилось в начале книг. В соответствии с индийской фонетикой слово состоит из звуков А. У. М., символизирующих три Веды (древнейшие памятники индийской словесности).

[^^^]

Паолино ди Санто Бартоломео – миссионер, в 1790 г. напечатал первую санскритскую грамматику.

[^^^]

Ланглес Луи Матье (1763 – 1824) – французский востоковед.

[^^^]

Джонс Уильям (1746 – 1794) – английский языковед, перевел и издал ряд индийских текстов. Он выдвинул гипотезу о происхождении санскрита от некоего общего праязыка.

[^^^]

Вилькинс (Уилкинс) Чарлз (ок. 1739 – 1846) – английский языковед, переводчик индийской литературы. В 1808 г. издал грамматику санскрита, пользовавшуюся большой популярностью. Начал печатать санскритские тексты.

[^^^]

Деванагари – наиболее употребительный в Индии шрифт.

[^^^]

...*Байрон* – *Бейрон* – *Бирон*. – Различная русская транскрипция фамилии английского поэта Байрона (Byron).

[^^^]

В Османской империи. Махмуд II (1784 – 1839) – турецкий султан в 1809 – 1839 гг.

[^^^]

Эзонка – шутливое обращение к слуге, поводом к которому служило его внешнее безобразие и кажущееся глубокомыслие. Легенда об Эзопе рассказывает, что баснописец был слугой и отличался непривлекательной внешностью.

[^^^]

Пенелопа – супруга Одиссея.

[^^^]

Асфальтовое море – Мертвое море.

[^^^]

Вертумн – этрусское божество земледелия и садов. Вошел в пантеон римских богов.

[^^^]

Маньчжурское царство – государство Маньчжу (Маньчжурия), существовавшее на территории Северо-Восточного Китая в первой половине XVII в.

[^^^]

Гора в Центральной Азии.

[^^^]

Водоем с купальней, находившийся на юго-восточной стороне Иерусалима, у подошвы Сиона и Марии. По Новому завету, в нем омылся, по указанию Иисуса Христа, слепой и прозрел.

[^^^]

Ксеркс (древнеперс: Хшаяршак) (ум. 465 до н. э.) – древнеперсидский царь из династии Ахеменидов. Убит в результате дворцового заговора.

[^^^]

Тромб (торнадо) – разрушительный смерч, вихрь, наблюдаемый в нижних слоях атмосферы в теплое время года.

[^^^]

Шимборазо (Чимборасо) – потухший вулкан, вершина южно-американских Анд (Кордильер).

[^^^]

Καρκυφ – см. гл. LXXXVII.

[^^^]

Цитереида – остров Кифра (Цитера) в Греческом архипелаге.

[^^^]

Эрихон (Иерихон) – древний город Палестины.

[^^^]

Саннин – гора в Палестине.

[^^^]

Кулихан – Надир-шах Афшар (1688 – 1747), шах Ирана. Благодаря успешным завоевательным войнам создал обширную империю.

[^^^]

Арабская Венера (*прим. автора*).

[^^^]

Зодиак – двенадцать созвездий. В форме животного цикла был принят у древних греков и заимствован у них египтянами. Известный древнеегипетский зодиак находился в храме Дендер.

[^^^]

елей

[^^^]

Согласно традиционной хронологии, основание государства в Древнем Китае относится к XVIII в. до н. э. (период Шень-Инь). Сыма Цянь сообщает в «Шицзы» («Исторических записках»), что Чэн Тан, предводитель племени шан, сверг последнего представителя «династии Ся» и объединил под своею властью «Поднебесную».

[^^^]

Мифический властитель Китая Тай-хао, или Пао-си. Он имел прозвище Фу-си.

[^^^]

...Пилънай, Езоп... – Бидпай (иск.: Пильпай), от древнеид. Будхапати – легендарный баснописец, предположительно VIII в. до н. э., составитель собрания басен, широко распространившихся у народов Востока и Запада. Одним из известнейших сборников, включающих басни, сказки и рассказы, является «Панчачаитра». Эзоп (VI – V вв. до н. э.) – полупоуподобный древнегреческий баснописец. Дошедшие до нас басни, приписываемые Эзопу, были собраны греческим монахом Максимом Планидой.

[^^^]

Грек из города Эфес Герострат поджег храм Артемиды Эфесской, считавшийся седьмым чудом света, чтобы обессмертить свое имя.

[^^^]

Ян-ди – бог солнца в китайской мифологии.
Его называли и Шен-нун – бог земледелия.

[^^^]

Имеется в виду библейская Ева, вкусившая плод познания, изведавшая влечение к Адаму и затем раскаяние в соделанном.

[^^^]

В монгольском языке есть понятие «амар» – «спокойный», «благополучный». У Вельтмана игра слов.

[^^^]

Сады Альциноя, легендарного царя феаков на острове Схерия, внука Посейдона. Алкиной гостеприимно встретил Одиссея, выброшенного морем на остров.

[^^^]

Гомер. Древнегреческое произношение имени поэта используется для игры слов: Амур – Омир.

[^^^]

В данном абзаце пересказываются следующие стихи из седьмой песни «Одиссеи», повествующие о саде Альциноя:

Был за широким двором четырехдесяти-
ный богатый

Сад, обведенный отсюда высокой огра-
дой; росло там

Много дерев плодоносных, ветвистых, ши-
роковершинных,

Яблонь и груш, и гранат, золотыми плода-
ми обильных,

Также и сладких смоковниц и маслин, рос-
кошно цветущих.

(Перевод В. А. Жуковского)

[^^^]

Любимая жена основателя ислама Мухаммеда ибн Абдаллаха.

[^^^]

В Библии рассказывается, как пастух Давид поразил пращой великана – филистимлянина Голиафа, угнетавшего древних евреев. После победы Давид стал царем Иудеи.

[^^^]

Омар ибн аль-Хаттаб (Омар I) (581 или 591 – 644) – сподвижник Мухаммеда ибн Абдаллаха, халиф. При нем арабские войска захватили огромные территории в Азии и Африке.

[^^^]

Бым-бешлы-ага и диван-эффенди – представители турецкой власти при владетельном князе – государе Молдавии (Молдовы).

[^^^]

Этерист – член тайной революционной организации (этерии, гетерии) в Греции второй половины XVIII – начала XIX в. – Эти организации ставили своей целью освободить страну от турецкого ига. Общенациональным союзом являлась «Фи-ликп Этерия». В 1821 г. этеристы подняли восстание во главе с Александром Ип-силанти, закончившееся неудачей.

[^^^]

Агата́нгел (Агафангел), *Иоанн* – святые православной католической церкви.

[^^^]

Идет, идет русский воин! Идет императорская
конница! слава государю (*рум.*).

[^^^]

Да здравствует! (*новогреч.*).

[^^^]

и я (молд.).

[^^^]

14(26) апреля 1828 г. Россия объявила войну Турции и русская армия начала переправу через р. Прут.

[^^^]

Имеется в виду фрагмент из книги «Начертание древней истории Бессарабии», опубликованный в «Московском телеграфе» (1828, № 4, с. 568 – 575) под заголовком «О древних укреплениях, под названием Траянова вала, существующих в Бессарабии».

[^^^]

Гуераз – залив в Средиземном море.

[^^^]

Библейская легенда об исходе древних евреев из Египта рассказывает, что перед ними отступили волны Красного (Чермного) моря под взмахом чудодейственного посоха их вождя Моисея.

[^^^]

Потемкин Григорий Александрович (1739 – 1791) – русский государственный и военный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал. Тяжело заболел во время переговоров с Турцией в Яссах и умер 5(16) октября недалеко от города. Вельтман рассказывает в воспоминаниях о могиле Потемкина:

«От местечка Скулян, по дороге в Кишинев, почти па половине дороги к почте Резени, перед подъемом на лесистый хребет, который тянется от Магурской высоты, на оконечности выдавшегося отрога, на самом пути стоит каменный столб; тут па вершине, в изображении герба, с четырех сторон надписи о времени смерти Потемкина и стихи, сколько мне помнится, следующие:

На месте сем он кончил путь средь поль;
Вот жизни славная плачевная юдоль!

До 1825 г. здесь пролежала дорога из Ясс через Скуляны в Кишинев, и скромный памятник низвергнутого смертию величия напоминает каждому проезжему суету сует и всяческую суету. Но теперь почтовая дорога для

объезда хребта отведена на несколько верст ниже, а памятник остался на холме у мрачного подножия крутизны, которую стоило бы назвать «Тщеславием». (А. Ф. Вельтман. Воспоминания о Бессарабии)

[^^^]

Этот эпизод Вельтман описал в «Воспоминаниях о Бессарабии»: «Я отправлял тогда должность обер-квартирмейстера и получил предписание прибыть в Кишинев, несмотря на разлив Днестра. Я отправился ночью, подъехал к карантину Парканскому и видел уже не реку перед собою, но море, и в дали крепость Бендеры как на острове. Лодки переправы были за наводнением. Убеждение карантинных чиновников переждать ночь не остановило меня. Стоя на почтовой телеге, я пустился вплавь, доехал счастливо до места переправы, но надо было еще грозить через реку паромщикам, которые были за рекой на островке, образовавшемся из кургана. Они не решились перевозить, но угрозы подействовали: они приплыли на сплоченных двух лодках, и я переправился на островок, послал в Бендеры за лошадьми и снова вплавь доехал до нагорного берега. У молодости как будто несколько жизней в запасе». (А. Ф. Вельтман. Воспоминания о Бессарабии).

[^^^]

Юпитер (Зевс) явился Европе, дочери финикийского царя Агенора, в виде быка, похитил девушку и приплыл с нею на Крит.

[^^^]

Самолет – плавательное устройство, использовавшееся саперами при форсировании рек.

[^^^]

генерал-лейтенанта.

[^^^]

Букарест (Бухарест) – до 1861 г. столица Валахского государства.

[^^^]

Дай мне цыганского, молдавского, румынского, греческого, красавица! эй быстрее! кушать! {молд.}

[^^^]

Что угодно господину?

[^^^]

Кушать господину! (*франц.*).

[^^^]

Сейчас, что вы желаете? *(немец.)*

[^^^]

У нас есть водочка *(немец.)*.

[^^^]

отлично! (*немец.*).

[^^^]

желаєте? (молд.).

[^^^]

Шелковая ткань!... *(турецк.)*.

[^^^]

Торговец (*идиш*).

[^^^]

Я вам кое-что покажу! *(идиш)*.

[^^^]

Прошу, прошу! (*молд.*).

[^^^]

Извините, пожалуйста, наш господин {ту-
рецк.}).

[^^^]

А вот каплун с салатом! (*новогреч.*).

[^^^]

евнух.

[^^^]

Мать вашу... (турецк.).

[^^^]

Диван – государственный совет при государе Валахии.

[^^^]

Дата назначения князя Каллимахи господарем запомнилась Вельтману в связи с событиями, о которых он рассказал в «Воспоминаниях»:

«В то время в Валахии возникло уже восстание. В голове его был некто Федор Владимиреско, командовавший во время войны русских с турками отрядом пандур. Но целью этого восстания было избавление себя от ига фанариотов, назначаемых в князя Молдавии и Валахии. Покуда Порта назначала Каллимахи господарем Валахии по смерти Александра Суццо, Владимиреско овладел уже всею Малою Валахией. Никто не предвидел, чтоб эта искра была началом етерии (товарищества во имя спасения Греции) и имела те последствия, которые совершились на глазах наших». (А. Ф. Вельтман. Воспоминания о Бессарабии).

[^^^]

Державин Гаврила Романович (1743 – 1816) – русский поэт.

[^^^]

Фидий (вторая половина V в. до н. э.) – древнегреческий скульптор, изваял мраморные скульптуры храма Парфенона, в том числе знаменитую Афину Парфенос, создал фигуру Зевса для храма в Олимпии, бронзовую фигуру Афины Промахос на Акрополе.

[^^^]

Пери (пере: крылатый) – в восточной мифологии прекрасные, добрые существа, борющиеся со злыми существами (дивами, дэвами). Образ пери вошел в европейскую поэзию XIX в. благодаря английскому поэту Т. Муру, создателю поэмы «Лал-ла Рук», вторая часть которой имела название «Рай и Пери». В. А. Жуковский перевел в 1821 г. «Рай и Пери» под названием «Пери и ангел».

[^^^]

колясках (рум.).

[^^^]

Геспериды, дочери Геспера (по другой легенде – Атланта и нимфы Геспериды), жили в саду на далеком Западе, где росла яблоня с золотыми плодами. Геспериды хранили чудесные яблоки. Мифы различно рассказывают о том, что золотые яблоки в конце концов достались Гераклу.

[^^^]

Здесь: высшая мера (*лат.*).

[^^^]

Нелепой (формы) (*франц.*).

[^^^]

Букв.: как летающий ангел! (фасон рукава)
(франц.).

[^^^]

Госпожа модистка (*франц.*).

[^^^]

Дамского журнала (франц.).

[^^^]

Коляска подана! (рум.).

[^^^]

Вечер добрый/ *(новогреч.)*.

[^^^]

То же на турецком, румынском, русском, французском и немецких языках.

[^^^]

Как вы...вы...вы...вы поживаете? *(немец.)*

[^^^]

светского общества (*франц.*).

[^^^]

Монтескю (Монтескье) Шарль Луи де Секонда, барон де Ла Бред (1689 – 1/55) – французский философ, писатель, публицист. Автор «Персидских писем», поэм в прозе «Книдский храм» и «Путешествие в Пафос». Создал философско-политические сочинения «Рассуждение о причинах величия и упадка римлян», «О духе законов» и др.

[^^^]

Реомюр Рене Антуан (1683-1757) – французский естествоиспытатель, создатель оригинальной шкалы термометра.

[^^^]

Волней (Вольпе) Константин Франсуа (1757-1820) – французский просветитель, автор сочинения «Руины, или Размышления о революциях империи».

[^^^]

Шагэ-муни (Шакия-Муни, т. е. отшельник из рода Шакьев) – Сиддхартха из рода Гаутамы, Будда.

[^^^]

Намек на судьбу великого князя Святослава, погибшего в сражении с печенегами, использовавшими его череп в виде чаши. К этому эпизоду Вельтман не раз обращается в своем творчестве. Гибель Святослава описана в повести «Райна, королева болгарская». Обращается Вельтман к эпохе Святослава и в научных трудах.

[^^^]

Император Николай I принимал непосредственное участие в руководстве действиями русской армии во время кампаний 1828 и 1829 гг. Штабс-капитану Вельтману, старшему адъютанту и начальнику исторического отделения Главной квартиры Второй армии, было поручено составлять реляции и вести дневник боевых действий, а из дневника делать специальные выписки непосредственно для Николая I.

[^^^]

Ганеман Самуэль (1755 – 1843) – немецкий врач, основатель гомеопатии.

[^^^]

По Библии, Авель – второй сын Авраама, убитый из зависти своим братом Каином. Эпитет «авелианец», т. е. образец кротости и невинности, употреблен автором в ироническом смысле.

[^^^]

Вобан Себастьян ле Претр (1633 – 1707) – французский военный инженер, экономист. *Сен-Поль* Франсуа де Бурбон (1491 – 1541) – французский военачальник. *Фолард* Жан-Шарль (1669 – 1752) – французский военный писатель. *Белидор* Бернар Форест (1697 – 1761) – французский военный инженер. *Кегорн* (Когорн) Менно (1641 – 1704) – голландский военный инженер. *Кормонтанъ* Луи де (1695 – 1752) – французский военный деятель.

[^^^]

Орден св. Георгия, учрежденный в 1769 г. Им награждались генералы и офицеры за военные отличия.

[^^^]

Популярная песня начала XIX в.

[^^^]

Дарий / – древнеперсидский царь из династии Ахеменидов, правивший в 522 – 486 гг. до н. э. В 522 – 521 гг. подавил восстание скифских племен в Средней Азии. В 512 г. совершил (по Геродоту) неудачный поход против скифов Причерноморья.

[^^^]

Имеется в виду басня о петухе, нашедшем жемчужину, но презревшем ее как бесполезную.

[^^^]

Рошефоколъд – Ларошфуко Франсуа де (1613 – 1680), французский писатель-моралист, автор сочинения «Размышления, или Моральные изречения и максимы» (1665).

[^^^]

Бунчук – воинская регалия, короткое древко с привязанным конским хвостом.

[^^^]

Булъи Жан Николя (1763 – 1842) – французский писатель, драматург. Автор популярных в начале XIX в. комедий.

[^^^]

Валентини (1775 – 1834) – военный деятель прусской армии, в 1810 г. участвовал в турецком походе русской армии. Автор книг о военном искусстве.

[^^^]

Кастраметация (от лат. castra – лагерь и metor – измеряю) – отдел военного искусства, изучающий выбор места для расположения лагеря и полное его обеспечение.

[^^^]

Монтанъ (Монтень) Мишель де (1533 – 1592) – французский философ и писатель, автор сочинения «Опыты» (кн. 1 – 3).

[^^^]

Наше ночное бдение более сопливо, нежели сон; наше благоразумие менее разумно, нежели безрассудство; наши мечты стоят больше, чем наши рассуждения (*Франц.*).

[^^^]

Эреб в древней мифологии – олицетворение вечного мрака, супруг Никты (Ночи).

[^^^]

Напоминание эпизодов из романа Ж. Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». В героиню, аристократку Юлию Вольмар, был влюблен бедный учитель Сен Пре, что привело к нравственному конфликту.

[^^^]

Гельвеция – латинское название Швейцарии.

[^^^]

Гезиод (Гесиод) – древнегреческий поэт VIII – VII вв. до н. э. Автор дидактических поэм «Работы и дни», «Теогония».

[^^^]

Стихотворение впервые было написано в письме к В. П. Горчакову, квартирмейстеру 16-й пехотной дивизии, учившемуся вместе с Вельтманом в Московском учебном заведении для колонновожатых. Там оно начиналось стихами:

Еще я ветрен на беду,
Но верю – поздно или рано
В герои чудного романа
И на виньетку попаду;
Меня любовь, как омут, тянет (...)
(ОР ГЕЛ, ф. 47, р. 1, к. 28, ед. хр. 1, л. 58)

[^^^]

Зороастр (Заратуштра) – пророк и реформатор религии Древнего Ирана. Вельтмана интересовали его деятельность и учение. В 1830 г. в «Московском телеграфе» (№ 2, с. 177, 178) было опубликовано стихотворение Вельтмана «Зороастр», в котором говорилось:

Так, это он! Тревога воскипела,
И в Вактре маг! Огнь вспыхнул до небес:
Повержен в прах кумир блестящий Бела
И великан златой Сандес!

[^^^]

Зенит – точка небесной сферы, расположенная над головой наблюдателя; в зените небесную сферу пересекает линия, направленная из места наблюдения вертикально вверх. Точка небесной сферы, противоположная зениту, называется надиром.

[^^^]

Галлер Альбрехт (1708 – 1777) – швейцарский естествоиспытатель и поэт. Вельтман имеет в виду мысли Галлера, изложенные в философской поэме «О происхождении зла», переведенной на русский язык Н. М. Карамзиным в 1786 г.

[^^^]

шатар.

[^^^]

Нахимов Аким Николаевич (1782 – 1814) – русский поэт.

[^^^]

Старший адъютант.

[^^^]

Дормез – карета, приспособленная для спанья.

[^^^]

Брашеванка – легкая повозка с верхом.

[^^^]

Шамполъон Жан Франсуа (1790 – 1832) – французский египтолог. Дешифровал египетское иероглифическое письмо.

[^^^]

Не пожелай зла своему народу! (*турецк.*).

[^^^]

Чемидзан – видимо, от пере. Шемр-зан; здесь:
Великий герой.

[^^^]

Указ (турецк.)

[^^^]

Хабрий – афинский полководец IV в. до н. э. Был прославлен своими победами. Погиб в 357 г. до н. э. в морском сражении при Хиосе.

[^^^]

Юмористическая перефразировка известных слов Гамлета «Быть или не быть...»

[^^^]

Григорий Девятый – римский папа (1145 – 1241), сделавший инквизицию постоянно действующим органом католической церкви и учредивший в ряде стран инквизиционные трибуналы.

[^^^]

Имеется в виду фраза шекспировского короля Лира:

Гром, дождь, огонь, – не дочери вы мне...
(Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник)

[^^^]

Отрывок из письма Вельтмана к Е. П. Исуповой.

[^^^]

Кабанис Пьер Жан Жорж (1757 – 1808) – французский философ, врач. Пришел к идеям витализма – течения в биологии, допускающего наличие в организмах особой нематериальной жизненной силы.

[^^^]

Язон (Ясон) – герой древнегреческой легенды, посланный за золотым руном. Возглавил поход мореплавателей на корабле «Арго».

[^^^]

В данном абзаце Вельтман насмешливо отзывается на резкую критику, которой подверг первую часть «Странника» журнал «Телескоп» (см. об этом: Ю. М. Акутин. Александр Вельтман в русской критике XIX века. – «Проблемы художественного метода в русской литературе». М., 1973, с. 56 – 77).

[^^^]

В конце мая 1810 г. крепость Силистрия на правом берегу Дуная была осаждена русскими войсками под командованием С. М. Каменского. 29 мая (10 июня) крепость была сдана турками.

[^^^]

Перечисляются русские военачальники, участвовавшие в русско-турецких войнах 1735 – 1739, 1768 – 1774, 1787 – 1791, 1806 – 1812 гг.

[^^^]

От удовольствия сильно бьется сердце
(итал.).

[^^^]

Эмос – горная местность к западу от р. Прут.

[^^^]

Плиний Цецилий Секунд Гай (Плиний Младший) (61 или 62 – ок. 114) – римский писатель в государственный деятель. Сохранился сборник писем Плиния и похвальная речь Траяну.

[^^^]

а для чужестранца не будет чужим в образе человека (*лат.*).

[^^^]

Минерва – римская богиня. Полководцы приносили в посвященный ей храм воинские трофеи.

[^^^]

Опора Моцарта «Милосердие Тита» на античный сюжет была создана в 1791 г.

[^^^]

Хайдн (Гайдн) Франц Иозеф (1732 – 1800) – австрийский композитор, автор оратории «Сотворение мира» (1798).

[^^^]

Лавагер – Лафатер Иоганн Каспар (1741 – 1801), швейцарский философ, писатель, автор «Физиогномики», вышедшей на русском языке в 1817 г. Лафатер утверждал, что изучение черт лица дает возможность получить полное представление о человеке.

[^^^]

Стихотворение обращено к товарищам по топографическим съемкам, которые затем вели камеральную обработку материалов в Хотнве. Произведение примыкает к «Посланию к друзьям».

[^^^]

В первом издании второй части романа было помещено сокращение «К.В.Ч.», набранное крупным жирным шрифтом.

[^^^]

Автор «Ст...». Что думаете вы о моей книге?

Дама... Я поступаю как вы, мсье, я не думаю.

«Луций Апулей» Ривароля (франц.).

[^^^]

Стыдно говорить (*лат.*).

[^^^]

Еврейская суббота {украин.}.

[^^^]

Славная улица (молд.).

[^^^]

как водится, или: по обычаю (*молд.*)

[^^^]

Не огромное благо, но благая огромность (*новогреч.*).

[^^^]

Фригия – древняя область Малой Азии с развитым земледелием и скотоводством.

[^^^]

Аполлон вместе с Посейдоном служил царю Трои Лаомедонту. Боги обнесли Трою неприступными стенами.

[^^^]

Аполлон был в изгнании с Олимпа {прим, автора).

[^^^]

Роман печатался в пестрой, серо-коричневой обложке, список опечаток не был составлен.

[^^^]

ах! (он смеется) *(франц.)*.

[^^^]

Ида – горная цепь близ Трои, где, по преданию, происходил суд Париса, решавшего, какой богине должно достаться яблоко Эриды.

[^^^]

Приам – последний царь Трои.

[^^^]

Перечисляются города, приписывавшие себе честь быть родиной Гомера. Семь городов претендовали на эту славу; Вельтман не назвал Аргоса.

[^^^]

Древнегреческий комический эпос, являющийся пародией на «Илиаду». В нем описывается война мышей и лягушек. Автор не установлен. Плутарх приписывал эпос Пигрету. Во всяком случае, нет оснований относить «Ватрахомиомахию» к сочинениям Гомера.

[^^^]

Маттеи Христиан Фридрих (1714 – 1811) – филолог, родом из Саксонии. В 1772 – 1784 гг. служил в России, был в Москве ректором университетских гимназий и профессором словесных наук. С 1803 г. до смерти являлся заведующим кафедрой греческой и римской словесности Московского университета. Был видным палеографом, издавал древние рукописи, найденные в Москве, в том числе «Гимн Церере».

[^^^]

Continova, сущ. ж. р. – продолжение. (*Новый карманный словарь*). (итал. -франц.).

[^^^]

Оркан Гази (1280 – 1360) – турецкий султан, вел войну с Византией.

[^^^]

Галлиполи – принятое в литературе название города Гелиболу в Турции.

[^^^]

Ну и Неразбериха! {молд.}.

[^^^]

Речь идет о порохе, изобретение которого приписывалось средневековому монаху Шварцу.

[^^^]

Форстер Томас Игнатий Мария (1789 – 1860) – английский натуралист и астроном, автор ряда книг по естественным наукам.

[^^^]

Океанида (нимфа) Диона. Вариант, используемый Вельтманом: Афродита возникла из морской пены.

[^^^]

Что он сказал? *(Еврей)* *(идиш)*.

[^^^]

Греческий архипелаг, совокупность островов Эгейского моря. Далее в романе перечисляются наиболее известные острова.

[^^^]

Битва при Саламине, состоявшаяся в 480 г. до н. э. между греческим и персидским флотом. Персы потерпели тяжелое поражение.

[^^^]

Бахус (Вакх, Дионис) – бог плодородия, покровитель виноградарства в древнегреческой и римской мифологии.

[^^^]

Кастриот Георг (около 1405 – 1468) – руководитель борьбы албанцев против турецкого ига. Был талантливым военачальником, за одержанные победы получил в честь Александра Македонского имя Искандер-бей (искаж Скап-дербег). О его жизни и подвигах сложены песни и сказания.

[^^^]

Изида (Исида) – богиня древнеегипетской мифологии, супруга и сестра Осириса мать Гора, олицетворение материнства и супружеской верности

[^^^]

361

Доброе утро! (букв.: рассвет) (*англ.*)

[^^^]

Гений (*один*) (слышна нежная симфония) Но какие нежные оттенки сопровождают горестные вопли?... *Диверт.(исмент) Сен Фуа 20 {франц.}. Сен Фуа Жермен Франсуа Пуллен де (1698 – 1776) – французский писатель, автор «Писем турчанки в Париж», «Истории Ордена св. духа» и «Исторически' очерков Парижа».*

[^^^]

Не это верно, что чистый воздух не создан для человека, как это доказывается химией. *Ривароль* (франц.). *Ривароль* Антуан (1753 – 1801) – французский писатель. Автор ядовитой сатиры на писателей своего времени «Малый альманах наших великих людей». Напечатал также ряд памфлетов и других публицистических произведений.

[^^^]

Нет ничего легче, чем открыть Америку, надо только пойти чтобы ее встретить (*Завистники*) (*франц.*).

[^^^]

Вельтман перефразирует высказывания древнегреческого мыслителя.

[^^^]

Флор Публий Анний (копец I – начало II в.) – римский писатель, автор сочи пения «Две книги войн римлян», представляющего собой извлечения из римских писателей.

[^^^]

С утра и до ночи, не ведая забот,
Не зная грусти, пел и пел бедняга черт.
Немецкая история (немец.)

[^^^]

Имеется в виду А. В. Суворов.

[^^^]

Плашкот (плашкоут) – небольшое самоходное судно с плоским дном, применяемое для погрузочных работ. Плашкоуты также используют для устройства на плавных мостов на реках.

[^^^]

Веста (Геста) – божество домашнего очага и огня древнегреческой и римской мифологии. В храме Весты горел вечный огонь.

[^^^]

Это стихотворение является сокращенным вариантом оставшегося в рукописи произведения Вельтмана, помеченного датой «12 декабря» (ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 28, ед. хр. 3, лл.3, 4):

К Солнцу

Светильник мира благодатный,
Источник вечного огня
Враг ночи, ясный спутник дня!
Катись, о Солнце, в путь возвратный!
Мы ждем, когда твоя заря,
Как дева, от стыда сгоря,
Обворожительна, румяна,
Из-за кристаллов океана
Осыплет светом весь Восток
И вдохновенье силы новой
Прольет на Север наш суровый,
Как оживляющий поток!
Ты отдалялось... и мертвело
Земли бесчувственное тело,
Ты отдалялось... тяжело грудь
Впивала дух лишенный жизни!
Катись, катись в возвратный путь,
Скорей живой водою брызни,

Скорее силы обнови
Надежд, желаний и любви!
Как узник, сбросив цепи плена,
Издаст природа сладкий вздох
О Солнце древнее Эйрепа,
Ты бывший заблужденья бог,
Ты Зороастра староверца
Прельстило! Как младенец он
Мечтал, что в Солнце светлый трон
Того, кто зрит изгибы сердца,
И чтил он в образе огня
Источник всех начал и дня!
Он заблуждался; блеск светила
Влиянье, видимая сила
Над веществом и существом
Ему казались божеством! -
Он заблуждался... обольщенный;
К тебе его мольбы текли;
Пусть ты и свет и дух Земли,
Но Солнце ль свет и дух Вселенной,
Который жизнью напоил
Движенье вещества и сил?
Кто слово Ветхого завета
Над бездной мрачной произнес
И искрой собственного света

Безбрежный озарил Хаос?
Ты ль Солнце? нет?., но ты сторело,
На Запад светлый взор поник,
Где храм величественный Бела?
Где твой хранимый Вестой лик?
Гордись, о Солнце, дивной силой,
Свети, мир славит твой восход
Доколь и над твоей могилой
Другое Солнце не взойдет.

[^^^]

Армида – героиня поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Завораживала крестоносцев своей красотой, увлекла Ринальдо на далекий остров в свои волшебные сады.

[^^^]

Рымник – река, правый приток р. Серета. Во время русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг. на берегах Рымника 11(22) сентября 1789 г. произошло сражение русских войск под командованием А. В. Суворова и союзного австрийского корпуса с главными силами турецкой армии. Битва закончилась разгромом турок

[^^^]

В древнегреческих мифах участница калидонской охоты и похода аргонавтов. Существует много легенд о жизни аркадской охотницы. Одна из них: Аталанта состязалась в беге со всеми, кто добивался ее руки, я, одержав победу, пронзала искателя копьем. В беотийском мифе Гиппомену удалось при помощи хитрости обогнать Аталанту и стать ее супругом. Эту версию использовал Овидий.

[^^^]

Геба – древнегреческая богиня юности, дочь Зевса и Геры. У римлян отождествлялась с богиней юности Ювентой. Отсюда у Вельтмана Ювента-Геба.

[^^^]

Имеется в виду эпизод, рассказанный в библейской «Книге Эсфири». Мардохей (Мордехай) – визир Артаксеркса. Аман – яростный враг народа Израиля. В праздник Пурим, посвященный избавлению евреев от его преследования благодаря заступничеству дочери Мардохея Эсфири, в синагогах читают «Книгу Эсфири», и по произнесении имени Амана все присутствующие стучат ногами и трещат колотушкой, выказывая свою ненависть к Аману.

[^^^]

Остановка в пути.

[^^^]

Шабаш – 1) субботний отдых, предписываемый еврейской религией; 2) ночное сборище ведьм (в средневековых поверьях).

[^^^]

Ваше высокоблагородие.

[^^^]

Имеется в виду сказание о том, как Юпитер (Зевс) проник к Данае, запертой в медный терем (вариант: подземелье), в виде золотого ливня; и Даная родила Персея.

[^^^]

Бином Ньютона – математическая формула, выражающая любую целую положительную степень суммы двух слагаемых через степени этих слагаемых.

[^^^]

Орхомен – древний город в Беотии (Средняя Греция).

[^^^]

Терно Луи Мортимер (1808 – 1871) – французский историк.

[^^^]

Фас – сторона укрепления, обращенная к неприятелю.

[^^^]

Шумла – крепость на Балканах на дороге из Силистрии в Константинополь. Во время русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. Шумлу защищала турецкая пятидесятитысячная армия под командованием Хуссейна-паши. С начала июля 1828 г. крепость осаждали 3-й и 7-й корпуса русской армии, в сентябре подошел и 6-й корпус, но Шумла не была взята, и после падения 29 сентября Варны русские войска отошли к Силистрии. В 1829 г. после разгрома турок при Кулевче к Шумле были направлены 6-й и 7-й корпуса, но затем русская армия двинулась за Балканы, и активные военные действия под Шумлой прекратились.

[^^^]

Жоанно Тони (1803 – 1852) – французский живописец, гравёр и литограф.

[^^^]

Алеф – первая буква еврейского алфавита. В гл. ССLXII перечисляются все буквы этого алфавита. Транскрипция некоторых названий букв отличается от ныне принятой формы. Известны варианты произношения названий некоторых букв (папр., коф – куф, хэс – хэт).

[^^^]

Асфалей – одно из имен древнегреческого бога морей Посейдона. Дагон – божество семитских народов, сын Неба и Земли, носитель культуры, первый законодатель, герой. На сиро-финикийских монетах изображался с рыбами в руках и с нижней частью тела, как у рыбы. Нептун – римский морской бог, был италийским божеством влаги, его культ слился с культом Посейдона.

[^^^]

Теперь идем мы дальше. (Убедительное доказательство бессмертия.) 1-я гл. II отд. *Исраэл Готтлиб Ганцен (нем.)*.

[^^^]

Бусмар Анри Жан (1745 – 1807) – французский военный инженер, автор «Общего опыта фортификации» (русский перевод 1820 г.).

[^^^]

Одесс – древнегреческий город на Черном море, на месте нынешней Варны.

[^^^]

В древнегреческом сказании юноша Леандр, живший на берегу Геллеспонта, полюбил Геро, жрицу Афродиты (или Артемиды) в Сеете, на противоположном берегу пролива. Леандр по ночам переплывал Геллеспонт для встречи с возлюбленной. Геро зажигала огонь, чтобы юноша мог ориентироваться во тьме. Однажды во время бури огонь был задут ветром, и Леандр утонул. Его тело прибило к маяку, где его ждала Геро. Она в отчаянии бросилась в море.

[^^^]

Владислав IV Ваза (1595 – 1648) – польский король. Интерес к нему Вельтмана объясняется следующей записью в воспоминаниях: «До приобретения Хотина русскими этот город считался сильнейшим во всей Молдавии. Он известен победой Владислава, одержанною над султаном Османом в 1621 году. В 1674 году турки при Хотине разбиты Яном Собесским, который спас Вену от осады Магометом IV в 1683 году. По трактату Хотинскому, заключенному в 1622 году, Польша приобрела право иметь своих легатов в Константинополе. В это же время была основана королем польским в Хотине школа восточных языков, для чего и были выписаны учителя из Константинополя.» (А. Ф. Вельтман. Воспоминания о Бессарабии, с. 113).

[^^^]

Джирид – палка пальмового дерева, применяется в конных играх на Востоке. На войне употреблялась с железным наконечником как копье.

[^^^]

Варна – город и порт в глубине Варненского залива Черного моря. Была крепостью Турецкой империи, прикрывавшей кратчайший путь к Константинополю, и поэтому во время русско-турецких войн XVIII – XIX столетий имела важное стратегическое значение. В войну 1828 – 1829 гг. Варна была осаждена и после кровопролитного сражения взята 29 сентября 1828 г.

[^^^]

«Ганжур» (тибет.: «Словеса») – буддийская священная книга, состоящая из канонических произведений, приписываемых Будде. Монгольский перевод с тибетского языка, осуществленный в XVII в., содержит 108 томов, включающих 1161 произведение.

[^^^]

Янус – древнее италийское божество, изображался человеком с двумя лицами (одно считалось обращенным в прошлое, другое – в будущее). Во время мира ворота храма Януса были закрыты, при объявлении войны они открывались.

[^^^]

Занятия, считающиеся присущими комедиантам и фиглярам, – это занятия всех людей.

Гиппократ.

Гиппократ (460 – 377 или 356 до п. э.) – древнегреческий врач, называвшийся «отцом медицины». Вельтман посвятил истории Гиппократа и его дочери рассказ «Дочь Иппократа. Эллинское предание острова Коса» («Москвитянин», 1849, № 10, кн. 2, с. 61 – 76).

[^^^]

Люди становятся жалкими, желая лишнего.
(Минерва под изображением Ментора)
(итал.).

[^^^]

Ces exagérations sont permises a la poésie, surtout dans la manière d'écrire dont je me sers. *Fables de Lafontaine, Liv. XI. fab. IX (прим, автора)*. – Эти преувеличения допускаются в поэзии, особенно в том жанре литературы, которому я служу. *Басни Лафонтена* кн. XI, б. IX.

Лафонтен Жан (1621 – 1695) – французский поэт, создатель знаменитых «Басен» (кн. 1 – 11, 1665 – 1679).

[^^^]

«Белой дамы» (франц.).

«Белая женщина» (или «Белая дама») – комическая опера Ф. А. Буальдьё на либретто Э. Скриба. Поставлена в Париже в 1825 г. В Москве шла в Большом театре в 1829 г. под названием «Белая волшебница».

[^^^]

«Вольного стрелка» (немец.)

«*Вольный стрелок*» – опера К. М. Вебера. Первая постановка была осуществлена в 1821 г. в Берлине. В России впервые шла в 1824 г. в Петербурге под названием «Волшебный стрелок».

[^^^]

французскую кадрили (франц.).

[^^^]

Низам-гедитам (низам-джедит) – комиссия при турецком султানে, ведающая организацией войск. Здесь: воины.

[^^^]

Оссиан (Ойсин, Ойзин) – легендарный кельтский бард и воин. По преданиям, он жил в III в. и воспевал подвиги соплеменников во главе с Финном Мак-Кумхайлом. Прославил Оссиана английский поэт Дж. Макферсон, издавший «Сочинения Оссиана, сына Фингала», являющиеся литературной подделкой, правда, включающей фрагменты гэльского фольклора. В «Сочинения Оссиана» входит поэма «Катлода».

[^^^]

Мечеть в Шумле (*прим, автора*).

[^^^]

Историю Эмина писатель хотел подробно изложить в прозаическом произведении, начатом ранее «Странника», но работу не завершил.

[^^^]

Нет бога, кроме Аллаха! (*араб.*).

[^^^]

гарем.

[^^^]

кинжал (*прим, автора*).

[^^^]

Я сочувствую тому, кто лишен химер в воображении, чтобы утешать себя в реальной жизни. *Доломье(франц.)*.

Доломье Дьедонне Сильвен Гью Танкред (1750 – 1801) – французский геолог и минералог, автор научных книг о Флоренции, Египте и путевых записок. Вельтман интересовался описанием путешествий, книги об экспедициях хранились в его библиотеке.

[^^^]

Области в Западной Африке у берегов Атлантического океана.

[^^^]

Ксеркс (см. прим. 19 к ч. II) во время похода против Греции потерпел поражение на воде (при Саломине и Микале) и на суше (при Никтеях) и проклял море и землю. Геллеспонт – древнегреческое название Дарданелл.

[^^^]

ДИКИЙ КОНЬ (*прим, автора*).

[^^^]

Вельтман использует в данном абзаце мотивы монгольских сказаний. Кутухтва (правильно: хутухту) – ламаистский священнослужитель.

[^^^]

Дворец Богды (*прим, автора*). Богда – верховное божество монголов.

[^^^]

Тот, кто сидит, трудится, чтобы подняться;
тот, кто движется, трудится, чтобы быть в по-
кое. *Гиппократ (франц.)*.

[^^^]

Ты, любимая гора! *(Книга песен Штоха для детей)* (немец.).

[^^^]

Каменский Сергей Михайлович (ум. в 1835) – генерал русской армии. Участвовал в турецкой кампании 1810 г.

[^^^]

Маркитант – в XVIII – XIX вв. торговец съестными припасами и напитками при армии.

[^^^]

бифштекс.

[^^^]

Некрасовцы (лшговане, игнат-казаки) – потомки донских казаков, участники Булавинского восстания 1707 – 1709 гг. После поражения восстания казаки ушли с И. Ф. Некрасовым на Кубань, а затем (в 1740 г.) эмигрировали в Турцию, расселились в Добрудже и Малой Азии. Имели самоуправление, были освобождены от податей и повинностей с обязательством участвовать в войнах против России. До 1864 г. выступали с турками против России.

[^^^]

Ирак Эль Араби – область между Тигром и Евфратом, в древности – Вавилония. Диарбекир – область в Курдистане, у реки Тигр.

[^^^]

Порта – Османская империя.

[^^^]

Слава Аллаху! Неприятель! (*араб.*)

[^^^]

Сераскир – главный начальник в Османской империи. Назначался из числа пашей.

[^^^]

Здесь я лежу, поэт Назон, певец сладостных песен,

Погибший из-за своего таланта.

Да не будет тебе в тягость, прохожий,

Как и всякому, пожелать, чтобы кости Назона покоились мягко (*лат.*).

Это четверостишие – так называемая «Эпитафия Овидия», включенная самим поэтом в текст его «Скорбных элегий» (III, 3, 73 – 76). Даем ее в переводе С. Шервинского:

Я под сим камнем лежу, любовных утех
воспеватель,

Публий Назон, поэт, сгубленный даром
своим.

Ты, что мимо идешь, ты тоже любил, по-
трудись же,

Молви: Назона костям пухом да будет земля!

[^^^]

Имеется в виду узел, которым обвязал повозку в храме Гордий, легендарный царь Фригии. Считалось, что развязавший узел станет повелителем всей Азии. По легенде, Александр Великий разрубил «гордиев узел» мечом, отказавшись от попытки его распутать.

[^^^]

Gaii Юлий Цезарь Октавиан Август (63 до п. э. – 14 н. о.) – римский император, по неизвестным причинам выславший навсегда из Рима поэта Овидия.

[^^^]

Вергилий Марон Публий (в позднейшем написании *Виргилий*) (70 – 19 до н. и.) – римский поэт, автор «Буколик», «Георгик» и «Энеиды».

[^^^]

Тибулл Альбий (около 50 – 19 до н. э.) – римский поэт. Автор двух книг элегий. Первая жизнерадостно воспекает сельскую жизнь, любовь. Во второй сильны мрачные мотивы.

[^^^]

Эклоги в честь Августа; в конце шестой песни
Виргилий воспеваёт Клавдия Марцелла, сына
Октавии, сестры Августа (*прим, автора*).

[^^^]

Виргилий был одержим одышкой. Гораций имел фистулы в глазах (*прим, автора*).

[^^^]

Известная басня о лягушке, пытавшейся стать величиной с вола.

[^^^]

Послание Горация к Пизонам, посвященное
вопросам поэзии.

[^^^]

Алкеева строфа, созданная древнегреческим поэтом Алкеем.

[^^^]

Светоний (*прим, автора*).

Светоний Гай Транквилл (ок. 70 – после 122) – римский историк и писатель.

[^^^]

*Метид*а – первая жена Зевса, океанида. Зевс остерегался, чтобы Метида не родила ребенка сильнее его. проглотил по совету Геи океаниду и затем родил из своей головы Афину (Минерву) в полном вооружении.

[^^^]

Имеется в виду поэма Овидия «Наука любви».

[^^^]

Медея – волшебница древнегреческих мифов, жена Ясона, которая помогла ему завладеть золотым руном. Узнав, что Ясон хочет ее оставить, Медея уничтожила невесту Ясона и своих детей. Одноименные трагедии о пей создали в античной литературе Еврипид и Сенека.

[^^^]

Мельпомена – муза трагедии.

[^^^]

Еврипид (Эврипид) (ок. 480 до п. э. – 406 до н. э.) – древнегреческий драматург. Из его произведений до нас дошло 17 трагедий и драма сатиров.

[^^^]

Девица (*франц.*).

[^^^]

Мой друг, пусть этот взгляд вам напоминает
Глаза, которые любили вас искать, созер-
цать и понимать;
Пусть он всегда напоминает вам нежные
взгляды и слезы,
Которые они источали в момент проща-
ния (*франц.*).

[^^^]

Сердце, страдать, воспоминание, забвение
(франц.).

[^^^]

Две вещи, которые заставляют сердце стра-
дать,

Которые его мучают в течение жизни:
Это, с одной стороны, воспоминание,
С другой – забвение (*франц.*).

[^^^]

Бедный москаль! (*прим. автора*).

[^^^]

Постоян-ка (*прим. автора*).

[^^^]

Л'Эне Шарль Мишель (1712 – 1789) – французский аббат, автор трактатов о воспитании.

[^^^]

Понт Эвксинский – Черное море у древних греков.

[^^^]

Торки – одно из тюркских племен, кочевавших в южнорусских степях. В 985 г. торки принимали участие в качестве наемников в походе князя Владимира на болгар. Позже часть торков перешли Дунай и приняли подданство Византии.

[^^^]

П. П. Л. – Павел Петрович Липранди (1796 – 1864), подполковник 32-го Егерского полка.

[^^^]

гарема.

[^^^]

Имеются в виду турецкие завоевания XV – XVII вв. в Европе.

[^^^]

Аларик (Аларих) I (ок. 370 – конец 410) – король вестготов, умерший в Южной Италии

[^^^]

Чтобы ничего не оставлять позади, я вам скажу, господин, что...

(Письмо говорящим головам. Риероль)
(франц.).

[^^^]

Имеется в виду басня И. А. Крылова «Демьянова уха»

[^^^]

Гласис – пологая земляная насыпь, которая создавалась перед наружным рвом крепости, чтобы улучшить обстрел, усилить защиту и замаскировать укрепления

[^^^]

куртина – участок крепостной ограды, соединяющий обращенные друг к другу части двух соседних бастионов.

[^^^]

460

Ваше высокоблагородие!

[^^^]

461

квартирьер.

[^^^]

Гай-Люсак (Гей-Люсак) Жозеф Луи (1778 – 1850) – французский химик и физик. Открыл закон расширения газов, закон объемных отношений при реакциях между газами.

[^^^]

Галац – город и порт на левом берегу Дуная. Вельтман имеет в виду, что уже рассказывал о Галаце в повести в стихах «Беглец». Вот что он писал о городе в примечании к «Беглецу»:

«Торговый город Молдавии; лежит на Дунае между впадением рек Серета и Прута. Он есть место склада товаров Молдавии и Валахии, или лучше сказать, место развоза и привоза оных, ибо до него Дунай судоходен только для купеческих кораблей. Галац имеет наружность многонаселенного города более от производящих торговлю, нежели от постоянных жителей, которых не более 8-ми тысяч. Пристань Галаца есть счастливая соперница дунайских пристаней. Туда привлекается торговля плодородием земли двух княжеств, потребностями роскоши азиатской в оных, мануфактурными произведениями Австрии, получаемыми через Яссы, Букарест и по Дунаю.

Имея все выгоды морской пристани, сей город должен был бы процветать, но чума и беспокойное правление уничтожали всегда благосостояние его» (*А. Вельтман. Беглец. М.,*

1831, c. 59, 60).

[^^^]

Вулкан (*в сторону*).

Ах, природа, природа! итак, я оставляю тебя тому, кто захочет тебя взять!

Пандора. Сен-Фуа (франц.).

[^^^]

Мои взоры стремятся проникнуть в глубину прошлого; но я вижу там только неопределенный отблеск, похожий на отражение лунных лучей от поверхности отдаленного озера. Там горят огни войны, здесь я вижу поколение слабое и жалкое, идущее своей дорогой, не отмечая годы каким-либо блестящим деянием.

Катлода. Песнь III (франц.)

[^^^]

лошадей (молд.).

[^^^]

...поо-поо-померани-по! – строка из румынской народной песни о Тудоре Владимиреску, руководителе восстания 1821 г. Точно этот стих звучит так: «Рот, рот, рот егат ей, рот», что в переводе означает: «Фруктовым деревом, фруктовым деревом, фруктовым деревом был я, фруктовым деревом». Эта песня получила широкую известность в Бессарабии. Вельтман цитирует данную строку и в рассказе «Радой»:

«Со всех сторон раздавались дикие голоса, которые пели:

Ипсилянти фетмаршал,

Дука маре инарал!

Пом-пом-пом-померапи-пом!»

(А. Вельтман. Повести.

СПб., 1843, с. 171).

В этих стихах упоминается вождь этерии Александр Ипсилянти, фетмаршал (т. е. фельдмаршал), и эфор этерии Дука (маре инарал – великий генерал).

пошла! дохлятина! (молд.)

[^^^]

мост Могушой (молд.).

[^^^]

470

кацавейка, одежда без рукавов (*молд.*).

[^^^]

Куонхина, трик-трак – настольные игры.

[^^^]

что? *(немец.)*.

[^^^]

Имеется в виду библейский рассказ об Иосифе, одиннадцатом сыне Иакова. Он был продан братьями проезжим купцам, а те продали его египетскому вельможе Потифару (Пентефрию). Красота юноши привлекла жену вельможи. Оставшись наедине с рабом, она схватила его за одежду и сказала: «Ложись со мной». Иосиф бежал от жены Потифара, оставив в ее руках свою одежду.

[^^^]

сорта материй (*франц.*).

[^^^]

по-девичьи, как у цветочницы, по-английски
(франц.).

[^^^]

как у инки (*франц.*)

[^^^]

боков дыни, ушей слона (*франц.*).

[^^^]

Кто слишком много доказывает, тот никого не убеждает. (Аксиома) (франц.).

[^^^]

самый лучший (*идиш*).

[^^^]

480

самый хороший, лучший! (*идиш*).

[^^^]

481

эх, пять дукатов за кусок! *(идиш)*.

[^^^]

визитные карточки с карикатурами! (молд.)

[^^^]

483

восемнадцать лей! купи купи, господин!
(молд.).

[^^^]

Купите, купите, дорогой господин! *(идиш)*.

[^^^]

Бедный я! (молд.).

[^^^]

по-турецки (*франц.*).

[^^^]

большой черт (*прим, автора*).

[^^^]

Пожалуйста, господин!... отличное вино! варенье, кофе и трубка! *(смесь новогреч. и молд.)*

[^^^]

имею жену, много детей (*прим. автора*)

[^^^]

нет белья, нет одежды (*прим. автора*).

[^^^]

турки все съели (*прим, автора*).

[^^^]

Славное вино! (греч.) (прим, автора)

[^^^]

Был в службе русской (*прим, автора*).

[^^^]

шла артиллерия, большие пушки (*прим. автора*).

[^^^]

Генерал, начальник (*прим, автора*).

[^^^]

напечатано: и проч. и проч. и проч. (подорожная) *(прим, автора)*

[^^^]

с немцами (*прим, автора*).

[^^^]

при Фокшанах (*прим, автора*).

[^^^]

Князь послал меня с провиантским обозом к
принцу Кобургскому *{прим, автора),*

[^^^]

Визирь с кавалерией на анатолийских жеребцах (*прим, автора*).

[^^^]

501

Я лежал в каре (*прим, автора*).

[^^^]

Идет Суворов (*прим, автора*).

[^^^]

Убежали черти турки (*прим, автора*).

[^^^]

я (молд.).

[^^^]

МНОГО (*молд.*).

[^^^]

армянка.

[^^^]

Бурика по-молдавански – пупок; по выражению: в самой середине Царьграда (*прим, автора*).

[^^^]

Хорошо, хорошо, боярин (*прим, автора*).

[^^^]

безделия (*итал.*).

[^^^]

по обычаю (*прим, автора*).

[^^^]

Мрак кромешный (*лат.*)

[^^^]

512

Лавиния – дочь царя Латина, жена Энея.

[^^^]

Так говорил Эней со слезами на глазах: в это время его флот уплывал на всех парусах. *Энеида (франц.)*.

[^^^]

Меркатор Герард (1512 – 1594) – фламандский картограф. Предложил математически обоснованные принципы построения географических карт в равноугольной цилиндрической трапеции – «проекции Меркатора».

[^^^]

515

Товарищ сказал: как вздох любви; но любовь его не уместилась в стихе (*прим. автора*).

[^^^]

Подобно козявке, пресуществляющейся в яичко, гусеницу, куколку и наконец – в бабочку.
Эм. Сведенборг(франц.).

Сведенборг Эмануэль (1688 – 1772) – шведский теософ, создатель мистических и оккультных сочинений, из которых наиболее известно «О небесах, о мире духов и об аде».

[^^^]

Стурдза Михайлаки (Михаил) Георгиевич – кишиневский житель, сын «старейшего молдавского бояра» Георгия Стурдзы.

[^^^]

Любовь (*одиноко сидящая у подножия дерева*).

...Какое прекрасное приключение! какой позор! как смешно!... *Грации. Комед. С. Сен-Фуа. (итал.)*

[^^^]

Дайте мне клочок бумаги и чернила! (ноео-греч.).

[^^^]